

Посвящается
моим детям –
Елене и Дмитрию
Дударевым

**Сергей
Леонидович
ДУДАРЕВ**

Очерки
истории и
повседневного
быта
одной семьи
в интерьере
эпохи

**ЭТО
БЫЛО
НЕДАВНО,
ЭТО
БЫЛО
ДАВНО...**

**К 190-летию
основания города
Грозного
(1818–2008)**

**Армавир–
Ставрополь
2008**

УДК 9 (М)
ББК 63.3(0)4
Д 81

Рецензент **Н. Н. Великая,**
доктор исторических наук,
профессор
(кафедра истории России АГПУ)

Дударев, С. Л.

Это было недавно, это было давно...
: очерки истории и повседневного быта одной семьи
в интерьере эпохи. К 190-летию основания города
Грозного (1818–2008) / С. Л. Дударев. — Ставрополь :
Сервисшкола, 2008. — 208 с. ; ил.

ISBN 5–000–0000–000–0

В книге, написанной известным историком и археологом-кавказоведом, доктором исторических наук, профессором, заведующим кафедрой всеобщей истории Армавирского государственного педагогического университета С. Л. Дударевым, освещается история его семьи. Особое внимание автор уделяет жизненному пути своих родителей, рассматривая его, как и быт семьи в Грозном, в контексте прошлого страны. Действие разворачивается на фоне тех реалий этого южно-российского города с трудной, трагической судьбой, многие из которых уже навсегда ушли в прошлое. Автор пристально вглядывается в повседневную жизнь своей семьи как микрочастицу общества, проходящую на фоне и во взаимосвязях с ближайшим окружением — соседями, друзьями, товарищами по работе, родственниками. В книге много личных впечатлений и наблюдений, воспоминаний родителей, сестры, других близких родственников. В то же время они соединены с доступным автору жизненным, публицистическим, научным материалом по советской эпохе и истории Кавказа. Цель автора заключается в том, чтобы через призму обыденного существования своей семьи и его перипетий отразить некоторые характерные черты бытия и атмосферы той социальной среды, к которой принадлежит он сам, и продемонстрировать отдельные важные приметы времени, определенного, в основном, рамками второй половины XX в.

© Дударев С. Л., 2008.

Почему я решил взяться за написание этой книги именно сейчас? Интерес к истории семьи периодически вспыхивал у меня в разные периоды жизни, но потом, увы, как-то само собой угасал. Но вот прошло 15 лет с того момента, как я, моя жена и дети связали свою судьбу с городом Армавиром. И я воочию ощутил, что между грозненским прошлым и армавирским настоящим произошел разрыв, который наиболее ярко воплотился в том, что мои дети — Лена и Дима — почти ничего не помнят и мало что знают о жизни семьи Дударевых в Грозном. Не помнят по вполне естественной причине — Лене было 6 лет, а Диме — немногим больше года, когда мы с супругой привезли их на Кубань. Мало знают потому, что, будучи поглощенными своими повседневными делами на новом месте, мы не так часто рассказывали детям о жизни на своей малой родине. Особенно это касается меня самого. И сейчас образовавшаяся пропасть всё больше растет. Воистину — «распалась связь времен...». Почти физически ощущаю растущее беспокойство и диском-

ПРЕДИСЛОВИЕ

*От чистого истока,
В прекрасное далеко,
В прекрасное далеко,
Я начинаю путь.*

Из песни.

*Живут во мне воспоминанья,
Пока я помню, я живу.*

Из песни.

*Жизнь простых людей помогает
понять историю лучше,
чем декларации политиков.*

1-й канал, ОРТ, 9.XII.07.

*Каждый пишет, что он слышит.
Каждый слышит, как он дышит.
Как он дышит, так и пишет,
Не стараясь угодить.
Так природа захотела.
Почему — не наше дело,
Для чего — не нам судить.*

Б. Оксуджава.

*С возрастом
мысли становятся длиннее.*

Ю. Визбор.

форт — мои дети могут стать (если ничего не предпринять) этакими манкуртами¹, которые не имеют под ногами твердой почвы семейной памяти. Будь дело в Грозном — я бы много раз привел их к своему родному дому, на улицу, где прошло детство, к родной школе, к могилам дедушки и бабушки (моих родителей). Но всё это уже невозможно. Грозный изменился до неузнаваемости, жестоко разрушенный двумя беспощадными войнами, а нынешние лубочные его виды не трогают сердца. Так как же быть? Выход один — предать бумаге, всё что помню. Конечно, дети (да и всякий, кто прочитает эти строки) могут сказать: «Но это же не всё, что было с семьей в те годы, а скорее лишь какие-то моменты». На это я отвечу словами Габриэля Гарсия Маркеса: «Жизнь — это не то, что было, а то, что ты об этом помнишь, и как ты об этом рассказываешь». Недавно Зиновий Высоковский, говоря о В. Высоцком, сказал, что в лабиринтах своей памяти он тщательно собирает все крупицы, относящиеся к жизни замечательного барда и актера. Могу обещать лишь одно — всё, что будет обнаружено мною в собственных слоях памяти из области грозненского далека, предстанет перед моим потомством. И перед чужим тоже... В этой книге я возвращаюсь к своим истокам, корням, своему началу. Пусть меня не осудят за то, что, рассказывая о семье, её жизни, окружающей её обстановке, атмосфере, друзьях дома, я буду рассказывать и о себе. Советский писатель Даниил Гранин как-то сказал: «Пишущему воспоминания некуда деться от самого себя, как он ни старается, а если бы нашлось куда деться, воспоминания, перестав быть личными, сделались бы невозможными». В конце концов, долг памяти — это, изначально, долг какого-то одного человека, который носит его в своем сердце. Эта «память сердца»² и ведет меня по путям прошлого, взывая к ответственности не только перед детьми, но и перед некогда прекрасным городом и многими поколениями людей, создававшими его.

Сердечное спасибо моим двум тётушкам — Марусе и Зое — за воспоминания о прожитых годах, без которых эта книга лишилась бы многих черт документальности, придающих любым попыткам восстановить события прошлого твердую основу и аромат сопричастия к событиям. С душевным трепетом хочу почтить память моей сестры Ирины, которая поделилась со мной воспоминаниями о нашем отце. Считаю своим приятным долгом поблагодарить доктора географических наук, профессора А. А. Головлёва, коренного грозненца и знатока истории г. Грозного, проживающего ныне в г. Самаре, за ценные консультации при написании этой книги. Они стали тем необходимым фоном, который придал больше достоверности моему повествованию, прочнее «привязав» личные эмоции к реальной исторической почве. Я искренне признателен доктору исторических наук, профессору Н. Н. Великой — давнему товарищу и соратнику по Кавказоведческой школе профессора В. Б. Виноградова — за труд по рецензированию этой книги. Моя глубокая благодарность — директору Государственного унитарного предприятия «Наследие» (г. Ставрополь) кандидату исторических наук А. Б. Белинскому и сотруднику этой же организации А. Степину за техническое содействие в оформлении иллюстративного материала к настоящему изданию. Но главное — я склоняю голову перед своими родителями — моим началом и моей основой, говорящими в этой книге моими устами. Они смотрят на меня со своих фотографий, стоящих в моём кабинете. Они главные мои свидетели и судьбы перед Богом и людьми.

¹ Манкурт — по киргизскому писателю Чингизу Айтматову — человек, лишенный памяти, не знающий своего прошлого, своих корней.

² Так назывался и замечательный советский фильм с Андреем Поповым и Верой Марецкой в главных ролях.

ДОМ, УЛИЦА, СОСЕДИ, ГОРОД

*Родительский дом, начало начал,
Всей жизни моей надежный причал.
Родительский дом,
пускай много лет
Горит в твоих окнах добрый свет.*
Из песни.

*Я на свете повидал немало
Древних и красивых городов.
Но таких, как Грозный,
не встречал я,
Не видал нигде таких садов.*

*Песня лети, песня лети,
Обойди все горы,
Песня лети, всем расскажи,
Как живет наш город.*
*Из «Песни о Грозном»
Нурдина Музаева.*

*Я прошу, хоть ненадолго,
Боль моя, ты покинь меня,
Облаком, сизым облаком,
Ты полети к родному дому,
Отсюда к родному дому.*
*Из песни к к/ф
«17 мгновений весны».*

В замечательной советской песне из кинофильма «Щит и меч» есть запавшие в душу представителям моего поколения слова: «С чего начинается Родина?». Для меня она началась именно с родного дома — этого «начала начал», оплота всего мировосприятия и ощущения жизни.

С каких пор я его помню? Да с тех же, что и себя. Пытаясь понять, к каким годам это может относиться, я обратился к сохранившимся документам, а также письмам моего деда — Сергея Степановича Фёдорова — маминного отца. В них говорится о том, что строительство, проводившееся моими родителями, в результате которого внешний облик нашего дома сильно изменился, произошло в 1956 г. До первой перестройки (а речь идет именно о ней) наше жилище представляло собой часть большого одноэтажного домовладения, находившегося по улице Коммунистической, 29 (бывшей Муравьевской)¹.

Оно было построено, согласно сохранившейся документации, в 1900 г., т.е. в самом конце XIX в. Большая его часть принадлежала соседям, семье Р. Мой отец, демобилизовавшись в г. Грозный после Великой Отечественной войны, вызвал к себе жену и дочурку и после скитаний по квартирам сумел со временем приобрести в этом домовладении комнату с галереей. Поразительно, но в этот момент дом был, как говорят у нас в народе, «бесхозным». Предшествующий владелец жилплощади Дегтярёв просто написал отцу расписку в том, что передает в безвозвратное пользование принадлежащую ему квартиру Л. И. Дудареву, от которого получил «отступное» (!) в сумме 3 тыс. рублей. Оба — и покупатель, и продавец — выступали в роли этаких держателей в феодально-восточном духе, не имея возможности приватизировать жильё (на дворе было 20 июня 1951 г.!), и хорошо понимая, что при всей его бесхозности у них за спинами незримо и могуче нависает главный собственник всего в стране — государство. Поскольку я достаточно хорошо помню эту комнату и галерею до перестройки, то можно с уверенностью сказать, что моя детская память сохранила облик жилища, существовавший ранее 1956 г.

Вообще память человеческая, а тем более детская — удивительная вещь. В советское время существовало правило — когда умирал видный коммунистический деятель, отечественный или

¹ Была названа так, по-видимому, в честь наместника Кавказа Н.И. Муравьева. Ранее называлась как-то иначе.

С. Л. Дударев

Это было
недавно,
это было
давно...

зарубежный, на каждом доме вывешивались траурные флаги с черной каймой. Когда такой флаг был однажды вывешен на заборе нашего дома, отец при мне произнес фразу, которую я запомнил на всю жизнь: «Умер Клемент Готвальд»². Шел 1953 год. Когда я, будучи молодым человеком, вспомнил об этом эпизоде, то не поверил самому себе: как можно было 2-х лет отроду (или меньше) запомнить такое?! Но вот слова, произнесенные отцом, я вновь вспомнил, уже занимаясь написанием этой книги, в начале января 2007 г. Думаю, что память меня все же не обманула.

Но вернемся к нашему дому. Комната, с которой и начался собственно дом Дударевых, сохранилась в своём первоизданном виде до 1992 г., когда родная обитель была оставлена. Она имела

высокий потолок и толстые саманные стены. Окно закрывалось деревянными ставнями, которые скрывали всё, находившееся внутри, от посторонних глаз. Впрочем, в те времена, о которых идет речь, скрывать-то было особенно и нечего. В углу была печь, топившаяся углем. Помню пощелкивание углей в печи, красный отсвет пламени, падавший на заслонку и пол. Что ещё было в комнате? Черный дермантиновый диван, пара железных кроватей да стол. На стене два маленьких гобелена и картинка с изображением лошади. С потолка опускался электрический шнур, на котором висел

Глава 1.

Дом,
улица,
соседи,
город

«Родительский дом, начало начал...» (фото слева). Вид на улицу Коммунистическую.

² К. Готвальд (1896–1953) — видный деятель Коммунистической партии Чехословакии, председатель КПЧ с 1945 г., с 1948 г. — президент Чехословакии.

«классический» для тех времен оранжевый абажур. Впрочем, когда родители только поселились на улице Коммунистической, 29, обстановка, судя по их рассказам, была куда более скромной. Недаром один посетитель как-то подметил: «Бедно, но чисто». Позднее, когда печь за ненадобностью

С. Л. Дударев

Это было
недавно,
это было
давно...

была убрана, на её место поставили массивный деревянный буфет. На одном из гобеленов была изображена оленья семья, которую мне, будучи ребенком, нравилось сравнивать с составом моих близких, на другом — загадочные очертания некоего восточного города, вроде набатейской Пётры³.

В жару, которая в Грозном была делом обычным, в этой комнате было относительно прохладно. Сквозь щель в неплотно прикрытых ставнях с улицы проникал свет, отражавшийся от земли. Его луч был своеобразным проекционным фонарем, который рисовал на потолке очертания проходивших мимо людей, и это было немножко похоже на волшебство. Первоначально с комнатой соединялась деревянная застекленная галерея, из которой был выход во двор и на улицу. Со стороны

³ Город Пётра — столица набатеев, арабских племен, создавших на Ближнем Востоке в начале нашей эры царство, державшее под контролем важнейший торговый путь из Южной Аравии в Дамаск.

улицы находилось парадное — вход с двускатной металлической крышей, подпорками из ажурных решеток и двумя стойками-столбами, на которых крыша держалась. Таких «парадных» в одноэтажной части Грозного было немало. Дверь парадного была большая, двухстворчатая. С левой стороны в двери, насколько я теперь понимаю, была прорезь, служившая почтовым ящиком — брошенные в неё газеты и письма падали прямо на пол. Почему способ получения почты выглядел именно так, теперь, много лет спустя, дает основания думать

Глава 1.

Дом,
улица,
соседи,
город

Вид на улицу Коммунистическую (фото слева).
С. Дударев во дворе дома № 29. 1950-е гг.

то, что однажды отец, глядя в «прорезь» с улицы, улыбаясь, что-то шутливо говорил мне. Если бы на дверях изнутри висел ящик, то это наше общение тогда было бы невозможным.

У входа в галерею со двора находилась маленькая деревянная лавочка. Во дворе напротив стоя-

ли деревянный сарай и что-то вроде вольеры, где отец одно время держал кур. Слева от сарая начинался дом соседей, живших во дворе, — семьи П., построенный в 1890 г. и соединявшийся, в свою очередь, с большим сараем, принадлежавшим семье Р. Двор, в котором, таким образом, постоянно проживало три семьи, был сам по себе достаточно большим и до поры до времени никем и ничем не разделенным. По сторонам двора были маленькие палисаднички с какими-то домашними цветами. Посередине двора росло большое толстое тутовое дерево, великолепная тенистая крона которого спасала летом от зноя. Иногда к нему привязывали гамак, качаясь в котором, можно было отдыхать, укрываясь от палящего солнца. Но постепенно дерево стало мешать преобразовательским планам жителей двора. Глава семьи П. — дядя Яков, чтобы извести ставшее ненужным дерево, забил в него множество здоровенных гвоздей, думая, таким образом препятствовать его росту. Но ничуть не бывало. Тутовник рос, несмотря на эти забавные потуги соседа. И всё же гордый красавец пал, будучи однажды спиленным настырными обитателями двора. В его истории это, как оказалось впоследствии, был не единственный «лесоповал». Но гибель тутовника не стала, всё же, таким фатальным символом, как то, что произошло гораздо позднее, в начале 1990-х годов.

...Двор был достаточно просторным, и ребенком я, бывало, катался на своем трехколесном велосипеде по всей его территории. А случались и такие дивные моменты, когда мама ставила летом почти на середине двора небольшую оцинкованную ванну, наполненную водой, и когда вода нагревалась, я залезал в неё и испытывал блаженство, которое невозможно сравнить с удовольствием владельца роскошного бассейна.

До поры все жители двора свободно перемещались по всей его площади, и на то была немало-

важная причина. В дальнем углу двора находился деревянный туалет, коим пользовались все жильцы. С ним связан один полукомический эпизод. Дело в том, что однажды соседям Р. принесли щенка овчарки, быстро выросшего в большого и злобного пса, который как-то раз, во время наших игр с детьми и племянниками Р., бросился на меня и схватил за руку. К счастью, пес не укусил меня, и его зубы лишь оставили синяки на предплечье. Нечего и говорить, что этот случай перепутал моих родителей, но не произвел особого впечатления на Р. Хозяева собак вообще склонны идеализировать своих любимцев: они и умные, и добрые, и ласковые, да только нужно добавить — со своими хозяевами. Но, как показывает практика, далеко не всегда. Так вот, «резиденция» этого самого пса с характерной кличкой *Абрек*⁴ находилась неподалеку от дворового туалета. Свирепое животное своими прыжками и громким лаем пугало жильцов, стремившихся проникнуть в это достославное учреждение. Каждый на свой манер стремился отвлечь внимание этого «Цербера»⁵. Хозяева собаки же только посмеивались, наблюдая за нехитрыми маневрами соседей. Это было чем-то вроде народной забавы нашего двора, которая, как будто, не вызывала ни у кого обиды.

Но вот однажды соседская овчарка в приступе безумной ярости, перепутав своего и чужого, буквально изорвала сестру хозяина — тетю Соню, кусав ей и лицо... После того, как пёс расправил-

⁴ Так у горских народов Кавказа назывались разбойники, образ которых традиционно окружался неким романтическим ореолом, как «борцов за справедливость». Что это были за «борцы», можно прочитать в современной научной литературе (см. например: *Клычников, Ю.Ю., Линец, С.И.* Северокавказский узел: особенности конфликтного потенциала (исторические очерки). — Пятигорск, 2006. — С. 70–91. Там же и библиография.).

⁵ Цербер (Кербер) — в древнегреческой мифологии чудовищный пес, охранявший вход в подземное царство Аида.

ся над пожилой женщиной, его отдали в колонию сторожить преступников.

С улицы двор был огорожен достаточно большим деревянным забором, главной частью которого были тяжеленные ворота, почерневшие от дождей. Они закрывались изнутри от случайных прохожих и воров. Но у мальчишек всегда были свои надобности, которые требовали преодоления этого существенного препятствия. Думаете, я тогда перелезал через него? Ничуть не бывало. В этом упражнялись парни из семьи П., поздно возвращавшиеся домой, которым никогда не сиделось дома, особенно младшему, имевшему на улице славу «бандера». А я по малости лет, роста и объема маленького пацанячьего тела просто пролезал в небольшую ямку под воротами. Ею, кстати, пользовался и положил начало этому достойному пути наш дворовый пес по кличке Баритон. Это была обычная, но очень симпатичная и дружелюбная дворняга рыже-коричневой масти с белой «манишкой» на груди и «носочками» на лапах. Конец этого очаровательного пса был печальным. Дядя Яков отвел собаку на живодерню. А что до романтических «сиганий» через забор, то моё время в этом смысле было ещё далеко впереди.

Итак, в 1956 г. родителями, которые поначалу были счастливы своим обретенным углом, но затем устали от тесноты (им и сестре нужно было готовиться к урокам), была затеяна стройка, или, выражаясь языком документов, реконструкция галереи. Она стала возможной благодаря разрешению, полученному от Инспекции государственного архитектурного контроля при Грозненском облисполкоме (исполнительной городской советской власти); ниже станет понятно, почему я обращаю внимание на эти, казалось бы, рутинные и неинтересные детали.

Строительство преобразило вид нашего скромного жилища. На месте ветхой галереи с гнилыми

полами возникла комната, принадлежавшая теперь уже повзрослевшей сестре Ирине (ей исполнилось 17 лет), двери из которой вели в некоторое подобие коридора, являвшегося одновременно и кухней, а также ванную с туалетом. Входом в квартиру был небольшой тамбур. Помещение отапливалось газовой печкой, находившейся в новой комнате. Это благоустройство не привело, правда, к полному отмежеванию от соседей. Под окном комнаты сестры, выходящим во двор, находился общий с соседями Р. вход в подвал, располагавшийся под домом (разговор о нем ещё впереди). В комнате Иры были фанерный шкаф с зеркалом (в далеком будущем переехавший со мной в Армавир!), этажерка (популярный в то время вид мебели у советских людей), письменный стол с двумя тумбами, в которых было несколько ящичков, заполненных всякой всячиной. За ним занималась не только сестра, ставшая вскоре студенткой, но и я — школьник. Помню, как во время ещё одной стройки, ставшей последней и в результате которой наша часть дома приобрела свой окончательный вид, летом 1961 г. я сидел с приятелем за этим столом и выполнял задание, данное мне на каникулы. Внезапно появилась женщина-почтальон и принесла телеграмму о смерти бабушки Шуры — Александры Гавриловны — маминой мамы, жившей с бабушкой в г. Кустанае (сейчас Костанай), в Казахстане. Известие было горестным, и я понимал, что должен был на него как-то отреагировать, ну заплакать, что ли. Но слёз не было, а наступила полная растерянность. Я бросился на улицу, и тут появился отец. Он нахмурился, взял телеграмму и пошёл в школу, где находилась мама. Вскоре он привел её, заплаканную, домой. Мама вылетела на похороны самолётом...

Здесь, наконец, нужно сделать более детальное отступление и сказать о том, что старания родителей по благоустройству быта, как я понял много позже, были довольно рискованным пред-

приятием в обществе, где было множество бюрократических закорючек, всевозможных препон и формальностей. Казалось бы, ну построились, живи да радуйся... Ан нет. «Подвешенное» юридическое положение дома в скором времени больно ударило по его жильцам. В 1957 г. объявился племянник человека, владевшего домом в 1930-е гг., Леона Дунямалова — Сергей Артурович Дунямалов (у них с дядей была одна фамилия). Дунямаловы до революции были известными предпринимателями. Занимались они торговой деятельностью и операциями с недвижимостью и после 1917 г. Через суд С. А. Дунямалов добился признания за ним прав собственности на домовладение по улице Коммунистической, 29. Можно себе представить, что пережили все жильцы, и особенно мои родители, которые затратили на первое строительство почти 14 с половиной тысяч рублей — большую по тем временам сумму! Жизнь-бытьё многих советских людей было далеким от комфорта и удобств. На долю поколения родителей выпало немало бед и тяжелых испытаний. Это было трудное время, и ни оно, ни власть не баловали граждан нашей страны. И всё же история нашей семьи и страны подает примеры не только сурового отношения к людям, но и защиты их государством в нелёгких ситуациях.

Председатель исполкома Грозненского совета депутатов трудящихся Е. Брыксин обратился с письмом к прокурору Чечено-Ингушской АССР (автономия чеченского и ингушского народов уже была восстановлена) и сумел очень убедительно защитить интересы жильцов дома, на который претендовал Дунямалов. При этом вскрылось, что дом был конфискован у Л. Дунямалова за неуплату налогов (!) и затем был продан Чеченским облфинотделом геолого-разведочной конторе (как она «потеряла» жилище впоследствии, не знает никто. Может быть это случилось в годы войны?).

Бывший владелец имел возможности давно вернуть себе свой дом, но ни он, ни его родственники за 26 лет так и не решились это сделать. Почему? Коммерческая деятельность, которая противоречила советским законам, то есть дунямаловские операции с недвижимостью (в том числе, покупка домов в городе, записанных на своих многочисленных родственников), и спекуляция в крупных размерах послужили причиной высылки Л. Дунямалова из Грозного, а затем осуждения его с конфискацией имущества уже на новом месте — в Ставрополе. Огласки этих фактов из прошлого и боялись Дунямаловы, выжидая, когда срок дав-

Леонид Иванович Дударев на участке перед домом. 1967 г.

ности окончательно изгладит прошлое владельцев дома по улице Коммунистической, 29 из памяти земляков. Но этого не произошло. 10 августа 1957 г., на основании письма Брыксина, прокурор республики В. Ремнев опротестовал решение

суда, и иск С. А. Дунямалова был отклонен, о чём прокуратура и сообщала в своём письме на имя депутата Верховного Совета РСФСР С. С. Апрыткина, явившегося, как мне теперь понятно, инициатором всего описанного разбирательства⁶. Мне неизвестно, каким образом родители вышли на высокого партийного начальника (были на приёме, как у депутата и т. д.). Но совершенно очевидно, что в данной ситуации советская власть, а затем и судебные органы оказались на стороне простых тружеников, а не родственников того, кто занимался незаконными в то время формами экономической деятельности.

Одновременно вся эта ситуация с домовладением моих родителей совершенно отчётливо показала тот хаос, который существовал в управлении государственным имуществом в целом.

И ещё одно немаловажное обстоятельство. От периода строительства остался ворох квитанций, заявлений, накладных, чеков и прочих бумаг на стройматериалы, которые изыскивались всеми мыслимыми средствами по причине острой нехватки кирпича, досок и прочего. Отец был чрезвычайно общительным человеком и, несмотря на то, что был обыкновенным учителем, имел множество знакомств. Без них решать насущные вопросы в эпоху дефицита было, увы, невозможно.

После окончания последнего строительства в доме появились три полноценные комнаты, расположенные, как сейчас говорят, «паровозиком». В прихожей одно время была кухня и стояла газовая плита, вынесенная затем вовне. После того как кухня перекочевала во двор, в прихожую пе-

⁶ С. С. Апрыткин долгие годы работал в местной нефтяной промышленности, а затем был выдвинут на партийную и советскую работу. Являлся первым секретарем Чечено-Ингушского обкома КПСС. В 1975 г. его сменил А. В. Власов.

реехал шкаф с зеркалом. Тут же был установлен стол, стеллаж с книгами отца и моими и тумбочка. На ней долгое время располагался большой аквариум, в котором плавали стремительные красные меченосцы (неторопливые, сонные вуалехвосты у нас не прижились). В аквариум папа поместил лампочку, и с тех пор по вечерам комната озарялась преломлявшимся в воде удивительно тёплым светом, отчего в ней было как-то особенно уютно и умиротворенно.

Под домом находилась скрытая от посторонних взоров, но от этого несколько не утрачивающая своего значения (скорее, напротив) такая часть дома, как подвал. Он был достаточно просторным. В подвале хранились соленья и варенья, картошка, припасенная на зиму, старые вещи, стеклотара и тому подобные предметы. Здесь было сухо, но, несмотря на это, стоял неистребимый запах сырости. Бывая здесь по хозяйственным надобностям, я прислушивался к доносившимся сверху голосам и звукам, стуку шагов и старался определить, под какой из комнат я сейчас нахожусь. Хотя подвал был, разумеется, не лучшей частью жилища, но это невидимое глазу пространство казалось мне своеобразной корневой системой, основой всего, что находилось наверху. Это место было для меня не мрачным подземельем, а добрым «чревом» нашего дома.

Двор постепенно менял очертания. Вместо сарая родители построили во дворе летнюю кухню (одноэтажный домик из одной комнаты и тамбура), вскоре превратившуюся в постоянную. Под её окном незаметно выросло большое абрикосовое дерево, которое обильно плодоносило каждый год. Под ним родители соорудили скамейку, рядом с которой был установлен старый стол. На границе наших «владений» и кусочком двора рядом с домом П. появился легкий заборчик, около которого родители разбили маленькую клумбу, ещё одна

клумба была сделана вдоль главного забора, который утратил свои старые деревянные ворота. Обитателями клумбы стали, главным образом, флоксы, фиолетовые и белые, и декоративный табак с характерным терпким запахом, к которым иногда примешивались георгины, тюльпаны и какие-то другие цветы. Во дворе был положен асфальт. Соседи Р., также «украсив» свой быт отдельным санузлом и ванной, отгородились от нас с П. забором и зажили своей отдельной жизнью. Придет время, и устранение этого забора будет означать наступление новых времен, в которых прежним обитателям двора уже не будет места. Основной вход и въезд в дом к Р. располагался с улицы Глухой, переименованной затем в им. Н. Дёмина. К середине 1960-х годов соседи Р. уже постоянно пользовались только им для общения с внешним миром.

Ну вот, теперь-то все, наконец, наладилось, подумает читатель. Ничуть не бывало. Хотя все постройки, в том числе сделанные в 1961 г., были разрешены соответствующими инспекциями, министерствами и исполнительной властью, в 1973 г. выяснилось, что разрешение, данное в 1956 г., уже «не является документом». Также было «забыто» и о прочих разрешениях. Со старых пожелтевших страниц семейного архива передо мной вставал в полный рост уже знакомый мне по собственной взрослой жизни факт — в нашей стране закон имеет обратную силу. Лишь в 1975 г. все постройки, сделанные с 1956 г. по 1961 г. были окончательно узаконены. Боже, сколько же труда, хлопот, нервов пришлось потратить простым учителям для того, чтобы обрести крышу над головой! Неспроста дед в 1961 г. в одном из своих последних писем в сердцах назвал наш дом, на который было положено столько сил отца и матери, «полутюрьмой». Но родителям хотелось жить «на земле», найти на ней свое счастье и спокойную старость. Впрочем, я мальчишкой был далек от всех этих эмоций, да

почти и ничего о них не знал тогда. В родительском доме, несмотря на временные неустройства, было тогда хорошо и привольно.

Участок перед домом со стороны улицы Коммунистической долгое время не был занят ничем особенным, лишь со стороны Р. существовал небольшой палисадничек с какими-то цветами, да росло несколько деревьев, особенно большая акация. Но со временем родители разбили два маленьких участка-«пяточка», на которые была привезена и рассыпана целая машина чернозема. Он был так хорош, что соседи по улице то и дело приходили в ночное время стащить себе ведерко-другое уже прямо с участков. Когда же на них стала расти кое-какая зелень (петрушка, укроп и пр.), появились несколько подсолнухов и зазеленели побеги картошки, в отсутствие хозяев те же безымянные соседи приходили без особого стеснения воспользоваться плодами их труда. Но самой главной достопримечательностью нашей доморощенной плантации были большие листья хрена, торжествующе торчащие вверх летом. Именно они позволили народной уличной молве назвать скромные агрономические опыты моих родителей «хреновым садиком».

Вообще, традиции «общинного землепользования» очень хорошо просматривались в быту как горожан Грозного, так и уже здесь, в Армавире (да и, пожалуй, по всей нашей необъятной стране). Ради отступления скажу, что скромный урожай, возвращенный нами с женой в Армавире, на «сотке» рядом с корпусом общежития АГПУ в северном микрорайоне (памятником долгостроя, который не берут ни время, ни смена власти), как правило, доставался жильцам близлежащих домов. В конце концов, мы с Ирой махнули рукой на эту «общественно полезную» работу. Что же до «хренового садика», то он и росшие рядом деревья, а также обилие травы, на которой можно было располо-

С. Л. Дударев

Это было
недавно,
это было
давно...

житься для отдыха, неодолимо влекли к себе любителей «стаканчика».

Так мы с родителями называли тех представителей славного мужского пола, в том числе рабочих соседнего завода (недаром В. Маяковский писал о том, что «класс (рабочий. — С. Д.), он тоже выпить не дурак»), которые, взяв бутылку вина или водки в магазине на углу Дёмина и Первомайской, направлялись затем вглубь жилого массива. Здесь они нередко оказывались и под окнами нашего дома. Не стесняясь, мужики стучали в дверь и про-

Первое в жизни фото автора. 11.XI.1951 г.

сили емкость для распития только что купленного вожделенного горячительного — водки или портвейна. Наше неудовольствие всегда вызывало у выпивох искреннее недоумение. Впрочем, они и не думали смущаться, с удовольствием закусывая зеленью с нашего участка. Однажды любители сим-

посиев⁷ не удовлетворились травяным ковром для своей пирушки и в отсутствие хозяев зашли прямо во двор, приспособив для своей нехитрой трапезы стоявший там стол... Таковы были нравы на улице в период, который ныне принято именовать «застойным» (иногда этот термин ассоциировался у людей со словом «застольный», и, видимо, не случайно). Примечательно, что компании «друзей Бахуса» были интернациональными, среди них в 1970–1980-е годы всё заметнее становились вайнахи. К концу 1980-х годов их отдельные представители, пировавшие с друзьями вблизи моих родных стен, становились всё более нетерпимыми к окружающим, болезненно реагируя на проявления повседневных забот жителей дома, как-то: поливку асфальта под окнами в жаркий день и т. п.

Но вернемся к садику, который постепенно обзавелся и молодыми деревцами, со временем превратившимися в прекрасные вишни, сбор которых был одним из любимых занятий отца, а затем по наследству перешёл ко мне. Вишни шли на варенье, просто в качестве лакомства, а также на изумительную, совершенно неподражаемую наливку, которую мама делала просто играючи. Для того чтобы собрать вишни, отец и я влезали на деревья с помощью лестницы-временки с привязанным к шее старым бидончиком для разливного молока (сейчас такими уже почти не пользуются) и собирали ягоды, которые приходилось срывать с упрямых, рвущихся вверх веток, нагибая их к себе с большими усилиями, словно дерево не хотело так просто отдать свои драгоценные плоды, рож-

⁷ Симпосий [греч. *Symposion* — пиршество] — пирушка, попойка. Именно от него произошло современное слово «симпозиум», имеющее уже совсем иной смысл.

Глава 1.

Дом,
улица,
соседи,
город

С. Л. Дударев

Это было
недавно,
это было
давно...

денные в союзе с жарким южным солнцем, водой и ветром. Находясь внутри вишневой кроны, я всякий раз чувствовал пряный запах ягод и листьев, смешанный с пылью... Не меньше хлопот доставлял и сбор абрикос во дворе. Ветви свисали на крышу кухни, куда приходилось забираться, соблюдая предосторожности — важно было не раздавить шифер, чтобы в помещение во время дождя не стала просачиваться вода. Но абрикос сам «помогал» собирать урожай, осыпая сладким, пахучим и вку-

Одно из детских фото автора. На углу улиц Коммунистической и Глухой (Дёмина). 1950-е гг.

ным дождем землю. Мама едва успевала пускать упавшие абрикосы на повидло. Его запах, шедший из кухни летним вечером, до сих пор в моём сердце. И вот, как и ко всему на свете, к дереву пришла старость. В 1986 г., в июле, в результате очередного обильного урожая абрикос, ночью рухнула од-

на из самых больших веток, щедро уронив своим хозяевам под ноги спелые пунцово-розовые плоды, как прощальный, поистине царский подарок. После этого урожай стал совсем скромным. Дерево угасало, словно чувствуя свою скорую гибель. Забыл упомянуть о молоденькой черешне, которая росла рядом с абрикосом в 1960-е гг. Деревце приносило крупные и очень сладкие ягоды, которыми повадились лакомиться скворцы. Я решил показать им «где раки зимуют» и как-то подстрелил одного из них из своей пневматической винтовки. Птица упала на землю. Я запальчиво подскочил к ней, схватил в руки и вдруг физически ощутил едва ли не горе и стыд за то, что сделал. Да черт бы с этой черешней!!! К моему величайшему облегчению, скворец встрепенулся и, выпорхнув из рук, скрылся за забором. Век черешенки был очень коротким, она как-то быстро увяла... И, чтобы совсем завершить тему о растительности нашего двора и его ближайшего окружения, упомяну об айвовом дереве, росшем рядом с входом в жилище соседей П. Это дерево, далеко простершее свои ветви, осенью обильно приносило крупные, душистые, желтые и твердые, как камень, плоды, поросшие коротким, как на юношеской щеке, пушком. Ветром плоды айвы разбрасывало по всему двору, и мы тоже подбирали их. Мама готовила из этой айвы изумительное желе в специальной кастрюле с толстыми стенками, в которой будущее кушанье, очень сладкое, но с чуть заметной кислинкой, томилось на медленном огне. Айва плодоносила много лет, так что мы с моей дочкой Леночкой ещё в ноябре 1991 г. собирали их, закрывшись в опустевшем дворе: на улице периодически раздавались выстрелы — шла «чеченская революция». Что до членов семьи П., то в это время кто-то уже умер, а кто-то был на заработках на Севере.

Этот факт является поводом перейти к разговору о том, какие люди нас окружали во дворе.

Глава 1.

Дом,
улица,
соседи,
город

Семья П. состояла из четырех человек — мужа, жены и двух сыновей. Глава семьи П. — дядя Яков — не имел постоянной работы и шабашил по соседям и вообще, где придется. Он был большой любитель выпить, что однажды и привело к драматической развязке. Перегревшись на солнце после «возлияния» во время обеденного перерыва, молодой уже человек получил инсульт, после которого уже не мог нормально передвигаться. Но старик не сдавался, по нескольку раз в день путешествуя из дома на улицу, с трудом волоча ноги. Его жена Татьяна, будучи гораздо моложе мужа, всю жизнь проработала в литейном цехе на заводе «Красный молот», где и оставила свое здоровье. Жили супруги от скандала до скандала, во время которого в ход шли все «изыски» российской словесности. Но затем наступали мир и тишина, в период которых муж и жена ласково и нежно произносили имена друг друга. После чего опять следовал взрыв... Оба супруга сразу же невзлюбили моих родителей, вероятно, на почве зависти, хотя, казалось бы, чему можно было завидовать тогда у бедных учителей; наверное, только их работоспособности и желанию зажить лучшей жизнью. Соседи выражали свою неприязнь, называя их в 1950-е годы то английскими, то ещё чьими-то шпионами. Это был своеобразный отголосок ещё совсем недавнего сталинского периода, страшные образы которого были слишком живы в памяти людей. Яков умер в 1971 г., Татьяна пережила его на 15 лет. Парни семьи П. были здоровыми, крепкими ребятами. Младший Александр (во дворе и на улице Сашка, Саня, Шурка, для ближнего круга приятелей просто «Шутя») являлся одним из признанных лидеров местной ребятни. Физически развитый, смелый, вечно загорелый дочерна, он отчаянно гонял по улице на велосипеде. Речь Сани была неспешной, походка — неторопливой, во всем сквозило достоинство и сознание своей силы. Его старший брат Валерий был не так

заметен. Отслужив в армии, он надолго уехал из родного дома. Оба парня не отличались успехами в учебе и рано познали спиртное, да так, что доходило до «чертиков». Но были людьми мастеровитыми. Это, прежде всего, касается Александра, который стал со временем высококлассным слесарем, хорошо зарабатывавшим на Севере. А вот у старшего сына жизнь не задалась совсем. Сменив несколько семей и множество работ, он стал жить тем, что приворовывал по садам грозненских обывателей. Дальнейшая судьба его мне неизвестна. Александр же продал в 1992 г. свою часть дома и уехал с семьей (женой и двумя сыновьями) куда-то на Кавминводы. Впрочем, это сказано мной как-то уж совсем просто и буднично. О том, что же произошло на самом деле, я расскажу попозже, когда речь пойдет и о моём собственном отъезде из Грозного.

Под одной крышей с нами (что и послужило в будущем причиной длительной неприютности моей семьи)⁸ жила осетинская семья Р. Их корни были в осетинском селении Алагир. Собственно, основу семьи составляли муж — дядя Петя, жена — тётя Ира, их сын Виталик. Пётр Тимофеевич работал заместителем директора соседнего профтехучилища. Это был человек крутой закваски. В сталинские времена он возглавлял отделение МГБ г. Малгобека⁹,

⁸ Жильцы дома хотели осуществить, да так почему-то и не смогли, так называемый реальный раздел. Поэтому при продаже дома соседями, обитавшими под одной крышей, необходимо было сначала предложить продаваемую часть тому, кто оставался жить в доме. Таким образом, я в 1992 г. оказался заложником этой ситуации и вынужден был уступить свою часть жилища за гроши, которые дал «добрый» сосед.

⁹ Название этого небольшого городка, где мне доводилось бывать несколько раз, ассоциируется у меня с патристической, немного наивной песней, которую иногда передавали по радио на стадионе им. Орджоникидзе в Грозном, в перерыве футбольного матча. Её припев звучал так: «Малгобек, Малгобек, Малгобек, мой город нефтяной / Ты горы, как яркий свет / Над моей родной страной!».

где и оставил о себе, как говорили, недобрую славу. Работа наложила явный отпечаток на эту личность. Его командирские замашки и резкий характер проявлялись и в семейной жизни, и на работе. Высокий голос дяди Пети, дававшего указания домочадцам, то и дело раздавался за стеной и во дворе. Рядом с домом часто прибирали территорию учащиеся профтехучилища. Когда коллектив этого учебного заведения репетировал свое прохождение на Первомайской или Октябрьской демонстрации (это происходило обязательно под окнами у дяди Пети), то самодовольный, начальственный вид соседа затмевал собой прочее руководство ПТУ, включая его директора Кляснера. Но в жизни нельзя всё мерить одной меркой, особенно теперь, с позиции прожитых лет. Нынче я, пожалуй, даже благодарен этому человеку за то, что именно он, по своему тогдашнему обыкновению (шел 1951 г.), без церемоний ввалившись с фотоаппаратом в нашу комнату, когда мама была занята кормлением меня двухмесячного, сфотографировал мать и дитя. На обороте фотографии красным карандашом дяди Пети значится «11. XI.51». Это самый ранний снимок в моей жизни.

Тётя Ира долгое время возглавляла здравпункт в Грозненском нефтяном институте, работала и в поликлиниках города. Это был хороший, опытный, внимательный врач, и вообще добрая женщина, которая неоднократно помогала в лечении меня и родителей.

До 1950 — начала 1960-х годов с ними жили родители дяди Пети. Его отец был заслуженным нефтяником, умершим где-то в середине 1950-х годов. Это был случай, когда я впервые в жизни увидел умершего человека, лежавшего в гробу. Отец держал меня на руках, мама стояла рядом. Оба вытирали слёзы. По периметру большой комнаты сидело на стульях множество народа, приехавшего из Северной Осетии. При входе во двор нескольких прибывших на похороны женщин-

плакальщиц, как рассказывала мама, стояли громкие рыдания. По осетинскому обычаю, резали ба-рана, которого извлекли из багажника автомобиля, обильно поминали хорошего человека. О нем в моей памяти сохранился один забавный эпизод, о котором поведали родители. Однажды к Р. пришли гости. Старик Тимофею в суматохе забыли подать хлеба, и тот спокойно начал есть борщ, заедая лежавшими рядом пирожными. Когда это обнаружилось, взрослые дети смутились, но уважаемый аксакал ни словом не упрекнул их. Бывает...

Жена Тимофея — Анна — дожила, дай Бог памяти, до 1964 г. Она, как и её старшая дочь, старая дева тётя Соня — сестра дяди Пети, постоянно жившая в семье, особенно боготворили своего сына и брата, авторитет которого в семье был непререкаем. Старшие Р. иногда перекидывались между собой фразами на осетинском языке, но подраставшее молодое поколение его уже совсем не знало¹⁰.

К Р. постоянно приезжали, живя подолгу, другие сестры дяди Пети — Лидия и Галина, их мужья и дети. Интересно то, что один из зятьев Петра Тимофеевича — Владимир Гукович — был родом из Армавира. Как-то, возвращаясь с папой с «морей», мы зашли в дом его матери — она работала кассиром на железнодорожной станции — чтобы попросить содействия в покупке билетов до Грозного, и заставили там наших соседей, приехавших навестить родственницу. Это было мое первое знакомство с Армавиром. Ну, а что же соседская детвора? Ей было

¹⁰ К слову сказать, не намного лучше дело обстояло во многих чеченских семьях, постоянно живших в Грозном. Для того чтобы научить детей родному языку, родители использовали проверенный метод — отправляли своих отпрысков на лето в родные села, где лингвистическая практика в однонациональной среде быстро приводила к положительным результатам. Отъезд старшеклассников в села, но на более длительный срок, использовался и для того, чтобы выправить детям аттестаты о среднем образовании с более высокими, чем в городе, оценками.

весело и славно в доме Р. Я иногда присоединялся к её играм, и мы бурно резвились в доме и во дворе. Но после обеда у Р. наступал тихий час, нарушить который не смел никто. Из моего раннего детского общения с детьми Р. запомнился эпизод, когда сын одной из замужних сестер Р., Сашка, ещё младше меня, подходил утром к нашему окну во дворе и звал меня: «Илехка, гитдом! (Серезжка, идем!)». Воздух того утра и запах яичницы, зажаренной мамой, кажутся мне теперь такими сладкими и пронзительными. Р. благоразумно долгое время, пока не вырастут дети, не обзаводились новой мебелью, сохраняя старую, изрядно расшатанную детскими шалостями. Периодически дядя Петя вывозил детей куда-либо на природу на своем «Москвиче», порой прихватывая и меня. Он пристрастился снимать свое семейство и игры детей на любительскую кинокамеру. Отснятые пленки коллективно просматривались через кинопроектор с приглашением участников импровизированных «съемок». В моей памяти запечатлелись кадры наших уличных зимних развлечений, веселая ребячья кутерьма, броски снежками, веселые, довольные лица детей...

Отношения родителей с Р. были, как это нередко случается между соседями, неровными. Когда родители только поселились в доме, то достаточно многочисленный и к тому же влиятельный (в силу указанных выше причин) клан Р. взирал на них, как на бедных учителей, которым можно было иногда оказывать мелкое покровительство, но держать в строгости. Но вот родители, прежде всего отец, «пошли в гору», т. е. начали зарабатывать и расширять свою жилплощадь. Это было ударом по самолюбию Р. Когда к дому во время строительства подходила очередная машина со стройматериалом, дядя Петя (к тому времени уже утративший положение районного милицейского начальника, но сохранивший прежние замашки) стоял на углу и демонстративно записывал номера авто (мол, сообщу,

куда следует!). Но все эти мелкие «пугалки» на отца не действовали. К тому же, в бывшем ведомстве дяди Пети у папы появилось немало знакомых и даже хороших друзей. Но об этом я расскажу в свое время. Годы шли, и время всё расставило на свои места. Мои родители заняли заметное место в своей профессии и стали известными, солидными, уважаемыми в городе людьми, что, конечно же, было хорошо известно Р. Отношения стали ровными и спокойными. Все приоритеты были обозначены, и оспаривать друг у друга было уже нечего. Иногда бывая с папой у Р., я слышал, как присутствующие говорили, обращаясь к моему отцу Леониду Ивановичу, о том, что хороший сосед лучше родного брата, живущего вдали¹¹. А потом и годы стали брать своё. Сначала слег дядя Петя, потом умер папа... Сын Р., Виталий, который учился как в школе, так затем и в вузе (Грозненском нефтяном институте) ни шатко, ни валко, ещё раньше женился и уехал работать на «стройки народного хозяйства» в Москву (где жили родственники Р.). В середине 1980-х годов он приехал забрать семью, которая находилась в Грозном у родителей (жену и двоих детей), и постаревших отца и мать в Подмосковье. Я с удивлением и даже с удовольствием смотрел, как этот бывший увалень, с заправской хваткой бывалого прораба, умело управлялся во дворе, готовя дом к продаже. Часть дома, принадлежавшего Р., была куплена молодой чеченской семьей. Спустя непродолжительное время она уступила свое домовладение своему соплеменнику по имени Ваха (это имя, по иронии судьбы, по-чеченски означает «живи»), которому и суждено было стать одним из главных участников драмы, которая заверши-

¹¹ Эта мудрость вообще присуща горским народам. В Дагестане бытует сходная поговорка: «Ближний сосед лучше дальнего родственника» (Карпов, Ю. Ю. Взгляд на горцев. Взгляд с гор: мировоззренческие аспекты культуры и социальный опыт горцев Дагестана. — СПб.: Петербургское востоковедение, 2007. — С. 198).

ла «русскоязычный» период в истории дома по ул. Коммунистической, 29. Ваха поселился в бывших владениях семьи Р. с женой и несколькими дочерьми. Когда началась эпоха кооперации, новый сосед установил напротив дома вагончик, в котором его жена торговала какой-то мелочью. К нему часто приходили гости, и в доносившихся из соседнего двора разговорах в 1990–1991 гг. («Всё у нас (т. е. чеченцев. — С. Д.) будет: парламент, и кабинет министров...») зазвучал тревожный ветер перемен¹².

Впрочем, не будем торопить «карету прошлого». Едва не забыл упомянуть ещё одного соседа, который во времена моего раннего детства владел комнатой на половине семьи Р. Это был старик Алекбер, иранец, уроженец г. Тавриз (Тебриз), оказавшийся в Грозном во время Великой Отечественной войны. С ним иногда жил его сын, который потом куда-то уехал. Иногда родители оставляли меня на присмотр Алекберу. Я побаивался молчаливого седого старца, который почти не разговаривал со мной, а только поглядывал на ребенка своими темными внимательными глазами. Когда Алекбер умер, то его комната перешла к Р.

Но что это я всё о самом доме, да его жильцах? Пора перейти к описанию улицы и тех её обитатель, с которыми мы общались наиболее часто.

Улица Коммунистическая, как и пересекавшая её совсем коротенькая улица Глухая, впоследствии переименованная в Н. Дёмина, были типичными для Грозного, который, особенно в начале описываемого мной периода, т. е. конца 1940-х — начала 1960-х годов, представлял из себя море частных домов и домишек, в основном, среднего и ниже среднего достатка, чаще всего, саманных, реже — кирпичных, с крышами, крытыми жестью, черепицей, позже — шифером. Их жители совсем на сельский манер нередко держали у себя во дворах разную живность: кур, уток, свиней, а то и коров (как, например, семья одной из моих нянюшек

в раннем детстве — бабы Насти; именно в её доме я впервые в жизни увидел новорожденного теленка, пытающегося встать на подламывающиеся ножки)¹³. Да что там во дворах! Для города Грозного и много лет спустя, особенно для улиц, расположенных в микрорайонах, а также в прилегавшем к ним поселке Калинина, Заводском районе, и др., было характерно зрелище коров, безмятежно гуляющих, словно в Индии, прямо по тротуарам либо спокойно возлежащих на газонах.

«Частный сектор» был особенно заметен в Октябрьском и Заводском (бывшем Сталинском), а также Старопромысловском районах. В Ленинском, и отчасти, Заводском районах, где проходили центральные улицы Грозного, было больше домов в 3–5 этажей. Впрочем, такие улицы, которые состояли только из многоэтажек, появились в городе с конца 1960-х — начала 1970-х годов, когда развернулось строительство в микрорайонах. В центре же частные дома стояли вперемешку со зданиями в несколько этажей. Именно такой улицей была Коммунистическая, а также шедшая параллельно ей, одна из главных городских улиц — Первомайская (бывшая Александровская)¹⁴. На всех без ис-

¹² Подобные попытки уже имели место в истории Кавказа в 1918–1921 гг. «Во многих случаях это были декоративные творения местных интеллигентов, жаждавших применить свои теоретические знания на практике и полагавших, что это также просто, как критиковать действия царской (а затем советской. — С. Д.) администрации на Кавказе» (Дегоев, В., Ибрагимов, Р. Северный Кавказ: постсоветские итоги как руководство к действию или Повестка дня на вчера : доклад-эссе. — М. : Издательский дом «Империум XXI век», 2006. — С. 36).

¹³ Домашних животных кормили так называемой бардой — густой пахучей жидкостью темного цвета, которую возили по улицам частного сектора в небольшой цистерне на тележке, запряженной лошадей. Желаящие выходили к тележке и приобретали барду, которую тут же наливали в бачки и ведра.

¹⁴ Названа так в честь визита Государя Императора Александра II в г. Грозный в 1871 г. Впервые самодержец побывал в Грозном ещё в качестве наследника престола. В честь этого события была сооружена триумфальная арка, так называе-

ключения улицах было обилие деревьев, которых было особенно много в тенистых парках, например, в так называемом Треке, как по старому называли в народе Парк культуры и отдыха имени С. М. Кирова. Деревья были «легкими» города, в котором было много предприятий, особенно нефтехимической промышленности. Без своего пышного зеленого одеяния Грозный просто задохнулся бы от вредных газов и испарений.

Одно из предприятий располагалось буквально рядом с нашим домом — чуть выше по улице стояли корпус завода ГАРО (авторемонтного оборудования), рядом с которым лежало множество труб и прочих железок (мы так и говорили детьми между собой, когда собирались идти туда, «пошли — на трубы»), ящиков, кучи песка и т. д. Всё это имущество находилось под открытым небом, будучи, как теперь понятно, олицетворением нашей обычной отечественной бесхозяйственности, но в то время мы оценивали всё это нагромождение, прежде всего, как прекрасный объект для детских игр. Потом эта свалка объектов «социалистической собственности» была отгорожена от внешнего мира двумя заборами. Цеха предприятия располагались и на другой соседней улице — Краснознаменной¹⁵. На нашей стороне улицы, буквально вплотную к дому, но в сторону центра города, стоял старый пятиэтажный жактовский дом. Эта была своеобразная граница между миром частных домов и домишек и более «урбанизированной» частью улицы, шедшей к недалеко расположенному центру Грозного, которая всё время прирастала новыми домами в несколько этажей. Дальше ЖАКТа эта граница не продвинулась по нашей улице вплоть до начала 1990-х годов. Она лишь стала более заметной. Напротив ЖАКТа в середине 1970-х годов был построен четырехэтажный дом, в котором спустя время получил квартиру будущий ректор Чечено-Ингушского университета В. А. Кан-Калик, траги-

чески погибший в 1991 г. Несмотря на две войны, дом этот сохранился и стоит поныне. Пожалуй, нашей улице было суждено, в какой-то мере, играть роль граничной. На плане Грозного начала XX в. она, судя по всему, находилась тогда где-то на окраине города¹⁶.

Шарм улиц вроде Коммунистической или Кабардинской заключался в том, что они, будучи тихими и зелеными, с двориками, увитыми виноградом неизменного сорта Изабелла, издававшим незабываемый терпкий запах, с ковром трав по обочинам, усаженными вишнями, курагой, тутовником, яблонями, плоды которых сыпались прямо на тротуар, высокими тополями-белолістками, засыпавшими все вокруг дождем пуха, казались чуть ли не патриархальными. Но одновременно они вплотную подходили к оживленным магистралям и даже переходили в них, олицетворяя полноправный союз частного домовладения («одноэтажного» Грозного) и растущей территорией того образования, которое я теперь именую для себя «городской город».

А как здорово было на нашей улице поздним летним вечером, особенно тогда, когда на ней почти полностью выключалось электричество, и она погружалась в романтический полумрак. Высокие тени домов, почти черные купы деревьев на фоне неба, где луна бросала свой мертвенно-бледный свет на медленно ползущие облака, тихие шорохи, редкие прохожие, среди которых встречались всё больше влюблённые парочки, ищущие укромный уголок...

мые Красные ворота, построенная в 1850 г. на перекрестке улиц Первомайской и Кабардинской (Город Грозный. Популярная очерки истории. — Грозный : Чеч.-Инг. кн. изд-во, 1984. — С. 11), простоявшая вплоть до начала 1930-х годов.

¹⁵ Ныне им. генерала Трошева, участника боевых действий в Чечне, трагически погибшего в авиационной катастрофе 14.09.2008.

¹⁶ Головлев, А. А. Станица Грозненская // Терский казак. — 2007. — № 1 (16).

Впрочем, в Грозном, когда я, став старше, узнал свой город получше, были и районы, от которых веяло не милой «патриархальностью», а нищетой. Гнетущее впечатление оставили дома на Петропавловском шоссе, а также в районе Чечено-Ингушского государственного университета (пресловутая ул. Московская или, скажем, ул. Черноморская). Я обходил их как агитатор на «своих» кварталах во время выборов в местные и центральные органы власти или по поручению властей (оно обычно давалось через партийный комитет ЧИГУ) вместе с работником милиции с целью проверки паспортного режима, как представитель от общественности. Вот где воочию мне открылась городская изнанка — наши родные советские «фавелы»¹⁷, с их бедностью, убожеством, беспросветностью...

Частный сектор особенно укрепил свои позиции после возвращения из трагической казахстанской ссылки чеченцев и ингушей. Они стали строить в городе (не говоря уже о селах) добротные и красивые кирпичные дома, резко контрастировавшие со скромными в своей массе жилищами «русскоязычных», с крепкими заборами (которые, особенно в сельской местности, были многометровыми) и представительными воротами, широкими дворами. И это не только, да и не столько для того, чтобы расположить там автомобили, в том числе и рабочий транспорт (двор, где ночует грузовик или, ещё чего доброго, автобус, — без сомнения вайнахский¹⁸). Дом для чеченца или ингуша — это, как и у англичанина, его крепость, семейно-родовое гнездо, которое строится на долгие годы, опора всей жизни и мироздания в целом, очаг, к которому спешат не только члены семьи, но и слетаются многочисленные родственники и свойственники. Что бы ни произошло — радость или горе — они всегда рядом, готовые прийти на помощь. Вот отчего так широки дворы у чеченцев и ингушей, которые должны вместить всех, кто придет разделить беду или

торжество. У них во дворах почти нет собак. От кого беречься? От родственников и друзей? Смешно. А воры, враги? Любой, кто не понаслышке знаком с вайнахами, прекрасно знает, что бросить им вызов, оскорбив и обидев, — себе дороже. Иметь во врагах чеченца или ингуша — дело небезопасное, поскольку в этом случае придется иметь дело не только с ним одним, но и с его многочисленной родней. Что же до средств на строительство у бывших ссыльных, то не берусь ответить на этот вопрос исчерпывающим образом, но укажу на такие обстоятельства.

Во-первых, чеченцы и ингуши получили компенсацию в различной форме. На хозяйственное устройство возвратившегося населения советское правительство выделило руководству Северо-Осетинской, Чечено-Ингушской и Дагестанской автономий десятки миллионов рублей кредита, строительные материалы, освобождало возвратившихся на два года с момента вселения от уплаты сельхозналога, а колхозы, принявшие в свой состав переселенцев, — от подоходного налога и т. п.¹⁹ Во-вторых, чеченцы и ингуши отличаются удивительной и завидной сплоченностью по линии родственных внутрительповых²⁰ и сельскообщинных связей.

¹⁷ Фавелами называют дома бразильской бедноты в нищих кварталах Рио-де-Жанейро, городе, о котором так много мечтал «великий комбинатор» Остап Бендер.

¹⁸ Вайнахи — общее название чеченцев и ингушей, означающее «наши люди, наш народ». Оно было введено лингвистами в 1920–1930-х годов.

¹⁹ См.: Репрессированные народы России: чеченцы и ингуши / сост. Н. Ф. Бугай. — М.: Капъ, 1994. — С. 219–220, 222–223, 226–230 и др. Благодарю за ознакомление с указанным изданием кандидата исторических наук, доцента, декана исторического факультета АГПУ В. Г. Шнайдера.

²⁰ Популярное ныне слово «тейп» («тайп») означает, по мнению некоторых исследователей, сельскую территориальную общину. На мой взгляд, это сильно разросшаяся патронимия — общность больших и малых семей, ведущая свое происхождение от одного предка. Отношения внутри тейпов (делящихся внутри на более мелкие подразделения — «гары» или «некьи») —

Если кому-то надо построить дом — родственники и односельчане помогут, устроят *белхи*²¹, а понадобятся финансы — предоставят и их. Разумеется, при необходимости тот, кому помогли, безоговорочно окажет ответную помощь. В-третьих, многие чеченцы и ингуши годами находились по всей стране на заработках (в мою бытность часто употреблялся термин «на шабашке»), периодически появляясь дома. Работа эта, судя по рассказам самих «шабашников» или их родственников, была нелегкой. Её результатом нередко было потерянное на «отхожем промысле» здоровье²². В-четвертых, водворившись в родных местах, вайнахи овладели многими отраслями народного хозяйства, в том числе, стали работать в пищевой и легкой промышленности, сельском хозяйстве, торговле, образовании, медицине и т. п. То, что можно было «достать» на работе, шло, опять же, во внутритейповый «котел». Эта доминанта родовых, клановых интересов, присущая для многих северокавказских народов, ещё проявит себя в будущем... Мне запомнились слова одной частушки на ломаном русском языке, услышанной ещё в 1960-е годы. «Наша колхоза очень богата (припев вроде *та рай дарайда, тай дара*), / Одна

бывают далеко не всегда безоблачными и характеризуются, порой, внутренней напряженностью и соперничеством. Зато перед лицом внешних неурядиц родственники всегда будут стоять единым фронтом. Современные исследования и заметки по истории чеченских тейпов см.: Головлев, А. А. Очерки о Чечне. — Ульяновск, 2007. — С. 45–54; Ильясов, Л. Чеченский тейп // Чеченская республика и чеченцы. История и современность : материалы Всероссийской научной конференции. — М. : Наука, 2006. — С. 176–185; Мусаев, А. Шейх Мансур. — М. : Молодая гвардия, 2007. — С. 91–92.

²¹ *Белхи* (букв. «помощь», «работа» — чеч.) — вайнахский традиционный институт взаимопомощи, когда близкие соседи и родственники оказывают помощь как при строительстве, так и при проведении сельскохозяйственных работ (Великая Н. Н., Виноградов, В. Б., Хасбулатова, З. И., Чахкиев, Д. Ю. Очерки этнографии чеченцев и ингушей. — Грозный, 1990. — С. 63–64).

²² Впрочем, вряд ли стоит описывать результаты труда этих про-

лопата и та сломата, та рай дарайда, тай дара». Отчего «колхоза» была такой «богатой», догадаться нетрудно²³. Разумеется, присвоением занимались далеко не только мои земляки. Это вообще была примета советского времени. В тот период стало хорошо известным такое социальное явление, как «несуны» (они сохранились даже в наше «капиталистическое» время! Не в российском менталитете ли дело?). Помню строчки из детского стишка, напечатанного в какой-то книжке и вызвавшего недоуменные комментарии некоего советского журналиста, — «Папа с работы принес молоток...». Так значит, папа его попросту украл? — вопрошал озадаченный такой невольной пропагандой мелких хищений внимательный читатель детской литературы. Но как бы то ни было, замечу ещё, что, говоря о Кавказе, и других местах проживания народов, в быту которых сильны патриархальные традиции, присвоение государственной собственности никогда не считалось в их среде чем-то незаконным.

Возвратимся после этого отступления к многоэтажкам. Представительные, красивые общественные здания, магазины, кинотеатры, новый городской цирк, постепенно наступали как на Пер-

мыслеников только в героических тонах. Как пишут историки Ю. Ю. Клычников и С. И. Линец, «в некоторых районах после знакомства с «шабашниками» из Чечено-Ингушетии местные органы принимали решение в районы их вообще не пускать» (Клычников, Ю. Ю., Линец, С. И. Северокавказский узел: особенности конфликтного потенциала (исторические очерки). — Пятигорск, 2006. — С. 183).

²³ Прошли годы, и эти традиции дали о себе знать в новых исторических условиях, в начале XXI в. «Наиболее порочные заимствования у Запада дали на северокавказской почве буйные всходы, в том числе, нового издания старого кодекса кавказского молодечества: воровать у чужих не стыдно, а украсть миллионы среди белого дня и ни от кого не таиться — это уже джигитовка высочайшего класса» (Дегоев, В., Ибрагимов, Р. Северный Кавказ: постсоветские итоги как руководство к действию или Повестка дня на вчера : доклад-эссе. — М. : Издательский дом «Империи XXI век», 2006. — С. 18).

вомайскую, так и на другие центральные улицы города, особенно, на улицу Ленина. Эпоха особенно оживленного строительства приходится на время руководства Чечено-Ингушской Республикой первого секретаря Обкома КПСС А. В. Власова, т. е. с середины 1970-х по начало 1980-х годов. Старый Грозный постепенно уходил под натиском бульдозеров и прочей разрушающей техники. Это было отчасти печально, хотя и не могу сказать, что меня радовал вид множества маленьких и часто неказистых саманных домишек, разбегавшихся в стороны от центральной части города. Особенно тяжелое впечатление оставляли руины некоторых домов, которые порой разбирались как-то очень долго, мучительно, например, Дом учителя в самом начале улицы Коммунистической. Они стояли, чернея глазницами окон и издавая тяжелый смрад, — по нашей российской традиции, брошенные или разрушенные дома обычно превращаются в импровизированные туалеты. Никто тогда не знал, что эти развалины — мрачное предсказание скорого будущего Грозного.

Хорошая, тот город, который возник на месте снесенных халуп, как верно подметили некоторые мои земляки и сотоварищи в своих недавних воспоминаниях, был, увы, почти лишен национального и даже регионального, восточно-кавказского колорита. Строившиеся дома были стереотипными, их можно было встретить в любом городе огромной страны. Лишь названия кафе могли быть вайнахскими, например, «Дашосай», «Беркат» или «Шовда»²⁴. Вот тут, пожалуй, как нигде, были актуальны слова из популярной песни: «Мой адрес не дом и не улица, мой адрес Советский Союз».

На «моем» пространстве улиц Коммунистической, Краснознаменной, Первомайской проживало, в основном, славянское, армянское или еврейское население, с редкими пока «вкраплениями» чеченцев и ингушей. За углом налево, на улице Глухой (переименованной затем в Н. Дёмина), рядом с семьей Р. в двухэтажном особняке, который в наших краях долгое время был самым заметным и шикарным, жила русско-армянская семья Обориных. Глава семьи, Сергей Васильевич, был женат на Эмме Карповне, отец которой — известный в городе предприниматель Карп (Карапет) Фаниев, до Октябрьской революции 1917 г. являлся хозяином завода ГАРО и некоторых других предприятий. Вообще клан Фаниевых в дореволюционном Грозном был богатым и влиятельным. Сергей Васильевич, нисколько не смущаясь и не боясь быть неправильно понятым в советское время (правда, это были уже 1960-е — начало 1970-х годов), с гордостью говорил: «Мы владели этим заводом». Он на всё имел свое суждение, был снобом, который любил рассказывать, например, о вкусовых качествах хороших грузинских вин или достоинствах большого тенниса — аристократической игры — в противовес грубым контактными «простонародным» играм вроде футбола. Его супруга была дамой общественно активной, с энтузиазмом участвовала во всех мероприятиях, которые происходили в квартале, всегда стараясь находиться в центре внимания. Сын Обориных — Игорь, черноволосый молодой человек с грустным взглядом, был болен диабетом. Когда Эмма Карповна скоропостижно скончалась, казалось бы, среди полного здоровья, её муж, отнюдь не потеряв вкус к жизни, приударил за разведенной женщиной более молодых, чем он, лет. Сергей Васильевич занимался йогой, всячески бодрился и был, казалось, полон спокойствия и оптимизма. Когда много лет спустя прошли выборы в Верховный Совет СССР,

²⁴ «Дашосай» — «золотой олень», «Беркат» — благодать, изобилие, благоденствие, «Шовда» — родник.

Оборин-старший, к удивлению соседей, проголосовал за Жириновского. Ему очень понравилась идея о разделении страны на губернии, без учета национальных разграничений²⁵. Уж не почувствовал ли по-своему старик те беды, которые вскоре должны были обрушиться на нас?

Рядом с Обориными поселилась чеченская семья, которая запомнилась мне тем, что в ней жила удочеренная русская девочка. Ещё дальше жила примечательная пара людей, которые были неким осколком уже ушедших времен. Я говорю о старом враче Чернышове, унаследовавшем ещё дореволюционные традиции, пенсне, вид и осанку, степенном и немногословном, и его сестре Асе, вечно молодящейся женщине уже довольно преклонных лет, которую все за глаза звали за это «красоткой». Дети Чернышова разъехались по свету, и он коротал свои дни с бездетной и незамужней сестрой, которая всецело была занята своим, как бы сейчас сказали, имиджем. Ася Туркина ходила в каких-то немислимых старорежимных шляпках, порой под вуалью, что было забавно даже для нас, детей, скрывая под ней огромный слой пудры, надушенная и с неприступным выражением лица. Старику было трудно с сестрой, которая нимало не заботилась о нем. Его как-то спросили, а что же Ася, ухаживает за вами и т. д., на что он устало и грустно махнул рукой: «Ааа, шельма...». За домом Туркиных проживала семья горских евреев²⁶: женщина по имени Мария и её два сына, которые то появлялись, то исчезали, не говоря уже об их отце, который всё время где-то пропадал. На противоположной от подворья Марии стороне находился дом, в котором жило сразу несколько семей. Наиболее примечательной личностью там была старая учительница, которая происходила из той же популяции, что и сестра доктора Чернышова. У неё был свой «бзик», обычный для многих дам пожилого

возраста, — кошки, которых в её маленькой комнате обитало несметное количество.

Кого я ещё помню из соседей, живших на улицах Дёмина и Коммунистической? Наискось от нас, по ул. Дёмина на углу, в старом доме с деревянной верандой жила довольно бедная еврейская семья, продавшая затем дом армянам, которые отстроили дом, придав ему гораздо более respectable вид. За ними, в сторону улицы Первомайской, жила ещё одна еврейская семья — Поташниковых, сын которых, Гриша, был одним из моих товарищей по детским играм, а их двор — местом самих игр. Соседями Поташниковых была армянская семья Сароян. На противоположной стороне ул. Дёмина проживали переселившиеся из г. Орджоникидзе (нынешнего Владикавказа) Мезенцевы — Александр Иванович и Арма Ивановна — ещё один русско-армянский альянс, а также их двое сыновей. С Мезенцевыми нашу семью связывали приятельские отношения. Александр Иванович — седой и худощавый, а Арма

²⁵ Идея «губернизации» продолжает находить своих сторонников и среди серьезных ученых-аналитиков. Вопрос это очень сложный и тонкий, но не могу не согласиться с заявлением о том, что «игры в «титульные» нации зашли так далеко, что нации «нетитульные» справедливо ставят вопрос о недопустимости их дискриминации в демократическом государстве» (Дегоев, В., Ибрагимов, Р. Северный Кавказ: постсоветские итоги как руководство к действию или Повестка дня на вчера : доклад-эссе. — М. : Издательский дом «Империи XXI век», 2006. — С. 60).

²⁶ Горские евреи (самоназвание — джухур) — народ в Азербайджане и России (Дагестан, Кабардино-Балкария, Чечня, Ингушетия). Язык — татский, иранской группы индоевропейской семьи. Верующие — иудаисты. Их еврейская идентичность, впрочем, была характерна не для всех представителей этого народа. Во всяком случае, знакомая нашей семье, Татьяна Матаева (о её муже будет сказано ниже) говорила: «Какие мы евреи. Мы таты». Не исключаю, впрочем, того, что эта фраза является своеобразной реакцией на антисемитские настроения среди части общества, хотя с какими-то публичными выражениями таких настроений мне не приходилось сталкиваться ни в те годы, ни позднее.

Ивановна — маленькая и полная — были радушными, гостеприимными людьми, в доме которых всё время были гости, и целыми днями не выключался телевизор. Телевизор был цветной, в 1974 г. это было ещё в новинку, поэтому от желающих посмотреть передачу в красках не было отбоя. Мезенцевы, в свою очередь, соседствовали с ингушской семьей, рядом с которой на прямо противоположном от нас углу Дёмина и Коммунистической поселилась чеченская семья Магомаевых. Бок о бок с ними, прямо напротив нашего дома, жили Пчелинцевы, Сваришвили и другие.

Сын Пчелинцевых, Валентин Владимирович, а попросту Валёк, принадлежал к той категории мужчин, которые до седых волос остаются Васьками, Петьками, Лёшками, Юрками и пр. Валёк был «скорой помощью» для ближних обитателей улицы, приходя на выручку всякий раз, когда у кого-нибудь возникали проблемы с сантехникой или нужно было выполнить какую-нибудь грубую работу. Она выполнялась, как правило, за пол-литра, и обе стороны расставались, чаще всего, вполне довольные друг другом. К началу 1990-х в его дворе вымерли все родственники, и состарившийся одинокий Валёк кое-как жил в холостяцкой комнатухе среди окружавших его соседей чеченской национальности.

Среди запомнившихся мне других достопримечательных людей, живших на улицах Дёмина и освоенном с детства секторе Коммунистической, были ещё двое, достойные хотя и небольшого, но отдельного описания. На углу улиц Коммунистической и Кабардинской до рубежа 1950–1960-х годов стоял одноэтажный дом старика Гургена. В моём детском воображении двор Гургена представлялся чем-то вроде усадьбы феодала. Над двором кружили многочисленные голуби, а по земле гордо разгуливали павлины и цесарки. Гурген в рубахе-косоворотке и брюках-галифе сидел на

высоком крыльце своего дома и с довольным видом взирал на свой необычный птичник. Не знаю, что случилось с прекрасными экзотическими птицами, но голубей Гурген разводил ещё долго, переехав на новое место, уже после того, как его старый дом снесли, и возвели тут пятиэтажку. Голуби были их общей страстью с моим отцом.

В самом начале улицы Коммунистической, там, где ещё долгие годы стояла маленькая библиотека Чечено-Ингушского пединститута, в дворике рядом с ней, вмещавшем одну из важных городских служб — похоронное бюро, жил колоритный старик с длинной седой шевелюрой, с тростью в руках, гулявший осень и весной в неизменном клетчатом демисезонном пальто. Он был музыкантом, давно находившимся на пенсии, что вкупе с его импозантной внешностью делает понятным кличку этого пожилого человека среди окрестных обитателей — Бетховен. Внешне старичок был очень похож на актера театра и кино прошлых лет Ю. Катина-Ярцева. Старый джентльмен любил иногда подойти к молодым людям — девушкам и парням, вызвавшим у него симпатию, и пригласить на свой концерт, который он якобы скоро будет давать в городской филармонии. Разумеется, никакого концерта не следовало — о Бетховене уже давно забыли, да и приглашения свои милый старикан давал скорее для того, чтобы потешить себя воспоминаниями о лучших годах. А вот непосредственные соседи Бетховена, увы, не знали отбоя от клиентов — человек, как известно, существо смертное. В указанном бюро трудились коллеги старика — бригада музыкантов. Это были люди, в основном, зрелого возраста, с лицами, склонными к апоплексии («In vino veritas!»)²⁷, и неистребимым философским выражением лица — место работы

обязывало. Они играли не только на похоронах, но что меня однажды искренне позабавило — и на выпускном вечере наших 10-х классов в 1968 г.²⁸

Перечитывая всё, написанное выше, ловлю себя на мысли, что больше уделяю внимания людям, жившим на привычном для пространстве улицы Коммунистической, но порой забываю о некоторых достопримечательных объектах, находившихся на ней или неподалеку. К их числу следует отнести так называемую спецполиклинику — лечебное заведение для руководящих работников и членов их семей. Это было небольшое одноэтажное здание, рядом с которым росли вечнозеленые пинии, находившееся на той же стороне улицы, что и мой дом, метрах в 350–400 от него в направлении площади им. Орджоникидзе. Ежедневно проходя мимо, я видел ответственных работников и членов их семей, шедших поправлять свое здоровье или подъезжавших на государственном легковом транспорте, «Волгах» с взметнувшейся фигуркой оленя на бампере. Направо от спецполиклиники, метрах в двухстах, на ул. Первомайской находилась старая аптека № 7 (до революции её называли аптекой Тези, по фамилии владельца, Иосифа Митрофановича Тези), из которой в детстве приносили микстуры и тому подобное с длинными ярлыками черно-бело-голубого цвета с написанным вручную названием лекарства и именем того, кому оно предназначалось. Её окна закрывались старорежимными жалюзи, которые не встречались мне больше нигде в городе.

В самом начале улицы, напротив библиотеки ЧИГПИ, располагался Дом учителя — полутора-

²⁸ Жаль, что больше почти ничего не знаю о людях, которые жили на моей улице в первой половине XX в. и в более ранний период. Единственно, о чем мне известно от А. А. Головлева, на улице Коммунистической, неподалеку от моего дома, в молодости жил будущий известный отечественный ученый-почвовед С. В. Зонн.

этажное здание с небольшим двориком. С Домом учителя связаны приятные и веселые воспоминания. Недаром те, кто посещал его регулярно в те годы, ласково называл Дом учителя «домиком». При этом учреждении народного образования находился Народный молодежный театр, которым руководил В. М. Реутов. Я оказался в нём в 1972–1973 гг. благодаря моему тогдашнему приятелю Геннадию Нефедову — активному участнику многих постановок и заводиле в этом коллективе. Репетиции иногда были весьма озорными, когда самодеятельные актеры — школьники старших классов, молодые рабочие и служащие — «хохмили», вызывая негодование режиссера, а то и, бывало, приносили за крошечные кулисы баллон домашнего вина. Тут уж баловство и озорничанье начинало бить через край и Владимир Михайлович, догадавшись о причинах такого поведения своих подопечных, врывается в этот «вертеп» и начинал «разгон». И хотя молодежь иногда позволяла себе порезвиться, тем не менее день ото дня шла серьёзная работа, было выпущено несколько спектаклей, в которых был занят и я. Особенно мне запомнились «Одни без ангелов» Л. Жуховицкого и «Сверчок, или Бюро добрых услуг» (польского автора, имени которого уже не помню). Участие в них было данью моего стремления к самовыражению, вообще свойственного для беспокойной молодости, но одновременно позволило и немного раскрепоститься в общении с аудиторией человеку, с детства чувствовавшему, говоря актерским языком, «зажатость». Всем участникам труппы было любопытно сравнить свои упражнения с игрой профессиональных актеров. В том сезоне «Одни без ангелов» шли и в Русском драмтеатре им. М. Ю. Лермонтова, где главным режиссером был в середине 1970-х годов. Геннадий Красницкий. Наша молодежная труппа как-то пришла на этот спектакль. Затаив дыхание, мы смотрели на

сцену, где шло действо, вроде бы знакомое нам в деталях, но всё же такое непохожее на наши скромные актерские опыты. Кстати, в местной сценической жизни в Грозном были забавные эпизоды, на которые вообще богата история театра. Например, в спектакле о войне 1812 г. («Гусарская баллада»?) премьер театральной труппы, заслуженный артист РФ Оглоблин, игравший роль Кутузова, вручая орден другому персонажу пьесы, вдруг обнаружил, что награды в коробке, лежавшей на столе, на месте нет. Не растерявшись, «Кутузов» пообещал вручить орден в другой раз, напутствовав своего визави словами: «А Шабасонихе скажи — крест на место положи» (некая Шабасон была в то время заведующей театральной реквизитом).

Другие эпизоды связаны уже с эпохой перестройки и приезжими артистами. В середине 1980-х годов в Грозный приехала труппа Государственного академического театра оперы и балета Казахской ССР им. Абая, в котором, кстати сказать, муж моей тётки Зои, сестры отца, долгие годы являлся главным художником (о нём я поподробнее упомяну ниже). Я был на одной из оперных постановок. Давали «Севильского цирюльника». В одной из мизансцен граф Альмавива, уже загорающийся по роли любовным пылом, пропел по тексту вослед убегающей в кулису семенящей походкой Розине — маленькой, полной дочери степей: «Ах, как она мила и грациозна!». Зал сдержанно грохнул.

Еще через два-три года во время действия пьесы М. Шатрова «Дальше, дальше, дальше...» в момент напряженнейшего диалога между Кобой и Серго²⁹ на улице пошел сильный дождь, и ливневый поток хлынул через прохудившуюся крышу (!) прямо на сцену. Актер, игравший роль Сталина, не спеша, подошел к струе воды, падавшей с потолка, и, подставив руки, омыл свое лицо, как бы «охладив» тем самым разгоравшиеся эмоции. В зале раздались аплодисменты...

Но вернемся, всё же, к населению нашей улицы. После 1957 г., т. е. восстановления автономии чеченского и ингушского народов, как уже понятно из сказанного, в Грозном всё чаще звучала вайнахская речь. Соседи Магомаевы, купившие дом у горских евреев Богатыревых, обосновались на своем месте не одни. На Коммунистической приобрели дом и их родственники Межидовы. Я подружился с младшим сыном Магомаевых. В их семье было пятеро детей — трое ребят: Хас-Магомед, которого дома и на улице звали Шитор³⁰, Шамсутдин, или попросту Шамá, и Ваха, и две девушки — Роза и Айза, которую на европейский манер называли Эльза. Семья была дружной, дети уважительно относились к взрослым соседям, дружили с окрестными сверстниками. Глава семьи Хасан Абуевич — был заведующим складом. Он иногда помогал соседям с дефицитными в то время продуктами. Когда умерла мать дяди Пети, то Хасан «достал» (характерный для советской эпохи глагол! В наше время он приобрел другой смысл) семье Р. для поминок сливочного масла. Жена Хасана — Дóска, что часто встречалось в вайнахских семьях, являлась домохозяйкой и растила детей. Межидовы тоже имели много детей, причем всё

²⁹ Прозвища и партийные клички соответственно И. В. Сталина и Г. К. Орджоникидзе.

³⁰ На Кавказе распространена традиция — давать порой детям разные имена для того, чтобы обмануть «злые силы» (шайтан и пр.), которые должны наброситься на «двойника», а «оригинал» оставить в покое, например, в ситуации, когда ребенок сильно болеет (так было, например, в раннем детстве с будущим имамом Шамилем, при рождении нареченным именем Али) (Казиев, Ш. Имам Шамиль. — М.: Молодая гвардия, 2003. — С. 13–14). Впрочем, в старину второе имя юноша получал после обретения индивидуальных качеств и успешного прохождения инициации, т. е. посвящения во взрослые члены коллектива (Карпов, Ю. Ю. Взгляд на горцев. Взгляд с гор: мировоззренческие аспекты культуры и социальный опыт горцев Дагестана. — СПб.: Петербургское востоковедение, 2007. — С. 199).

больше девочек. Когда дородная Аймани, мать семейства, наконец-то, произвела на свет мальчика, радости главы семьи, Супьяна, не было предела. Всех соседских детей, явившихся в дом узнать о появлении на свет наследника, отец новорожденного, по вайнахской традиции, одарил деньгами.

Нравы на улице в то время были по-соседски простыми и забавными. Помню сценку, когда маленький Ваха, забежав к нам во двор (он часто бегал по улице, снабженный матерью куском хлеба и сахара), услышал, как в ванной с открытым окошком купается моя сестра, напевая какую-то песенку. «Ира, ти купаешь?» — спросил мальчуган, ещё только учившийся говорить по-русски. Эту фразу мы с Ириной вспоминали ещё долго, сравнивая то, каким был этот соседский ребенок, бегавший по улице в одних трусишках, ставший потом видным молодым человеком, преподавателем пединститута.

Со временем всё больше чеченцев и ингушей селилось и в соседнем ЖАКТе. Особенно заметный рост числа чеченского и ингушского населения в моём своеобразном микрорайоне наблюдался с начала 1980-х годов, точнее, с 1982 г. Судить об этом могу исходя из того факта, что подростки к тому времени чеченские и ингушские мальчишки из ЖАКТа стали «тусоваться» под окнами у семьи Р., на углу Коммунистической и Дёмина, засиживаясь там до позднего вечера с шумными разговорами, чего никогда не делали их предшественники из того же двора 20–25-летней давности. Попытки урезонить разошедшихся подростков ни к чему не приводили. В ответ всё чаще раздавалась грубость. «Русскоязычные» же сверстники этих ЖАКТовских ребят становились всё менее и менее заметными. Для сравнения — в конце 1950-х — середине 1960-х состав мальчишечьей и молодежной популяции на нашей улице был ещё глубоко интернациональным³¹. Эти фамилии я хорошо помню и

сейчас: Мирзояны, Абитовы, Кисленко, Магомаевы, Шубаевы, Байсунгуровы, Рабиновичи, Воронкины, Ульяновы, Поташниковы... Со временем многие из них разлетелись из родных гнезд, чтобы уже не вернуться никогда. Что случилось со всеми названными и неназванными мной людьми, когда в город пришла война? На этот вопрос я вряд ли когда-либо получу ответ.

³¹ Если дополнить теперь мои давние впечатления конкретными цифрами, ставшими мне известными в конце 1990-х годов, то получится, что, по данным Всесоюзной переписи 1970 г., в Грозном насчитывалось 341 259 чел. (из них русских 228 140, чеченцев 55 160, армян 13 260, ингушей 11 900, украинцев 8 160, евреев 4 760, татар 3 740 и др.). Данные такой же переписи 1989 г. таковы: русских 210 341, чеченцев — 121 350, ингушей — 21 347, армян — 14 305 (увеличение этой цифры связано с притоком армянского населения после резни 1988 г. в Сумгаите), украинцев — 9 688 (это только мое предположение, но рост числа украинцев, думаю, произошел в связи с изменением подхода к определению своей идентичности в период перестройки), татар — 3 583, евреев — 2 345 (отток еврейского населения можно поставить в зависимость от упрощения процедуры выезда на ПМЖ в Израиль после начала всё той же перестройки) и др. По данным 1996 г., в Грозном проживало 185,8 тыс. чел. Подавляющее большинство из них чеченцы (См.: Головлев, А. А. Этапы и факторы формирования населения г. Грозного (1818–1898 гг.) // Известия Российского географического общества. — 2000. — Т. 132. — С. 81–82). Сколько сейчас в точности живет в г. Грозном представителей русского и «русскоязычного» населения, сказать не могу, но, по имеющейся информации личного характера, таковых не более 2,5 процентов.

ДЕТСКИЕ ИГРЫ И РАЗВЛЕЧЕНИЯ. ДРУЗЬЯ СЕМЬИ, БЫТ, ОБЩАЯ АТМОСФЕРА

*Где мой черный пистолет?
На Большом Каретном.
Где мои семнадцать лет?
На Большом Каретном.*

В. Высоцкий.

*Часто мы счастья не замечали,
Было, как небо, обычно оно.*

Из песни.

Жизнь ребят нашей улицы протекала в их мальчишеском сообществе, наверное, так же, как и у их сверстников во всех городах и весях страны. Среди детей была популярна игра в прятки, когда с наступлением сумерек все, принимавшие участие в этом действе, начинали искать убежище за каждым столбом, кустиком, углом дома, чтобы скрыться от глаз того, кто «ключил». Какие при этом проявлялись чудеса изобретательности, смекалки, быстроты! Сколько торжества было в кличе «Тук-тук за себя!!!», когда удачно спрятавшиеся мальчишка или девчонка подбегали к месту, которое нерасчетливо оставил тот, кто должен был всех разыскивать. Если «ключивший» в темноте уже не мог толком различить, кого же он обнаружил и ошибочно называл другое имя, то раздавалось ехидное «Обознатушки, перепрятушки!», и вся компания начинала прятаться с ещё большим азартом.

Другой поистине «народной» забавой была, конечно же, игра в войну, а также не уступавшая ей по популярности — в «казаки-разбойники». Мне теперь любопытно отметить то, что в те годы, когда противостояние между СССР и США достигло апогея (вспомним хотя бы тот же Карибский кризис 1962 г.), это никак не отражалось на ролях игравших в войну. Дети и подростки совершенно не задумывались о политическом противоборстве тех лет и даже не пытались перенести реалии времени в свои забавы. Мы по-прежнему делились на «немцев» и «русских» (у многих воевали отцы), и никаких других «врагов» в нашем сознании не возникало. Тут в дело шло и самодельное «оружие», и «покупные» ружья, и пистолеты, которых тогда было ещё немного. Иногда мы мастерили деревянные луки, для чего служили обыкновенные ветки, срезанные с деревьев рабочими с длинными шестами с особыми ножницами на конце для того, чтобы сильно разросшаяся растительность не мешала электрическим проводам. Однажды на улице появились изготовленные каким-то умельцем на базаре жестяные револьверы, стрелявшие глиняными патронами с фосфором. Выстрел из такой штуки звучал оглушительно, из ствола ударяло пламя, приводя пацанву в неопишуемый восторг. Невесть откуда дети изыскивали иногда железные каски отечественного и даже немецкого образца, а как-то раз кто-то притащил оболочку от самой настоящей гранаты «лимонки», которую, к нашему великому огорчению, заметил проходящий мимо офицер и реквизировал самым беспощадным образом.

Один из сыновей еврейки Марии однажды появился на улице со старым ржавым кинжалом, показывая его уличной ребятне со словами: «Мой дед этим кинжалом евреев резал, русских резал...». Мальчишки, среди которых был и я, внимательно, с широко раскрытыми глазами и некоторым страхом смотрели на парня и на кинжал. Вспоминая сейчас это «оружие», я понимаю, что кинжал был каким-то бутафорским, поскольку там, где проходит кромка лезвия, было то ли утолщение, то ли закрутление, безо всяких следов заточки, да и «подвижки» дед были, скорее всего, вымышленными. Молодые люди на наших улицах иногда любили, как говорилось в то время, «бросить понт». Однажды вечером (дело было в начале 1960-х годов), подойдя к группе мальчишек и парней, я заметил, что все сбились вокруг одного, постарше остальных, у которого были знаковые для страны имя и фамилия — Володя Ульянов (!). Из-за пояса у Володи торчала рукоятка как будто пистолета (это, понятное дело, была какая-то самоделка). Указывая одними глазами, собравшиеся ребята перешептывались: «Смотри, смотри, американский пистолет...».

Фантазия детворы была неистощима на выдумки. В одно лето на нашей улице пошло удивительное поветрие. По чьей-то инициативе в спортивном магазине «Динамо» на проспекте Революции с помощью солдат были приобретены шпаги и рапиры, с помощью которых я и некоторые мои товарищи день или два отчаянно рубились друг с другом, изображая мушкетеров и ещё Бог знает кого. Мое участие в этом мероприятии было остановлено само собой после того, как я чуть не угодил в глаз своему приятелю Вахе Магомаеву и только тут с ужасом обнаружил, что металлическая шишечка на острие моей рапиры снесена чьим-то отчаянным ударом, и спортивное оружие превратилось в самое настоящее... После этого рапира была навсегда заброшена в сарай.

Игра «в войну» довольно долго, класса до 7-го, втягивала меня в свой упоительный водоворот. Однажды кто-то из учеников параллельных классов нашей школы № 1 увидел меня за этим занятием и рассказал некоторым одноклассникам. Те стали подсмеиваться над моим затянувшимся детским увлечением (сами-то они уже интересовались девочками, свиданиями, записками и вообще занимались спортом, ездили на соревнования и т. п.). Но у меня были свои сроки перехода к поре «надежд и грусти нежной», и когда та настала, то уличные забавы были забыты навсегда... Впрочем, всё это будет потом, в середине 1960-х, а в их начале круговерть искрометных игровых превращений неодолимо влекла к себе мальчишку из дома 29.

Игра в «казаки-разбойники» сопровождалась тем, что мы чертили на асфальте, на земле или стенках домов стрелки, которые подсказывали направление поисков ватаге ребят, шедшей по пятам другой такой же группы мальчишек и девчонок, с упоением и энтузиазмом, независящих ни от количества часов, проведенных на улице, ни от времени суток. В одной современной песне поется о том, как «пропадали пропадом мы во дворах». То же самое было и с нами. Летними днями мы кружили по соседним улицам, уходя нередко и довольно далеко от дома, и не только потому, что этого требовали условия игры. Детям и юношеству вообще нужна свобода перемещения, простор для выплеска неуемной энергии и эмоций. Чувствую, что, прочитав эти строки, мои дети, особенно сын Дима, скажут: «А что же вы, родители, не очень-то приветствуете наши долгие прогулки с друзьями?». Понимаю всю «щекотливость» ситуации, но отвечу просто: наша самозабвенная беготня по городу, особенно в период каникул, не особенно тревожила наших родителей потому, что игры наши происходили в совершенно безопасной обстановке. Никто

не имел понятия о «маньяках», педофилах, «мастерах» детской порнографии, занимающихся похищением детей, и тому подобных мерзких вещах, которые стали неотъемлемой и печальной приметой нашего времени. Впрочем, было бы ошибочно предполагать, что наше местонахождение совершенно не интересовало взрослых. Ближе к вечеру мой папа всегда «выдвигался» в район предполагаемого нахождения сына и с самым серьезным видом приближался навстречу отпрыску и его товарищам, иногда с «вицей», так отец называл сломанную с дерева ветку.

Впрочем, бывало, хотя и крайне редко, что детские вылазки и отчаянная неумность, свойственная, как видно, всем подрастающим поколениям, приводили к драматической развязке. Как-то в соседнем ЖАКТе, уже не помню для чего, сняли створки больших железных ворот и временно приставили к стене дома. Один из жактовских пацанов решил взобраться на это нагромождение, но оно было установлено неустойчиво и рухнуло... Мальчишка погиб на месте. Жуткая лужа крови прямо у входа во двор ЖАКТа послужила всем окрестным детям грозным предостережением о последствиях шалости, которая была вовсе не обязательной. Несчастливые родители не могли более оставаться в доме, у которого случилась трагедия с их сыном, и уехали прочь от страшного места.

И всё же ребятня искала всё новые и новые приключения. Упомянувшийся мной выше тезка вождя мирового пролетариата запомнился мне и тем, что однажды вместе с сотоварищами сбежал из дома, как выяснилось, на какой-то небольшой островок на реке Сунже.

К слову сказать, Сунжа была центром притяжения грозненских мальчишек. Вода в ней была грязная, глинистая да ещё с запахом нефти из-за того, что в реку периодически делали сбросы нефтеперерабатывающие заводы, но, как говорит-

ся, за неимением лучшего, сходила и такая. В реку ребята иногда отваживались прыгать с моста, через который можно было попасть с улицы Первомайской в район будущего Олимпийского проезда, сплавлялись по ней на самодельных плотках. Старожилы (например, знакомый моего отца, А. А. Краснов, о котором речь пойдет ниже) утверждали, что в 1930-е годы Сунжа замерзала, и тогда по ней (о чудо!) катались на коньках.

Так вот, матери большинства ребят сбились с ног, потеряли сон, и лишь мама Володи Ульянова — Слава Андреевна — полька по происхождению, заядлая курильщица, работавшая комендантом одного из общежитий пединститута, была абсолютно невозмутима. На вопрос, почему она так себя ведёт, тётя Слава ответила: «Мой сын любит вкусно есть и сладко спать. Он быстро вернётся». Прогноз Славы Андреевны был точным, как в аптеке. Володя и его сподвижники, совсем немного хлебнув романтики костров и ночевок под открытым небом, явились домой и были прощены.

Частью нашего времяпровождения были и периодические обострения отношений с ребятами из ЖАКТа, у которых во дворе была своя компания. Что было причиной для этого, вспомнить сейчас уже невозможно. «Вражда» приводила к тому, что мы бросались друг в друга мелкими камнями (при этом промах соперника сопровождался издевательским и по-детски жестоким подначиванием: «Не попал, не попал, свою мать закопал!»), высохшими кукурузными початками, один из которых угодил-таки мне в лицо. Но эти «перестрелки» прекращались также быстро, как и начинались.

Объектом детских игр могли служить руины бани, предназначенной под снос, невдалеке от берега Сунжи, за кинотеатром «Космос». Кстати, когда возводили этот объект соцкультбыта, мы приходили играть в огромном котловане, вырытом под фун-

дамент. В детские годы нам и не приходило в голову, что рядом, на территории сквера им. А. П. Чехова, когда-то находилась крепость Грозная. Кстати, в нашем представлении слово «крепость» ассоциировалось с высокими стенами, башнями с зубцами и тому подобным. В действительности все было намного прозаичнее¹. За сквером им. А. П. Чехова находился так называемый Трек — городской парк им. С. М. Кирова со всевозможными аттракционами, бассейном-«лягушатником» и маленьким прудом, по которому можно было покататься на лодках.

Ребятами мы любили играть в так называемый «клёк» (разновидность городков) и, конечно же, классический «дырдыр» — футбол с маленькими воротами («штангами» служили два кирпича или камня) без вратаря. Почему-то излюбленной площадкой для этого был отрезок улицы Чернышевского, выходявший на улицу Первомайскую.

Долгие игры на свежем воздухе (специфическая атмосфера нефтяного Грозного была для нас привычной и становилась ощутимой разве тогда, когда делало сильный «выброс» в атмосферу какое-либо предприятие), конечно же, возбуждали аппетит. Одного обеда, для которого дети прибежали домой, причем не всегда, конечно же, не хватало, особенно ближе к вечеру, а снова показаться на глаза родителям не хотелось — «загонят». Мы собирали и ели на улице курагу, абри-

¹ Крепость имела вид правильного шестиугольника, каждая сторона которого являлась фронтом для одного батальона, а каждый угол — выдававшимся вперед бастионом с двумя амбразурами. Вал крепости представлял собой земляную насыпь немногим выше человеческого роста, укрепленную палисадами. Крепость была окружена глубоким рвом. На каждом бастионе располагалось по два орудия — всего 12. От главных ворот через ров был переброшен мост (Город Грозный. Популярные очерки истории. — Грозный, 1984. — С.11).

косы, тутовник, благо фрукты сами падали с деревьев нам под ноги, покупали в автоматах или на тележках газированную воду (сладкую — по 3 коп., простую — по 1 коп.), иногда ели мороженое, разновидности которого каждый знал наперечёт. Эти цены я помню и сейчас: фруктовое в бумажном стаканчике — по 7 коп., сливочное в вафельном — по 9 коп., ну, а когда удавалось угоститься пломбиром по 19 коп., или «Ленинградским» по 22 коп. с шоколадной глазуровкой да ещё записать это «Крем-содой» (!), то, казалось, достигнут самый верх блаженства. Но такие удачи случались редко, и подобное лакомство возможно было только с родителями, которые водили меня в маленькое деревянное кафе, находившееся между средней школой № 2 и местным Обкомом КПСС, именуемое в народе за свою форму «подковой». Иногда папа приносил домой мороженое в белом фаянсовом кувшинчике, купленное в павильоне на площади им. Орджоникидзе, в котором стоял небольшой фонтан, украшенный фигурами медведей, улетающих этот чудесный продукт. Но то родительское угощение. А ещё слаще было каким-то чудом найти, скажем, на трибуне площадки для ручных игр при близлежащем стадионе «Динамо», а то и на нем самом, 3 или 5 рублей, потерянных кем-то из незадачливых болельщиков, и закупить на них сладких концентратов в виде маленьких кубиков, сладких кукурузных хлопьев, продававшихся в маленьких коробочках (в отличие от несладких, но в больших), и, конечно же, мороженого. Впрочем, если всего этого добыть не удавалось, то некоторым моим сотоварищам вполне сходил и кусок хлеба с сахаром, сунутый в руку материю. Надо сказать, что в семьях у чеченцев и ингушей не так пристально следили за своими чадами, пока тем было немного лет. Правда, на руке у детей можно было увидеть цветную нитку, завязанную вокруг запястья. То, что это своеобразный

талисман, я осознал много позже². Но вот когда те подрастали и начинали взрослеть, то тут появлялась и модная одежда, обувь, а у девушек — и золотые украшения.

Любимым занятием в летнее время было купание в фонтанах. Мы перепробовали все, которые были нам известны в центре города. Самым большим был фонтан в парке на набережной Сунжи. Его струи мощно били вверх, осыпая прохожих и маленьких купальщиков серебряными брызгами водяной пыли. Другие, поменьше, находились напротив средней школы № 1 и библиотеки имени А. П. Чехова. Мы играли со струями, изливавшимися из боковых отверстий, шаловливо направляли их друг в друга, с наслаждением бултыхались в холодной воде, сам запах которой в летний зной доставлял нам удовольствие. Никогда и никто не делал нам никаких замечаний по поводу использования фонтана как импровизированного бассейна. Всё было в порядке вещей. Освежившись, мы бежали одеваться в какие-нибудь близлежащие кусты, озираясь на прохожих. Неистребимая страсть к купанию в фонтанах привела однажды к тому, что я с приятелями забрался в фонтан на территории 1-й горбольницы, который оказался маленьким и грязным. К тому же я в нём, к своей досаде, порезался о битое стекло.

И тут настало время рассказать о том, как мы вели себя в экстремальных ситуациях, когда кто-либо из нас получал телесные повреждения. Такие случаи иногда возникали во время наших вылазок по городу. Порезать ногу было делом обычным, и

² Как специалист, занимавшийся археологией позднего бронзового и раннего железного века Северного Кавказа, я полагаю, что эти ниточки были очень поздним отголоском древнего обычая одевать на руки детей и взрослых металлические браслеты (бронзовые и железные), игравшие, согласно данным этнографии, роль оберегов от болезней и всевозможных напастей.

мы сейчас же бежали с «раненым» товарищем домой либо, чаще всего, в травмпункт при всё той же горбольнице (чтобы сгоряча не досталось от родителей за неожиданный «сюрприз»). Процедура лечения, правда, не вызывала восторга у очередного мальчишки, получившего повреждение. Один из нас с криком не давался поставить ему скобки после того, как рассек себе ногу «на трубах». Медсестра махнула рукой и просто перевязала ногу пострадавшего. Подобная история случилась и со мной, но дома, когда я в одиночестве решил поупражняться перед зеркалом с большим ножом для резки капусты, только что купленным родителями. Нож выскользнул из руки и воткнулся в левую ногу. Кожа была глубоко рассечена, потекла кровь, и я в панике выскочил во двор, где меня схватила за руку тётя Лида, сестра дяди Пети, и потащила в хорошо знакомый травмпункт. По дороге мы встретили мою маму, и под таким конвоем я был доставлен к месту лечения. Орать при женщинах, да ещё с чувством вины за свое дурацкое «фехтование», было неудобно, и медперсонал, на сей раз, беспрепятственно осуществил все необходимые процедуры.

Особое место среди наших уличных удовольствий занимало строительство шалашей. После очередной обрезки веток посланцами электросетей мы собирали охапки свежей зелени и тащили их на полянку вблизи дома Байсунгуровых. В шалаше с нами происходило какое-то удивительное превращение. Улица, дома, привычный быт, взрослые с их наставлениями вдруг оказывались где-то далеко. Таинственная обстановка, свои собственные, понятные только нам одним разговоры, причем нередко на особом «тарабарском» наречии, которое использовалось частью наших уличных ребят во время общения и игр. В этом «тайном языке» части слов переставлялись местами с добавлением дополнительных букв и частиц, чтобы ещё

больше запутать непосвященного. Вот лингвистический пример типичной мальчишеской угрозы — «Дам по шее!» — на таком языке получалось вот что: «Ламдáру по лезшèру!». Внутри нашего «вигвама», который почему-то назывался *халабúдой*, мы оказывались на своей собственной территории, здесь не действовали законы взрослого мира. Здесь можно было перевоплотиться в кого угодно и забыть обо всем вокруг. У меня в памяти, как живой, мальчишка Юрка из двора по улице Дёмина, где жила старенькая покровительница кошек, игравший в шалаше в зайчиху и зайчат. Почему я запомнил именно его? Не знаю. Может быть, причиной этого был трагический уход из жизни этого ребенка. Его отец, напившись допьяна, не выключил, ложась спать, газ на кухне, и утром их мать, пришедши со смены, обнаружила два бездыханных тела. Со страшным криком на глазах жителей обеих улиц она потащила сына в близлежащую больницу, надеясь на чудо. Казавшийся мне раньше маленьким, Юрка на руках матери выглядел каким-то вытянувшимся, неестественно большим, словно вдруг вырос за эту ужасную ночь...

Жизнь — это штука, в которой страшное, обыденное и прекрасное живут вместе. Она неодолимо смыкает начисто боль и радость, унося всё в область воспоминаний, а сама продолжает течь своим чередом. А коли так, то надо продолжать свой рассказ. Одним из любимых занятий ребят с наших улиц было посещение городских кинотеатров. Самым ближним к нам был Сад имени 1-го мая или «первомайский садик», как называли его обитатели окрестных улиц (старое название — сад Чернявского, в честь грозненского городского головы). Его задняя стена выходила как раз на улицу Коммунистическую, а вход располагался с улицы Первомайской. «Первомайский садик» представлял собой летнюю площадку с крытыми сценой и залом и примыкавшим к ним двориком, в кото-

ром стояли скамейки и бил маленький фонтанчик. Это был, пожалуй, единственный, «неисследованный» нашей уличной ребятней фонтан ввиду того, что вход во двор «садика» был, по существу, платным: в Саду им. 1-го мая демонстрировали кинофильмы и давали концерты приезжие артисты, и показывать билет нужно было прямо у самого входа. «Садик» особенно запомнился мне в детстве — там шли прекрасные фильмы — сказки. Их просмотр доставлял массу эмоций. Сердце то и дело замирало от переживаний за приключения героев или уходило в пятки от вида «страшных» персонажей, которые, как стало ясно годы спустя, и в подметки не годились тем чудовищным монстрам, которые населили кино-, теле- и видеоэкраны страны после прихода «демократии».

Другим близлежащим кинотеатром был находившийся на площади им. Орджоникидзе кинотеатр им. Челюскинцев, или просто «Челик». Имевший большой зал и несколько малых, этот внушительный для Грозного тех лет кинотеатр являлся ещё одним любимым местом посещений наших уличных мальчишек. В нём была своя особая атмосфера, которую создавало, с одной стороны, ожидание нового интересного фильма, а с другой — специфическая смесь запахов, состоявших из мастики для натирания пола, папиросно-сигаретного дыма и спертго воздуха, которая буквально въелась в стены и занавеси помещений кинотеатра. Когда выключался свет, то наступавшая темнота была знаком того, что сейчас начнется то самое удивительное действие, ради которого ты и пришел сюда. Впрочем, зрители вели себя непосредственно — ели мороженое, щелкали семечки (хотя это не поощрялось!), шелестели оберткой шоколада, разговаривали; когда лента рвалась, дружно кричали в рубку киномехаников «Сапожник, сапожник!». Особенно раздражало, если впереди садился кто-то, кто загоразживал своей голо-

вой экран. Были фильмы, которые вызывали целое паломничество. В «Челике» в 1960-е годы я смотрел два таких фильма: «Три мушкетера» и «Фантомас». Пробриться на них удалось с громадным трудом. Впрочем, в репертуаре тех лет были фильмы, может быть, не столь знаменитые и, как стали говорить впоследствии, «кассовые», но запоминающиеся. Таковы, например, были ленты по фантастическому роману Гр. Адамова «Тайна двух океанов» и «Лавина с гор» — о событиях гражданской войны на Северном Кавказе. «Лавину», в которой были бешеные скачки, рубка конных сотен, стрельба на всем скаку с великолепной джигитовкой, я смотрел во все глаза с таким напряжением и увлечением, что вышел с тяжелой головной болью. Очень забавным был фильм «Мистер Питкин в тылу врага» и ещё смешнее — «Приключения Питкина в больнице». Особняком стоит ещё один фильм, шедший в 1960-х, который имел бешеную популярность — это вестерн «Великолепная семерка» (известный американский римейк «Семи самураев» Акиро Куросавы), который, как я узнал, повзрослев, положительно оценил Н. С. Хрущёв, назвав его, правда, фильмом с «двойным дном». С ребятами и самостоятельно я посетил «Семерку» семь раз. Но «Семерка» шла уже в другом известном кинотеатре Грозного — широкоэкранный «Космос», находившемся рядом с берегом Сунжи и одним из двух главных городских мостов через неё. «Космос» постепенно забирал лидерство. Там шло все — героико-патриотическое («Щит и меч», «Освобождение»), лирическое («Мужчина и женщина»), те же вестерны («Золото Маккены»), мелодрама («Пусть говорят», «Королева шантеклера»), приключенческая фантастика («Миллион лет до нашей эры»). Зарубежных фильмов в репертуаре становилось всё больше, и это было приметой времени. Губительная перестройка была ещё далеко, но дыхание «заграницы» стало более

ощутимым. До казавшейся далекой в детстве «Родины» (находилась рядом с Чечено-Ингушским пединститутом) мы практически не добирались, и я познакомился с этим кинотеатром по большей части уже в студенчестве. Иногда мы делали вылазки в «Новости дня», переименованный затем в «Юность» — небольшой зал, находившийся в здании массива 5-го жилстроительства прямо на центральной площади города, напротив памятника В. И. Ленину³. Здесь было рукой подать до моей родной школы № 1, и учителя в воспитательных целях водили своих питомцев (в том числе и наш класс) на шедшие здесь иногда экранизации классических произведений — «Мертвые души», «Войну и мир». Найдясь недалеко отсюда по проспекту Революции «Машиностроитель» я «открыл» для себя уже поздно. Правда, это открытие с лихвой компенсировалось тем, что окна квартиры моих тестя и тещи выходили прямо на экран этого кинотеатра и можно было смотреть фильмы, не выходя из комнаты, да ещё и совмещать приятное с полезным, например, укачивать маленькую дочку Леночку. Кстати сказать, рядом с «Машиностроителем» находилось здание ДИТРа, т. е. дома инженерно-технических работников, которое в период восстановления автономии было передано под национальный драмтеатр им. Ханпаши Нурадилова и театр кукол⁴. Постепенно количество кинотеатров в городе увеличивалось, они становились все комфортабельнее («Радуга», «Юбилейный» и др.). Вообще, тема кинематографа в Грозном в моей памяти стоит особняком

³ Вид на площадь им. В. И. Ленина, относящийся к марту 1960 г., опубликован недавно в журнале «Родина» (2006. № 12, С. 37). Её строгий, едва ли не аскетический вид и сейчас вызывает мое волнение и сердечную тоску.

⁴ Ханпаша Нурадилов — чеченец, Герой Советского Союза, пулеметчик, погибший во время сражения за Сталинград.

в местной культурной жизни. И всё это благодаря деятельности двух больших кино- и театроманов, тогда доцентов Чечено-Ингушского государственного университета им. Л.Н. Толстого — Александра Владимировича Очмана и Виктора Абрамовича Кан-Калика. В актовом зале университета по вечерам они блестяще вели городской кино клуб «Контакт», показывая там не очень уж многочисленным зрителям фильмы, которые в «глубинке» не являлись «кассовыми», вроде «8 с половиной» Ф. Феллини или лент А. Тарковского. А какие дискуссии возникали после просмотра! Их талантливо вели мои замечательные будущие коллеги, очень ненавязчиво, интеллигентно направляя зрителей к «разумному, доброму, вечному». Ну а что же до старенького уже кинотеатра «им. Челюскинцев», то как-то незаметно в 1970-е годы он стал местом демонстрации, главным образом, индийских фильмов (в те годы ходила шутка: «Бывают фильмы хорошие, бывают фильмы плохие, но бывают ещё и индийские»), на которые просто не было отбоя от зрителей из сельских районов, постепенно вытеснивших горожан из некогда любимого ими кинотеатра. А затем «Челик», который стал каким-то пыльным и угрюмым, был снесен. В конце периода перестройки пустовавшее приметное место в центре города приобрело совсем другое звучание, явившись выражением наступивших больших и серьезных перемен в общественной жизни, став площадью для мемориала жертвам депортации чеченцев и ингушей.

Посещение кинотеатров компенсировало ещё слабое в конце 1950-х — начале 1960-х годов развитие телевидения, малое число телевизоров у населения, а затем и относительную бедность репертуара тогдашнего ТВ, тем более что до 1967 г. в Грозном смотрели только передачи местной студии телевидения. Первая ретрансляция состоялась в начале 1967 г., когда грозненцы вместе со

всей страной получили возможность переживать за нашу хоккейную сборную в поединке с командой Канады за титул чемпионов мира. В нашей семье до 1961 г. телевизора не было, и я, как и другие дети, ходил иногда смотреть его к соседям Пчелинцевым (один из запомнившихся мне фильмов был китайским и назывался «Подвиг рулевого», где рассказывалось о борьбе китайского народа то ли с японскими захватчиками, то ли с гоминьдановцами⁵).

Впрочем, даже появление телеприемника не смогло, до поры, вытеснить маленькие домашние фильмоскопы, по которым можно было демонстрировать диафильмы. Нынешним детям трудно представить себе, что это были простые рисованные фильмы на пленке, с написанным внизу кадра текстом, который читался кем-либо из ребят или взрослых. Но с каким интересом мы смотрели их! Во дворе чьего-либо дома (в том числе и у нас) тёплым тихим летним вечером устанавливался нехитрый аппарат, выносилась коробка с диафильмами, вывешивалась белая простыня, и на ней появлялись казавшиеся нам едва ли не волшебными контуры популярных народных сказок, фигуры персонажей Нартского эпоса⁶, приключения героев Джека Лондона, чудо-богатырей обороны Севастополя периода Крымской войны, самоотверженных бойцов Великой Отечественной и многое-многое другое...

⁵ Гоминьдан (букв. национальная партия) — политическая партия, созданная в Китае великим революционером Сунь Ятсеном. С 1931 г. была правящей партией в Китае, а её лидером был знаменитый маршал Чан Кайши — будущий лютой враг СССР и коммунистического Китая. После поражения в борьбе с коммунистами Мао Цзедун сторонники Гоминьдана переехали на о. Тайвань.

⁶ Нарты — герои древних эпических сказаний многих кавказских народов — осетин, абхазов, абазин, адыгов, убыхов, карачаевцев, балкарцев, чеченцев и ингушей.

Мальчишки — народ изобретательный и непоседливый. Им мало игр и походов в кино. Нужно ещё что-то, что делало бы жизнь более наполненной и интересной. У наших уличных пацанов стремление к изобретательству проявлялось в умении мастерить, хотя и не без помощи старших братьев, а то и отцов, грубо сколоченные деревянные самокаты, которые передвигались с помощью стальных подшипников. Цивильных заводских самокатов и велосипедов (велосипеды были, помнится, следующих модификаций: детские, трехколесные, для ребят 8–10 лет — «Школьники», 10–13 лет — «Орленки») тогда у детей было мало. А деревянные самокаты — «дешево и сердито». Когда два-три таких самоката одновременно двигались по асфальту, то на улице стоял резкий гулкий рокот. Мальчишки с восторгом носились на своих деревянных «коньках», а те, у кого не было и их, бежали рядом. С трехколесным велосипедом я в самом начале 1960-х годов уже давно расстался и иногда просил у товарищей прокатиться на деревянном самокате. Но вот в году, этак, 1963-м мама привезла мне в подарок из Москвы, где она была на курсах учителей в Московском государственном университете, самый настоящий, роскошный, заводской, импортный (вожделенное для советских людей того времени качество изделия) самокат производства Германской Демократической Республики. Он был с никелированным рулем, толстыми шинами и маленьким мягким сиденьем на заднем колесе!

Моей радости не было предела. Целыми днями летом я гонял на нём по улице, и вот однажды, увлекшись ездой, забрался на одну из центральных магистралей — улицу Красных фронтовиков. И здесь почти напротив старого здания Нефтяного института⁷ ко мне подъехала машина (это была знаменитая «Победа»), из неё вышли трое мужчин в гражданском и сказали мне, что они из мили-

ции, а я — нарушитель правил дорожного движения. Каюсь, может быть, так оно и было: я ехал по самой обочине вдоль бордюра. Как бы то ни было, славные работники милиции погрузили мой самокат в машину, куда усадили и меня, и велели показывать путь к моему дому. Через несколько минут мы были уже у нашего забора. Вышел отец, которому вкратце сообщили, в чем дело. Нужно было ехать куда-то, как бы сейчас сказали, на разборку. Папа пошел одеваться, бросив при этом загадочную для сотрудников милиции фразу: «Расскажу всё про тебя Пал Санычу». Один из моих сопровождавших живо поинтересовался, кто это такой. Я скромно и хмуро (было неприятно, что такому человеку расскажут о моих приключениях) ответил: «Заместитель министра внутренних дел, папин знакомый»⁸. Я как-то и не обратил внимания тогда на немую сцену, возникшую после озвучивания этой информации. Отец сел в машину, и мы быстро оказались рядом с республиканской больницей, которая находилась на ул. Первомайской, в опорном пункте милиции. Там какой-то начальник, тоже в штатском, разъяснил причины задержания и провел профилактическую работу. Затем нас отпустили, а самокат вернули. Замечу, что родители никак не стали наказывать меня за этот случай, который был напрочь забыт и вспомнился случайно два-три года назад.

Оценивая сейчас действия сотрудников милиции, можно, с одной стороны, выразить удовлетворение их поведением. Они остались неравнодуш-

⁷ Уничтожено бомбежками (на крыше здания во время 1-й чеченской войны стояли зенитные орудия незаконных вооруженных формирований).

⁸ Эту должность в МВД ЧИАССР в тот момент занимал подполковник П.А. Пальчиков, приятель моего отца. В 1950-е годы П.А. Пальчиков работал управляющим трестом ГНСМ.

ны к малолетнему «нарушителю» и не поленились потратить время на воспитательную работу с ним (и с его отцом), что так контрастирует с теми тяжелыми нареканиями в адрес стражей порядка, к которым мы так привыкли в наше время. А с другой... Трое взрослых мужиков катали туда-сюда мальчишку в машине для того, чтобы потом прочитать ему лекцию. Не забавно ли? А в это время взрослые нарушители с куда более серьезными намерениями спокойно занимались своими «делами» на улицах города. Да простят меня нынешние коллеги тех далеких «ментов» начала 1960-х годов, но сдается мне, что за «трогательным вниманием» к моей персоне стояли вполне практические намерения (сродни некоторым сегодняшним действиям милиции). В самом деле, катит по улице упитанный пацан на импортном самокате (мои товарищи на своих деревянных драндулетах катались, где и как попало, и ими не интересовалась ни одна «правоохранительная душа») — такого встретишь не каждый день. А не «тряхнуть» ли его родителей? Впрочем, это лишь мои предположения.

Кстати сказать, криминальные происшествия в городе не были такой уж редкостью в те давние годы. Тому я и сам однажды был свидетелем. Будучи ещё лет шести, я с мамой переходил трамвайные пути на углу улиц Мира и проспекта Победы, напротив парикмахерской. В это время мимо нас пробежал парень (или молодой мужчина) в сером пальто и на ходу швырнул на рельсы маленький блестящий пистолет. Я потянулся и схватил его в руки. Никелированный ствол «цацки» приятно отливало серебром, но спускового крючка почему-то не было (это я, несмотря на малость лет, запомнил хорошо). Парня через несколько метров скрутили мчавшиеся за ним все те же люди в штатском. Ко мне подошел один из них и забрал пистолет (не исключено, что это был искусно сделанный пугач). Заметным центром «теневого» жизни в городе в пе-

риод 1950–1970-х годов была так называемая еврейская слободка, располагавшаяся на знаменитой улице Московской, само название которой в сознании горожан было синонимом криминала⁹. Здесь проживала большая колония горских евреев. На Московской можно было, как свидетельствовала молва, в любое время найти в тамошних притонах и наркотики, и девочек. На слободке не раз проводили рейды стражи правопорядка, изымая «зелёе» (анашу) и задерживая его распространителей. Об этом моим родителям рассказывал Давид Ягудаевич Матаев, сам принадлежавший к народу, населявшему слободку. В 1960-е годы он был начальником ГАИ ЧИАССР. Его сын Илья учился у папы и мамы в СШ № 1¹⁰. Впрочем, громкие криминальные дела, которые в «застойное» время в Грозном были нечастыми (возможно, по причине отсутствия широкой гласности), иногда понастоящему потрясали местное общество и особенно поражали людей, приезжавших в республику извне. В 1970 г. прямо в своем кабинете был застрелен лицом чеченской национальности министр (?) лесного хозяйства Чечено-Ингушетии В.Г. Колотушкин (по ходившим разговорам, погибший был связан с убийцей отношениями на почве взяточничества). Ещё через 6 лет в горах был ликвидирован старый абрек Хасуха Магомадов, который пе-

⁹ Горские евреи поселились здесь, на правом берегу Сунжи, после того, как в 1860 г. старая слобода на левом берегу сгорела. Место для поселения жителям Грозной площадью 4 тыс. десятин на правом берегу было выделено начальником левого фланга Кавказской Линии генералом Н.И. Евдокимовым (Город Грозный. Популярная очерки истории. — Грозный, 1984. — С. 39).

¹⁰ В 1970-е гг. Д.Я. Матаев и Илья были арестованы по ложному обвинению и позднее вышли на свободу. Встречая потом Д.Я. Матаева на улице, мне в глаза всегда бросалась его настороженность, сквозившая во взгляде обида и готовность дать немедленный отпор.

ред этим при попытке его задержания убил председателя КГБ Советского района полковника Салько, а за несколько минут до своей гибели застрелил из своего карабина чеченского милиционера. Об этом происшествии в статье «Под сенью Корана» в 1976 г. сообщила газета «Грозненский рабочий». О таких событиях в городе обычно велось много разговоров. Вполне привычными были судебные процессы о расхищении социалистической собственности, ход которых иногда освещался в прессе, т. е. во всё том же «Рабочем». Недаром один мой бывший сослуживец, С. Ф. Блуменау (ныне это доктор исторических наук, профессор, известный специалист по истории Французской революции, работающий в г. Брянске), приехавший в Грозный из Москвы работать по распределению в ЧИГУ, говорил: «В Грозном газеты интересно читать. Кто-то что-то украл, купил...».

Но оставлю криминальную тему и вернусь к своим «гонкам». Им прямо-таки суждено было сопровождаться приключениями. Став постарше, я сменил самокат на настоящий взрослый велосипед. Местами поездок были близлежащие улицы. Во время одной из них группа парней и подростков, стоявших рядом со средней школой № 12, начала окликать меня, а потом двое из них пустились за мной в погоню. Развернувшись, я во весь опор помчался в сторону дома. Ребята догнали меня на родной улице, но, поняв, что я на «своей территории», отстали.

Поэтому совершать велосипедные прогулки далеко от дома имело смысл в компании с кем-либо из знакомых ребят постарше. И вот однажды такая вылазка была предпринята вместе с одним из признанных лидеров нашей мальчишеской компании, моим соседом по двору — Александром. Утром на двух велосипедах, моём и его, мы втроем с Саниным другом Витей (которого на улице звали «Котярой») уехали в Тыртову рощу¹¹. Такого «про-

гона» в качестве велосипедного пассажира у меня не было ни до, ни после этой поездки. Мы неслись на всей скорости, которую только можно было выжать из простого дорожного велосипеда. Что за дорога — асфальт, проселок — для Сани не имело значения. На каком-то бугорке багажник, на котором я примостился позади лихого ездока, отвалился, и я кубарем полетел на землю. После скорого ремонта мы опять помчались вперед. Приехав в рощу, решили передохнуть, и Александр спокойно выпил прямо «из горла» прихваченную с собой бутылку портвейна. Благоразумный Витя выпил минералки. Хотелось ли мне выпить хотя бы воды, не помню. После остановки наша поездка продолжилась. Мой сосед, сзади которого ни жив, ни мертв, по-прежнему сидел будущий автор этих строк, недрогнувшей рукой направлял велосипед к самому краю обрыва и ехал, не снижая скорости. Внизу, плещась о глинистый берег, шумела Сунжа... Вернувшись, я долго и с удовольствием отмокал в ванной и думал о том, что поездка, всё-таки, окончилась благополучно.

Перечисляя запомнившиеся детские игры и развлечения я поймал себя на мысли, что все они связаны были, прежде всего, с летом. А что же было зимой? Зимы в Грозном были, чаще всего, тёплыми. В декабре стояли туманы, в январе светило яркое солнце, и только февраль (недаром он «лютедь», как любила говорить в таких случаях мама) преподносил снег и мороз. Разумеется, такой погодный график был характерен не для каждой зимы, но холода в мое время никогда не бывали осо-

¹¹ Это название, по-видимому, связано с именем сподвижника генерала А. П. Ермолова подполковником Тыртовым, который воевал в этих местах (Клычников, Ю. Ю. Деятельность А. П. Ермолова на Северном Кавказе (1816–1827 гг.). — Ессентуки, 1999. — С. 47).

бенно сильными и продолжительными, разве что в каких-то отдельных случаях (например, зима 1971/1972 гг.). Конечно, завидев выпавший снег, белый ковер которого на улице вызывал у всех ребят просто неподдельное ликование и удивительную приподнятость настроения, детвора стремилась максимально использовать привалившее счастье, все высыпали на улицу и отчаянно бросались снежками. В отдельных дворах заливались даже небольшие катки, и ребята играли в подобие хоккея. В возрасте 12–13 лет я с помощью сестры, жившей тогда в Подмосковье, обзавелся коньками, выходил по вечерам кататься на улицу Первомайскую и на подгибавшихся ногах резал темный от грязи ледок неподалеку от парихмахерской на углу Первомайской и Кабардинской, напротив Ленинского райисполкома¹². Годы шли, и вот в лет в 14–15 меня перестало, как прежде, тянуть на улицу. Беззаботное детство заканчивалось... Наступала пора, повторюсь, «надежд и грусти нежной». Увлечшись чтением и ведением дневника, я отошел от прежней мальчишечьей компании, словно ушел в другой мир, хотя мои тоже повзрослевшие товарищи по-прежнему ходили по той улице, но как-то вмиг отдалились от меня.

Впрочем, реальная, в целом, безмятежность детства не означает того, что жизнь в нашей республике была далека от проблем и происшествий, которые могли потрясать её до основания. Я имею в виду события 26–27 августа 1958 г. в г. Грозном, когда массой народа был захвачен Обком КПСС, происходили избиения партийных работников и т. д. Причиной этого были резко обострившиеся сложности взаимоотношений между возвращавшимися из казахстанской ссылки чеченцами и ингушами и русским населением. Одним из случаев, который вызвал взрыв, было, как полагали многие, убийство прибывшего на побывку (или отслужившего?) моряка — бывшего рабочего завода «Крас-

ный молот». Однако, как утверждают историки Ю. Ю. Клычников и С. И. Линец, убитый Евгений Степашин был рабочим Грозненского химкомбината¹³. В недавней статье Е. Жирнова, посвященной 50-летию августовских событий в Грозном, эта информация получила подтверждение. Что же касается матроса Рябова, друга Е. Степашина, то он, как оказывается, сумел избежать смерти. Впрочем, можно согласиться с Е. Жирновым в том, что «версия с матросом, убитым в спину, куда больше соответствовала настроением русскоязычных грозненцев и поэтому имела широкое хождение»¹⁴.

Когда стихия народного негодования вышла из берегов, выяснилось, что недовольство вызвано не только национальными мотивами. На стихийном митинге «прозвучали уже не только античеченские, но и антисоветские мотивы, недовольство Хрущёвым и его политикой, даже призывы к забастовке»¹⁵. Протестные ноты социально-политического характера были отнюдь не случайны. Народ не мог не видеть отрицательных сторон политики, проводившейся советско-партийной верхушкой, отделившейся от народа привилегиями, зарплатой в «конвертах» и тому подобными вещами. Моя сестра Ирина рассказы-

¹² На фото декабря 2004 г., расположенном на одной из вкладок к этой книге, сделанном родственником, посетившим родные пенаты, мрачный, зияющий темными глазницами окон остов здания с башенкой, на первом этаже которого находилась эта парихмахерская, угрюмо высился на прежнем месте, а рядом виднелись черные стволы ещё помнящих нас деревьев, сиротливо тянущих свои ветви в серое зимнее небо.

¹³ См.: Клычников, Ю. Ю., Линец, С. И. Северокавказский узел: особенности конфликтного потенциала (исторические очерки). — Пятигорск, 2006. — С. 182.

¹⁴ Жирнов, Е. Секретари обкома прятались в сейфе // Власть. — № 33. — 25 августа 2008. — С. 58. Благодарю за ознакомление с этой статьей заведующего кафедрой политологии АГПУ, доцента С. А. Сомова.

¹⁵ Там же. — С. 59.

вала мне, например, что разъяренная толпа вела по улице схваченного партийного работника С. Н. Джугурьянца (московский ученый В. А. Шнирельман пишет о том, что нападениям якобы подверглись партийцы только чеченской и ингушской национальности)¹⁶, у которого были сломаны два ребра. Ира бежала за людьми, не отпуская раненого, и кричала первое, что ей пришло в голову: «Это муж моей учительницы!» (что соответствовало действительности — жена Сурена Никогосовича, в будущем доцента кафедры истории КПСС Чечено-Ингушского государственного университета — Валентина Степановна была учителем русского языка в средней школе № 1). Обстановкой не преминули воспользоваться и криминальные элементы. Начался разгул толпы, которая несколько раз врвалась в здание Обкома и бесчинствовала здесь. После одного из таких «приливов» хулиганствующие элементы были вытеснены собравшимися представителями городской партийной организации¹⁷. Когда много лет спустя я расспрашивал родителей о том, не были ли они на площади у Обкома, они в один голос заявили мне: «Что ты, мы сидели дома и никуда не высовывались!». Тем не менее, это было не так. Моя детская память запечатлела бушующую массу людей у входа в Обком и страшные удары камней в большие окна первого этажа бывшего здания дореволюционного Азово-Донского коммерческого банка

¹⁶ См.: Шнирельман, В. А. Быть аланами: интелликуалы и политика на Северном Кавказе в XX веке. — М.: Новое литературное обозрение, 2006. — С. 249. Этот автор там же сообщает, со ссылкой на мнение ингушской правозащитницы, что «русский бунт» был инспирирован работниками КГБ.

¹⁷ Свидетельство ветерана КПСС-КПРФ, бывшего ректора Чечено-Ингушского пединститута, доцента В. И. Синельникова.

¹⁸ Журнов, Е. Секретари обкома прятались в сейфе // Власть. — № 33. — 25 августа 2008. — С. 59.

(в бывшем хранилище которого, расположенном в подвале, ещё до Великой Отечественной войны превращенном в бомбоубежище, прятались ответственные партийные работники)¹⁸, построенного в таком восточно-«мавританском» стиле. Почему же родители забыли о том, что отец, держа меня на руках, стоял рядом с этим «извергающимся вулканом»? На эту тему я намерен поговорить попозже, когда речь пойдет о восприятии родителями общественной жизни их времени. Бунт русских, требовавших остановить возвращение чеченцев и ингушей, был ликвидирован после того, как в Грозный ввели войска. Жизнь потекла своим чередом. Грозовые облака пронесли стороной, и вызванный ими шторм, яростно просвистев над головами, бесследно, как казалось, исчез вдали.

И коль скоро самые интересные эпизоды из нашей и моей уличной и дворовой детской, а отчасти и юношеской, жизни, пожалуй, уже описаны, пора перейти к другой грани бытия — миру родителей и их друзей, который также был неотъемлемой частью повседневности семьи Дударевых.

Напомню, что когда мои родители переехали в город Грозный, им пришлось поскитаться по чужим квартирам. Одним из мест их первоначального обитания был дом в Ивановском переулке, находившемся тогда возле Грозненского (позже Чечено-Ингушского) пединститута (а затем и университета)¹⁹, а позже родители перебрались на

¹⁹ Сей замечательный переулок запомнился мне не только как район первоначального обитания нашей семьи, а затем и расположения вуза, в котором я учился, а потом и работал, но и тем, что в конце этого переулка жила Зинаида Афанасьевна Гавришевская — старейший филолог ЧИГПИ. Она готовила меня по русскому языку для поступления в пединститут. Старушка была некогда выпускницей знаменитых Бестужевских курсов, ученицей выдающегося отечественного (и польского) филолога Ивана Александровича Бодуэна де Куртене (1845–1929), основателя Казанской лингвистической школы, чем очень гордилась.

улицу Татарскую²⁰, 8. Хозяйкой дома на Татарской была Любовь Михайловна Мурадова. Я помню её немолодой, полной женщиной невысокого роста, прихрамывавшей из-за давней травмы ноги и поэтому ходившей с палочкой. Дело в том, что после того как моя семья, наконец-то, обрела пристанище, связи её с Любовью Михайловной не прервались. Когда родители затеяли первую перестройку в доме, жить на период строительства мы переехали опять к Любви Михайловне. В детской памяти этот переезд запечатлелся в куче вещей, нагруженных на старую «полуторку»²¹. Любовь Михайловна обожала меня, маленького, до слёз, говоря с восторгом что-то вроде: «Циколеньки мои, циколеньки!» (что значили эти волшебные слова, я так и не узнал, но всегда их смущался), «Армянский мальчик!», угощала вкусными сладостями, на которые так богата изысканная армянская кухня, и сладким квасом с изюмом. У неё самой было двое «армянских мальчиков», которых звали Шурик и Эдик. Эти два недоросля, пользуясь отсутствием родителей, пропадавших на работе, научили малолетнего ребенка (которого иногда оставляли Любви Михайловне, или как я звал её в раннем детстве, «Михалине», для присмотра) некоторым неприличным

²⁰ Название улицы было связано с тем, что район, к которому она относилась, входил в Казанскую слободу, место некогда компактного проживания казанских татар (*Головлев, А.А.* Этапы и факторы формирования населения г. Грозного (1818–1898 г.) // *Известия Российского географического общества.* — 2000. — Т. 132. — С. 76). Один из представителей татарской диаспоры Грозного жил с семьей неподалеку от нашего дома, по улице Кабардинской. Его в обиходе звали Василий Иванович, поскольку не все быстро могли произнести его настоящие татарские (мусульманские) имя и отчество — Фасхтдин Салахтдинович. Это была религиозная семья — на стенах её квартиры висели картины с изображениями мечетей и иных святых мест ислама (это было в советское «атеистическое» время!). Пожилой татарин был переплетчиком. Когда он сделал красивый *темнозелёный* переплет для рукописи моей кандидатской дис-

словам и потом от души хохотали, когда тот их воспроизводил. Их «старания» не пропали даром. Однажды, когда отец шел со мной на руках по улице, нам встретились две учительницы, папины коллеги. Они попытались разговорить молчаливое дитя, хмуρο смотревшее на них из подлобья, и оно в ответ им выдало: «Ж-па!». «Что-что...», — оторопели дамы. Папа быстро распрощался с ними и дал со мной ходу. Эдик и Шурик долго не показывались на глаза отцу... Кстати сказать, наверное, отчасти из-за этого случая родители предпочитали нанимать бабушек и тетюшек, которые присматривали за мной дома до тех пор, пока не пришла пора идти в детский сад. Я запомнил их имена — баба Настя и тётя Тося. А что до шаловливых сыновей нашей квартирной хозяйки, то прошли годы и Шурик стал директором грозненского стадиона «Динамо», того самого, на котором 9 мая 2004 г. от взрыва фугаса погиб президент Чечни — Ахмат Хаджи Кадыров²². А дочка Эдика стала моей студенткой на истфаке ЧИГУ и передавала мне приветы от совсем старенькой бабы Любы, которая до середины 1960-х годов ещё изредка захаживала к нам в гости.

Так вот, баба Люба сдавала комнаты бесприютным приезжим, к которым, кроме папы, мамы и

сертации, то наотрез отказался брать за это деньги. Примечательно то, что Фасхтдин Салахтдинович сказал при этом: «Мы, *европейцы*, должны помогать друг другу».

²¹ Полуторкой называли тогда грузовик отечественного производства грузоподъемностью полторы тонны.

²² Место, на котором находится стадион «Динамо», примечательно и тем, что здесь, а также на территории соседнего парка завода «Красный молот», до 1920-х годов находилось городское кладбище, которое начало использоваться ещё в период «Кавказской войны» жителями форштадта — поселения при крепости Грозной. Здесь похоронены и русские воины, павшие во время боевых действий или умершие от ран. Красномолотовский парк был примечателен и тем, что когда-то на этом месте была церковь 82-го пехотного Дагестанского полка (с его именем связана улица Дагестанская в г. Грозном).

сестры, относились и Григорьевы. Это была украинская семья, переехавшая в Грозный из Херсона. Главой семейства был Николай Христофорович, ученый-ветеринар. Супругу его, работавшую бухгалтером в одной из больниц города, звали Зинаида Михайловна, а дочерей — Светланой и Наташей. Старшие Григорьевы хотя были и младше моих родителей, но уже успели пройти суровую жизненную школу (Н.Х. воевал, был тяжело ранен), подружились с родителями, и эти тёплые отношения, так же как и с Любовью Михайловной, не завершились после нашего отъезда из дома бабы Любы. Григорьевы поселились в военном городке, который казался мне в детстве чуть ли не краем света. Мы приезжали в гости к ним, они — к нам, причем было в обычае не ставить друг друга об этом в известность, да и как? Телефона не было ни у них, ни у нас, а расстояние между друзьями было, все же, вполне приличным по тогдашним грозненским меркам.

Но пора познакомиться с Григорьевыми (которых родители звали между собой попросту по отчеству главы семейства Христофорычи) поближе. Конечно, самой привлекательной фигурой был Николай Христофорович. Он был человеком импозантным. Высокий, полный, с зачесанной назад черной шевелюрой, которую он всё время поправлял, закидывая назад, всегда веселый, остроумный и общительный, неистощимый на шутки и с большим чувством собственного достоинства, Николай Христофорович блестяще владел немецким языком. Это, порой, выручало его в жизненных ситуациях. Однажды, приехав в командировку в Москву, Н.Х. зашел в одну из знаменитых «сталинских высоток» — гостиницу «Украина». Мест, как водится, не было. Неунывающий Христофорыч подошел к рецепции для иностранцев и обратился к дежурному администратору по-немецки, протянув свой паспорт гражданина СССР. Та оценила и находчи-

вость, и произношение соотечественника и нашла-таки место для его поселения. Юмор у Николая Христофоровича проявлялся в самых обыденных жизненных ситуациях. Когда у отца заболели куры, он в отчаянье пригласил своё знакомое светило ветеринарии (ну, а если без шуток, то Н.Х. в середине 1960-х годов защитил кандидатскую диссертацию и был одним из лучших специалистов в своей области в республике²³), и тот с оптимистическим заключением «Отходы будут» принялся деятельно вакцинировать гибнущих птиц. Сколько их выжило, о том история умалчивает, но спасение определенного контингента пернатых было отмечено, как полагается.

Та сторона жизни Н.Х., которая была связана с процессом «отмечания», достойна особого упоминания, поскольку по-своему связана с фантазией и выдумкой этого человека. Но и, увы, явилась, в немалой степени, причиной преждевременной смерти яркого и талантливого человека. Не могу, разумеется, по причине малых лет, судить об этом предмете самостоятельно, но, по словам родителей, Николай Христофорович был тонким гурманом в области составления всевозможных настоек, наливок и т.д., изготавливая изумительные аперитивы на спиртовой основе, разлитые в соблазнительные графинчики, бутылочки и т.п., причем не-

²³ Перу Н.Х. Григорьева, например, принадлежит сохранившаяся в семейном архиве брошюра «Химиофилактика — новый метод борьбы с аскаридозом и гетеракидозом кур» (Грозный, 1965) с надписью «Дорогим Леониду Ивановичу и Зинаиде Сергеевне от Н. Григорьева. 14.03.65». В некрологе, опубликованном в газете «Грозненский рабочий» в 1969 г., говорилось, что заведующий отделом Чечено-Ингушской научно-исследовательской ветеринарной станции, кандидат ветеринарных наук Н.Х. Григорьев был эрудированным и опытным ученым, автором свыше пятидесяти научных работ, имеющих важное народнохозяйственное значение.

С. Л. Дударев

Это было
недавно,
это было
давно...

пременно с возвышенными, поэтическими названиями вроде «Божья слеза». В доме Григорьевых устраивались встречи Рождества и Пасхи, во время которых от души веселились и взрослые, и дети. Взрослые — за столом, дети — вокруг него, а то

Л.И. Дударев во дворе дома с пернатым любимцем. 1950-е гг.

и под ним. Малышня выбегала затем на улицу, где сталкивалась с местными детишками, желавшими, в том числе, «испытать на прочность» явившегося в гости пацана с далекой улицы. С детьми от души, иногда интересно, весело, с выдумкой играла подруга Зинаиды Михайловны Александра Петровна (для родителей просто Шурочка). Столы были обильными и щедрыми, и кудесничал здесь не только Николай Христофорович, являвшийся неизменной душой компании с анекдотами, шутками, веселыми историями и, конечно же, со своими вариациями горячительных «слёз», но ещё больше его теща — Домна Терентьевна — маленькая сухонькая старушка с большими, добрыми, чуть с лукавинкой глазами, готовившая, помнится, замечательный куриный холодец, всевозможные пироги и т. п. Кстати, холодец хранился зимой попросту в ящике у входа в квартиру, и однажды, причем прямо во время приема гостей, какие-то «злоумышленники» похитили пару тарелок чудного продукта и скрылись с ними, несмотря на «погоню», в неизвестном направлении, что со смехом и легкой досадой обсуждалось затем за столом.

Шли годы. Встречи с Григорьевыми становились всё реже. В последние три года жизни Николая Христофоровича их практически не было. А в 1968 г. умерла Домна Терентьевна. Мы пришли вечером накануне похорон отдать последний долг человеку, с которым сроднились за много лет. Мама, глядя на покойницу, тихо плакала. Гроб с телом умершей стоял в комнате, где ещё, кажется, совсем недавно кипело дружеское веселье. Всего через год, 18 сентября не стало и главы семьи, скончавшегося на 47-м году жизни. Сердце Николая Христофоровича, не совсем здоровое и прежде, не выдержало того, что его супруга, совершив растрату на работе, попала под следствие. Вскоре после похорон мужа она оказалась в местах лишения свободы... Старшая дочь Григорьевых ещё

Глава 2.

Детские
игры и раз-
влечения.
Друзья семьи,
быт, общая
атмосфера

С. Л. Дударев

Это было
недавно,
это было
давно...

раньше вышла замуж и уехала в Украину, а младшая уже после ареста матери через какое-то время также соединила свою судьбу с каким-то молодым человеком и таким вот образом оказалась на стезе самостоятельной жизни.

Родители (мама — первая слева, папа — третий слева) в кругу друзей. 1960-е гг.

С Григорьевыми многое роднило других приятелей моих отца и матери — семью Колесниковых. Глава семьи, Михаил Данилович, был начальником республиканского участка «Кавэлектромонтажа», т. е. по нынешним понятиям, местным энергетическим «олигархом», а его супруга Ма-

рия Никифоровна — домохозяйкой. Это также была гостеприимная семья, которая всегда радушно и хлебосольно встречала своих друзей. В компании Колесниковых родители нередко проводили праздники, например, Новый год. В ней, как водится, были свои заводилы и лидеры. К ним, прежде всего, относился брат Михаила Даниловича, Афанасий Данилович, которого в семье и кругу друзей колоритно и просто называли Афанас. Не отставал и мой папа, который от души веселился в компании Колесниковых. Тут были и переодевания, когда обнаженный по пояс отец изображал небезызвестного в то время господина Мобуту²⁴, а Мария Никифоровна в маске — забавную обезьянку, и танцы до упаду. Любимой песней была «Подмосковные вечера», отчего мама звала её «колесниковской». Развлечения взрослых длились всю ночь, и меня, как и младшего из сыновей Колесниковых — Володю, в определенный момент укладывали в одной из комнат для сна. Но спать, естественно, не хотелось, и, пользуясь отсутствием взрослых, Володя показывал мне какие-нибудь семейные мужские раритеты, например, отцовский кинжал, то ли большой охотничий нож с цветной наборной ручкой или что-либо в этом роде.

В компанию Колесниковых входила одно время и семья Пальчиковых — Павел Александрович (о котором уже упоминалось выше) и его супруга Анастасия Александровна. Они были бывшие ленинградцы, и это чувствовалось, в особенности в манерах Павла Александровича, в которых сквозила интеллигентность, мягкость (несмотря на его

²⁴ Конголезский политический деятель, президент Конго тех времен.

Глава 2.

Детские
игры и раз-
влечения.
Друзья семьи,
быт, общая
атмосфера

милицейский род занятий). Его жена была весьма непосредственной, улыбчивой дамой, которая любила подначивать мужа, склонного иногда преувеличить что-либо в рассказе за столом.

Я с удовольствием по жизни вспоминаю (и вспоминаю) эти славные шумные встречи. И как-то же было узнать из газеты «Грозненский рабочий» в конце 1980-х годов, в эпоху «перестройки», что «колесниковский» дом, находившийся на ул. Первомайской, между республиканской и 1-й городской больницами, оказывается, был возведен на поистине страшном фундаменте, в качестве которого послужили надмогильные вайнахские стелы, так называемые чурты! Они были сброшены с чеченских захоронений в период после выселения и цинично использованы в качестве стройматериала. Так тоталитарный сталинский режим хотел стереть всякую память о прежних (как думали его деятели) жителях края. Выходит, что наше счастье невольно основывалось на несчастье многих других людей. Было ли то, что случилось с нами в начале 1990-х, расплатой? Если и да, то за чужие грехи. Мы сами ни в чем не были виноваты перед чеченцами и ингушами. Как, впрочем, и 25 миллионов «русскоязычных», которые велением истории оказались за пределами «своих» национально-территориальных образований. В советское время каждый уголок страны был родным, и никому в голову не могло прийти то, что настанет день, когда родина станет мачехой, а граждане — «негражданами» и людьми второго сорта, нежелательными и чуждыми пришельцами²⁵.

Но в 1950–1970-е годы такое не могло бы признаться и в самом кошмарном сне. Жизнь тек-

ла своим обычным чередом и дарила свои скромные радости. А они больше всего были связаны с праздниками — 1 и 9 мая, 7 ноября, с Новым годом и приемом гостей. На праздники мама, как правило, пекла пироги. Это были пироги с повидлом из наших же абрикос и ореховые рулеты, для изготовления которых мама держала на кухне несколько черных, как уголь, противней. Она колдовала над тестом и пирогами до глубокой ночи. К пирогам из оставшегося сладкого теста во времена моего детства мама прибавляла пару булочек в форме птиц. Тесто, уже заправленное в кастрюлю, я любил попробовать и сырым. Когда мои попытки отведать тесто становились слишком назойливыми, мама прикрикивала на меня: «Тикай отсюда!». Наконец, свежее испеченные пироги, покрытые блестящей коричневой корочкой, бережно укутывались в какие-то полотенца и накрывались сверху старым одеялом. Большим удовольствием было прийти утром на кухню и поставить на стол противень со свежим пирогом, пахнущим ароматной сдобой. Выпив чаю, шли на демонстрацию. Шум, суета, бурный круговорот людей, громкая маршевая музыка, толпы нарядно одетых людей в приподнятом настроении, транспаранты, призывы — все эти приметы первомайских и ноябрьских демонстраций были неотъемлемой частью нашей жизни, и тот оптимизм, которым веяло от празднеств, не могла нарушить и непогода, которая случалась не только на 7 ноября, но иногда и 1 мая. Впрочем, с годами вся эта обстановка становилась более и более привычной и даже заурядной и воспринималась, увы, с все меньшим вдохновением... К её восприятию в более зрелом возрасте стали примешиваться другие впечатления и оценки. Возможность взглянуть на некоторые стороны действительности реалистичным взглядом взрослого человека приводила иногда на демонстрациях к забавным эпизодам, но на грани «фола».

²⁵ Бывший президент Латвии Вайра Вике Фрейберга иносказательно называла «русскоязычных» «марсианами».

Как-то мой приятель и коллега давних лет Владимир Петренко, человек, наделенный чувством юмора, идя рядом в праздничной колонне нашего университета, наклонился ко мне и негромко заметил: «Вот если бы сейчас вместо “Слава КПСС!” , кто-нибудь крикнул “Слава Аллаху! Вуро!”²⁶ Вот было бы шуму!». Шедшие неподалеку от нас люди стали оборачиваться, и, пожалуй, эти взгляды не были одобрительными. Володя не выглядел пророком, но спустя не так много лет на обочинах дорог северокавказских республик появились плакаты с такой надписью, разве что без «Ура!». Наступила эпоха плюрализма и конфессиональной свободы.

...После демонстрации (когда пришло мое совершеннолетие) отец доставал коньяк, и мы семьей праздновали ту или иную дату. 9 мая было для родителей особенным праздником, наполненным душевным трепетом, о чем я непременно ещё упомяну в своем последующем повествовании. Особую прелесть имел Новый год, когда непременно приобреталась ёлка, ставившаяся в самой большой и высокой комнате, украшавшаяся игрушками, огнями, блестящим дождем. Она наполняла дом волшебным запахом свежей хвои, а разноцветные лампочки издавали неяркий, но проникновенный интимный свет, под который так здорово мечталось и грустилось. Те старые елочные игрушки, на которых лежит отблеск ушедших лет, до сих пор вешают на ёлку в моей армавирской квартире в новогодние праздники. И вот я, грешным делом, как-то недавно подумал: «Молодежь под новогодней ёлкой грезит о будущем, а те, кто уже пожил немного на этом свете, видят в её огнях отражение своего прошлого...»

Родители делали великолепный холодец, терли со слезами (эта работенка, бывало, перепадала и мне) выращенный в нашем садике крепчайший хрен, из которого делалась острая приправа к холодцу, сильно ударявшая в нос. Каких-то других особых яств не было. Ещё в 1960-е годы в нашем магазине на Первомайской продавалась черная и красная икра в больших банках. Но не помню, что-

Мама и папа после Первомайской демонстрации. 1967 г.

бы кто-либо при мне покупал её. Было очень дорого. Зато по дворам стали носить отличную черную икру, добытую нелегальным способом и стоившую дешевле. Её родители периодически покупали у таких «распространителей» — обычно кого-либо из соседей из близлежащих домов. Но регу-

лярной праздничной и уж тем более повседневной едой «контрабандная» черная икра так и не стала.

Мои родители не только любили ходить в гости, но и сами умели хорошо принимать гостей. Особенно любил это отец, который весь светился от удовольствия. Общение было его сутью, папа являлся человеком общества, переживая в нём самые вдохновенные минуты. Обладавший приятным и достаточно сильным тенором, он обожал петь для гостей. В его репертуар входили: «Выхожу один я на дорогу», «Дивлюсь я на небо», «Если бы милые девицы...» и, конечно же, папино коронное «Когда я на тройке служил ямщиком» («ямщицкая» тема, вообще, что называется, генетически близка нашей семье. Мой прапрадед по материнской линии и был самым, что ни на есть, настоящим ямщиком). Отец любил показывать гостям фотографии горячо любимой им Зиночки в молодости, обладавшей «голливудской» внешностью, а, выпив лишнюю рюмочку, приносил петуха или курицу (позже любимых голубей), все ахали, восторгались красотой птиц.

Круг общения родителей был достаточно разнообразен. В него входили не только люди с «положением», но и такие же, как и мы, «простые смертные». Тем более что этому способствовало страстное увлечение папы голубями. А голубятники в массе своей народ самый, что ни на есть, простой — шофёра, рабочие. Впрочем, среди них был и один прокурор, который приходил полюбоваться отцовскими птицами. Колоритной, по-своему, личностью был и другой папин знакомый — Александр Акимович Краснов, сапожник по профессии, также обожавший голубей. Это был пожилой человек, ходивший по причине хромоты с палочкой, который неизменно появлялся у нас дома с каким-либо скромным гостинцем, очень уважительный, по долгу беседовавший то с отцом об их любимом предмете, то с родителями о жизни, в том числе о

своем сыне. В его своеобразном лексиконе попадались забавные словечки и выражения, которые мы всегда вспоминали в семье. Он неизменно говорил, например, «улияет» (вместо «влияет»), «абизательно» (вместо «обязательно»), «итакидалее» (именно вместе), «упичитление» (вместо «впечатление»), «мулинè» (нитки, применявшиеся в сапожном деле), «моя Марья» (о своей жене) и т. п. Мы привыкли к его визитам и простым разговорам. Наш знакомый, однако, страдал гипертонией, на почве которой чувствовал себя всё хуже. Визиты прекратились, болезнь привела к осложнениям в психике. Затем последовала внезапная драматическая развязка. Однажды ночью старик Краснов встал с постели и ушел из дома. Ушел навсегда и исчез бесследно — как ни старался его сын Николай разыскать отца, всё было напрасно...

Если говорить о нашей обыденной домашней жизни, то она, пожалуй, мало чем отличалась от повседневного существования многих других грозненских (и вообще советских) семей. Но именно она с возрастом вспоминается всё чаще и кажется все милее. Почему так? Может быть, потому, что протекала она под мирным небом, мы нисколько не сомневались в том, что у семьи будет завтрашний день, что живем в самой лучшей стране на свете...

Конечно, будни всегда были буднями. К тому же, не всегда безмятежными, чему, например, способствовала природная стихия. В конце 1950-х годов в г. Грозном произошло довольно сильное наводнение, когда после обильных проливных дождей вода в Сунже поднялась под самые мосты в центре города, затопив набережные и смыв своими бурными потоками все, что находилось в низинах. По реке несло какие-то предметы, бревна, иногда животных. В районе так называемого Бароновского моста (по району города, начинавшемуся сразу за мостом и именовавшемуся среди населе-

ния Бароновкой²⁷) у реки были затоплены небольшие домики, стоявшие недалеко от берега. Мы с отцом ходили смотреть на них. Помню, как между хибарками вплавь перебирался какой-то мужчина, собирая в воде вещи.

Другой, более часто случавшейся напастью, были землетрясения. Первое из них, которое хорошо запомнилось, случилось в мае 1970 г. Это было отголоском страшного дагестанского землетрясения, когда целые аулы уходили под землю. Сильный толчок заставил выбежать из летней кухни во двор. Люди долго не заходили в дома, ждали повторного толчка. Но усталость взяла своё, и спать мы всё-таки пошли под крышу. Подобное случилось и позднее. Особенно неприятно было переживать толчки, находясь в многоэтажных домах. Но со временем мы, в какой-то степени, притерпелись и к землетрясениям. В июле (или августе?) 1976 г. был сильный толчок, напугавший приезжих ребят, которые долго сидели на бордюре напротив нашего дома. Родители же, закончив полив цветов во дворе, асфальта под забором и у окон и, конечно, нашего «хренового садика», что было обычной их заботой в жаркие летние вечера, отправились спать.

Что же, сила повседневной жизни — в её повторяемости, в обманчивом ощущении того, что происходящее изо дня в день будет вечным. А среди этого «вечного» были разные самые элементарные вещи, например, уход за участком перед домом, его прополка и полив. На нём однажды для эксперимента даже посадили картошку, и в один из октябрьских дней, когда в воздухе был уже разлит бодрящий осенний холодок, весело выкапывали её, обсуждая то, как сейчас сварим её и отведаем «даров природы». Отдельная тема — это заготовки на зиму, когда из расположенного неподалеку подвальчика на Первомайской, где находился овощной магазин, на себе таскали пыльные мешки с все тем же «идеалом пионеров»²⁸ или

с луком, а то и несли их с папой с базара, частично подвозя на «попутном» трамвае. Закатка солений и варений в родном отечестве — дело поистине всенародное. Наша семья была занята им так же, как и все простые (и не очень; теперь иногда пишут о том, что этим, оказывается, увлекались и жены высших партийных начальников) советские люди. Сбор (или в необходимых случаях покупка) и мойка овощей и фруктов, приправ, изготовление пахучего пряного рассола, душистого варенья и т. п. были таким же привычным делом, как завтрак, обед и ужин. Закручивание баллонов с готовым продуктом с помощью нехитрого ручного устройства было целым искусством и тоже требовало к себе пристального внимания, заставляя родителей (особенно маму) находиться на кухне вплоть до глубокой ночи. Обычным делом были уборка дома и двора (осенью от опавших листьев, зимой от снега), починка крыши, а также прочие надобности, о которых частично уже было рассказано в предшествующей главе. Для исправления тех или иных нужд по мелкому ремонту отец держал в сарайчике ящик с разнообразными инструментами, разбирая который после смерти папы, я не переставал удивляться его предусмотрительности. Впрочем, если что-то требовало сугубо профессиональных усилий, в этом случае отец приглашал из мастерской, находившейся в подвале соседнего ЖАКТа, рабочих-мастеров. Кое-кто из них порой кичился своей про-

²⁷ До Октябрьской революции в этих местах стояли бараки, в которых жили рабочие кирпичного завода известного на Северном Кавказе предпринимателя барона Р. Штейнгеля, откуда и произошло название Бароновка (Казакоев, А. Бароновка // Грозненский рабочий. — 1985. — 30 ноября). Благодарю за это сообщение и ссылку на статью А. А. Головлева.

²⁸ Кто из старшего поколения не помнит строчки из песни: «Ах картошка — объеденье, пионеров идеал! Тот не знает наслаждения, кто картошки не едал!».

фессией и связанностью с физической работой. Один как-то заявил отцу: «Вот я работаю, а разве ты работаешь?». Папа не стал с ним спорить. Он — редкостный труженик — интуитивно понимал, что спорить с недалёким человеком ни к чему (этак ещё можно опуститься до его уровня). Не буду возвращаться к такой теме, как ремонт дома. Скажу лишь, что он обычно парализовывал (как и у всех) нормальную жизнь его обитателей и доставлял иногда неприятности. Кому не известна, скажем, ситуация, когда приглашенный «мастер» (который был твердо убежден в ценности и квалифицированности своего труда) оказывался не на высоте положения. Но зато каким уютом веяло в доме после долгожданного завершения всех хлопот! В середине 1960-х годов наши три комнаты, обставленные в то время новой импортной мебелью, и кухня во дворе казались некоторым родительским коллегам по школе чуть ли не «усадьбой». Одна учительница, побывав у нас дома, заключила: «Да вы тут живете, как помещики!». Всё это, разумеется, простекало как от скромных представлений о быте наших людей, так из самого этого небогатого быта. Он вечно был связан с тем, что те или иные вещи трудно было купить (что нередко приходилось делать «по благу» (т. е. по знакомству) — это одно из самых знаковых слов советского времени!), продукты могли закончиться, их сложно было раздобыть, и над людьми всегда висела боязнь перебоев в снабжении самым элементарным, которым следовало обязательно запастись впрок. Не могу не вспомнить о кризисе 1964 г. (закончившимся, как известно, Октябрьским Пленумом ЦК КПСС и снятием Н. С. Хрущёва), когда белый хлеб мгновенно стал серым, а у магазинов выстроились большие очереди за этим самым насущным продуктом. Вот откуда эта наша «национальная игра» в засолки и закрутки, стремление запастись солью, спичками, подсолнечным маслом, мукой, сахаром и кру-

пами, обзаводиться садовыми участками и т. п., которая перекочевала из советских времен в нынешние «демократические».

Неотъемлемой, а по выходу на пенсию, в чем-то даже основной частью повседневного существования обитателей нашего дома были занятия родителей репетиторством, которые регламентировали распорядок жизни в нём. В учение к ним вели ребят со всего города. Папа и мама занимались этим ремеслом так же основательно, как и своей школьной учительской работой, непереставая готовились к занятиям, писали конспекты и т. п., хотя, казалось бы, уже всё знали наизусть за многолетнюю работу в школе. Много позже я понял причину этого. Настоящий профессионал всегда тщательно готовится к мероприятию. У Дэйла Карнеги можно прочесть о том, как один высококлассный специалист решил прочесть лекцию, говоря по-русски, с «кондачка», и провалился. С моими родителями подобного никогда не случалось. Они были учителями от Бога и глубоко добросовестными людьми.

Повседневность — это не только работа, но и пища, как материальная, так и духовная. Один тележурналист как-то сказал: «Еда повседневно первична». С неё и начну. Материальная пища была такой, какую позволяли средства в данный момент времени. Мама умела здорово приготовить жареную и тушеную рыбу, отбивные, котлеты, пельмени, делала прекрасные борщи и супы. Но это было по выходным, а в будни пришедшие с работы учителя по-быстрому варили, например, те же пельмени, но дешёвые и не очень вкусные магазинные. Иногда покупались чебуреки, из сладкого — конфеты, халва. Обычной едой были знаменитая кабачковая («заморская!») икра²⁹, обильно намазан-

²⁹ Кто из молодых людей не знает, почему она «заморская», смотрите замечательный фильм, лучшую комедию советского кино «Иван Васильевич меняет профессию».

ная на кусок хлеба, всё тот же «идеал пионеров», т. е. картошка, причём с селёдкой или рыбой горячего копчения, консервы типа килек в томатном соусе³⁰, домашние или приобретенные в магазине солёные помидоры и огурцы, а также, не виденные мной уже много лет, патисоны. Отец иногда любил сделать свою любимую «драчёну». Под этим забавным наименованием скрывались обыкновенные гренки, при изготовлении которых использовалась обильная смесь яиц и молока, остававшаяся после завершения процесса приготовления немого студенистой. Папа обожал летом арбуз с хлебом, был в восторге от абрикос, которые у нас падали прямо с дерева. Вообще ел он немного, но часто — сказывалась привычка молодости к полуголодной жизни сироты, а потом и желание поддерживать хорошую физическую форму. Мама, напротив, особенно войдя в возраст, как в той старой комической песне, «обратно любила поесть» и умела это делать очень заразительно. Подлинной вершиной родительской кулинарии были вареники с доморощенными вишнями. Чувство, испытываемое при употреблении этого блюда, когда напленный вкуснейшим соком вареник раздавливался во рту, можно назвать только одним словосочетанием — «вкусовой оргазм». Впрочем, самое главное в кулинарных упражнениях моих родителей было в том, что они вкладывали в них всю душу, тогда и самая простая еда казалась изыском. Особенно это чувствовалось, когда мне случалось простудиться и заболеть. В детстве и отрочестве мама в таких случаях приносила еду прямо в постель, по-

³⁰ «Дары моря» со временем стали приобретаться в специализированном магазине «Океан», находившемся, как и одноименный ресторан (в нём автор праздновал свою свадьбу), рядом с гостиницей «Чайка», поблизости от одного из мостов через Сунжу в центре города. Ныне эти здания уже не существуют.

крывая мне ноги старой клеёнчатой скатертью, называя её, как в сказке, — «скатерть-самобранка». Обыкновенная пища, принесенная мамой с любовью и заботой, казалась вкуснее иных деликатесов. А если ещё под рукой оказывалась интересная книга, то такое «болевание» временами превращалось из неудобства и неприятности в своеобразное удовольствие.

Но, как известно, «не хлебом единым» жив человек. Мама очень любила читать и порой проводила время за книгой до глубокой ночи. Особенно много читалось ей уже после выхода на пенсию. Мама с особым удовольствием читала и перечитывала различные исторические романы и повести. Своим пристрастием к чтению мы с сестрой генетически обязаны именно ей. Моя привязанность к этому занятию приводила к тому, что, бывало, не выученными оставались уроки, и однажды несколько захватывающих библиотечных книг были спрятаны от меня родителями подальше. Совершенно неожиданно я обнаружил их в стиральной машине, среди белья, приготовленного к стирке.

Папа любил проводить свободное время иначе. Как я уже упоминал, отец обожал живность — сначала кур, потом голубей. Сказалась ещё детская страсть к прекрасным птицам, кружащимся высоко в небе. Отец выхаживал птенцов, не давая им замерзнуть зимой, и очень горевал, когда ему не удавалось спасти только что вылупившегося птенчика. Голубятники обожают любоваться своими сокровищами и ещё больше — показывать их друг другу и хвастаться пернатыми друзьями. Это и приводило к тому, что иногда под покровом ночи они пробирались во дворы друг друга и попросту крали голубей. Однажды, когда мы втроем с отцом и матерью были на море в Гаграх, один из папиных знакомых — молодой шофёр, дождавшись, когда в доме погаснет свет (на «хозяйстве» оставалась сестра), утащил голубей из сарая во дворе.

Отдых был прерван, и семейство немедленно вернулось домой. С помощью знакомых в милиции незадачливого похитителя и самих птиц удалось найти. Воришка после примирения, состоявшегося у нас дома, был прощен папой. Но вот после вторичной кражи, которая произошла несколько лет спустя, обнаружить папиных любимцев уже не удалось. Отец не сдавался, продолжал держать ещё несколько пар голубей, но потом, поддавшись на уговоры мамы, кому-то отдал последние остатки своей стаи. Он полюбил ходить на стадион «Динамо» и гулять там — чаще со знакомыми, реже — в одиночестве. Позднее к этим прогулкам стал присоединяться и я. Нравилось отцу ухаживать и за рыбками, для которых в аквариуме, с помощью одного старичка по фамилии Лещенко — любителя диковин и имевшего всевозможные хобби — были выстроены небольшие гроты, для которых использовались привезенные с моря камни и ракушки. После смерти папы я пытался продолжить жизнь обитателей аквариума, но неудачно — наши меченосцы заболели какой-то рыбьей хворью, их остатки были отданы знакомому, а аквариум вынесен во двор...

Еще одной горячей привязанностью отца был футбол. Он посещал многие матчи местного «Терека» и в 1967 г. ему удалось пристраститься к «болению» и меня. В то время в Грозном фанатское движение как таковое ещё не существовало, но на главном городском стадионе им. Орджоникидзе болели отчаянно. Особенно это относилось к восточной трибуне, где, как гласила молва, собирались шофёра. После забитого гола крик стоял такой, что я однажды, будучи у себя во дворе, услышал его (по-видимому, помог попутный ветер). А ведь стадион им. Орджоникидзе находился очень далеко от улицы Коммунистической, в Заводском районе, и туда нужно было добираться на трамвае. Посетившего однажды местный футбол-

ный матч моего дядю Сашу, приехавшего в гости с сыном, моим двоюродным братом, тоже Сашей, шокировало поведение болельщиков. Его поразил не столько «непечатный» лексикон (который, наверное, есть и в Африке), сколько то, что наши горячие грозненские «фаны» не стеснялись придавать ругательный смысл *национальности* непонравившегося игрока или судьи!

1960–1970-е годы — это время, когда «голубой экран»³¹ завоевывал уверенное лидерство в культурной жизни. И всё же, говоря о восприятии в семье тогдашних СМИ, нельзя вначале не сказать о радио. Я ещё помню черный диск старой «тарелки», висевшей, дай Бог памяти, в комнате старика Алекбера, простенький родительский приемник, сменившийся настоящим большим приемником-проигрывателем, с подсвеченной загадочным зеленым светом шкалой, на которой были написаны названия далеких городов, в том числе и зарубежных. Это было окно в неведомый мир, откуда доносились вести и музыка — эстрадная (на шкале так и было написано «джаз»), арии из оперетт и опер. Иногда просто так, а иногда в связи с приходом гостей доставались пластинки с песнями вроде знаменитой «Темно-вишневой шали», «Я встретил девушку...» или братско-славянской «Тиха вода в берег бье». Пожалуй, радио всегда было вестийно-музыкальным. Но нужно учесть то, что оно в те годы выдавало, прежде всего, много официоза и производственной тематики (что постановили, где и что построили, освоили, сколько «сдали в закрома родины» мяса, молока, яиц, шерсти и т. п.). Периодически передавали спортивные репортажи, к

³¹ Мы живем ныне в вывернутое наизнанку время. Употребив слово «голубой» невольно озираешься по сторонам, не вызвало ли это слово гаденькую усмешечку на чьем-то лице.

которым «припадали» мы с папой. С одним из них связано любопытное воспоминание. Перед стартом велогонки мира (это была гонка велосипедистов по дорогам социалистических стран) в Берлине, кажется в 1967 г., каждая команда выкрикивала какие-то приветствия, кличи, подогревая себя и своих почитателей. Не веря своим ушам, я услышал, как команда ГДР трижды прокричала до боли знакомое «Зиг хайль!». Сейчас я, разумеется, понимаю, что ничего запретного и ненормального в этом старинном немецком кличе, использовавшемся в Третьем Райхе, не было. Но в то время, когда тема войны с фашистской Германией являлась такой популярной, услышать подобное, да ещё от спортсменов, представлявших немецкий коммунистический режим, было поразительно.

Больше всего запомнилась музыка тех лет. Она имела свои особенности. Не бойкая и навязчивая, а лирическая, героическая или бравурная, она сопровождала все наше бытие настолько тесно, что вошла в мое подсознание ещё в раннем детстве и осталась там навсегда. Родители говорили, что ещё малышом, стоя в кроватке, я напевал куплеты из классики — «Любовь свободно век кочует, законов всех она сильней...» (из «Кармен») — или патристическое «Родина слышит, Родина знает...».

Местные грозненские дикторы тогда были как бы незаметны, и мы даже не знали их имен, которых никто, как сейчас, не распевал на все лады, просто — Стрельникова и Катаков. Только теперь я по-настоящему понимаю, в чем заключалась роль этих людей. Голос Катакова имел характерный тембр, немного металлический, размеренный, негромкий, спокойный. Было тепло, уютно, спокойно, слушая этого человека, который не сообщал ничего сногшибательного — подробностей катастроф, убийств, скандалов в мире «шоу-звезд», не рассказывал скабрёзных анекдотов. Но настроение, атмосфера, создаваемая дикторами, были со-

вершенно другими. Это было то, что сегодня можно смело назвать уверенностью в дне сегодняшнем и завтрашнем, чувством удивительной защищённости и веры в свою страну.

Постепенно в музыкальной тематике всё больше проявлялась национальная струя. В эфире, а в 1970–1980-х годах ещё и в студиях звукозаписи зазвучали чечено-ингушские песни и мелодии. Они стали неотъемлемой частью музыкального фона, а со временем, в местах отдыха, скажем, у новогодней елки на центральной площади г. Грозного стали абсолютно преобладать... Я до сих пор помню несколько национальных мелодий, в том числе и таких, которые появились в советское время, особенно после возвращения чеченцев и ингушей из сталинской ссылки. Известный многим вайнахам и представителям русского, а также «русскоязычного» населения был «Чечено-Ингушский вальс», имевший слова, начинавшиеся так, — «Край мой родной расцветает...» (Зéзар дувáсала лéпаш — чеч.)³². Для национальной музыки характерно использование гармоника, барабана и струнных инструментов. Из местных исполнителей песен были известны, например, Марьям Айдамирова и Умар Димаев. Делая попутно маленькое отступление от музыкально-песенной тематики, хочу заметить, что поистине знаменитым представителем

³² С этой песней связана одна забавная и в то же время очень показательная история. Одна моя сослуживица по Чечено-Ингушскому государственному университету как-то отдыхала с подругами, такими же русскими жительницами Грозного, в Прибалтике то ли в конце 1970-х, то ли в начале 1980-х годов. Почувствовав в каком-то кафе негативное отношение к русским и русской речи, мои землячки принялись как бы переговариваться между собой, используя слова этой песни (при этом безбожно коверкая их). Это произвело приятное впечатление на местных завсегдатаев, поскольку было, по-видимому, более благозвучно для их слуха.

чеченской советской культуры был всемирно известный Махмуд Эсамбаев — замечательный танцовщик, достигший высокого совершенства, чьи номера, ставшие классическими, — от «Автомата» и «Танца Золотого бога» до танца пастуха — часто показывали по ТВ в 1960-е годы. Большой популярностью пользовались чечено-ингушские танцы, особенно лезгинка. Она исполнялась местными артистами из ансамбля «Вайнах» как-то особенно залихватски, зажигательно, так что мало кто на Кавказе мог с ними сравниться³³.

В Грозный постоянно приезжали и известные советские эстрадные певцы — Леонид Утёсов, позднее, в 1960-е — Иосиф Кобзон, Эдита Пьеха, Кальмар Тенносаар, в 1970-е — Алла Пугачева, София Ротару и её сестры, Валентина Толкунова, в 1980-е — Михаил Боярский, Юрий Антонов, «Машина времени» и др. Бывало, заносило и каких-нибудь зарубежных «Лос Парагвайос» (Двух парагвайцев — исп.).

И с всесоюзно известными, и местными исполнителями случались иногда забавные казусы. Один из нынешних классиков отечественной эстрады в начале 1960-х годов, проживая в гостинице и хорошо здесь проводя время после концертов, оклеил стены своего номера наклейками от бутылок с теми горячительными напитками, которые были употреблены в ознаменование нынешних и будущих успехов певца. И эти дерзания на поприще гостиничного дизайна не остались незамеченными местной общественностью. В той

³³ Побывав в 2006 г. в Абхазии на научной конференции, посвященной памяти покойного вице-преьера этой республики, замечательного ученого, моего старшего друга Ю. Н. Воронова, я увидел на торжественном концерте танцы, темпераментные па которых, пожалуй, ничем не уступали стремительным движениям вайнахской лезгинки.

же самой газете, «Грозненском рабочем», которая повествовала о «подвигах» приезжей знаменитости, было опубликовано письмо сельского интеллигента, который возмущенно описывал изыски репертуара городской артистки, которая под наигрыши чеченской гармошки в концерте, состоявшемся в селении Старые Атаги, напевала следующие презабавные куплеты. *«Бежит Ахмед, несет обед, вай, вай. / Упал Ахмед, пропал обед, вай, вай. / Не плачь, Ахмед, куплю обед, вай, вай».* Или совершенно бесподобное: *«Визжит мухá в моём ухá, вай, вай. / Визжит мухá, скрипит ухá, вай, вай».*

В 1950–1960-е годы «фанаткой» концертов приезжих певцов была моя сестра Ира, ходившая на них с подругами или кавалерами. «Фишкой», говоря по-современному, было подойти с подружками и познакомиться с певцом, например, с тем же Кальмаром Тенносааром, известным в то время эстонским певцом. В 1970–1980-е годы концерты чаще всего шли на стадионе ручных игр, а ранее проходили в саду им. 1 мая. Концерты на стадионе были примечательны тем, что их можно было слушать, чуть ли не выходя из своего двора. Впрочем, у нас с папой в начале 1980-х годов был свой способ совмещать приятное с полезным. Занимаясь ходьбой на кромке беговой дорожки стадиона «Динамо», который территориально включал в себя и стадион ручных игр, мы три сентября подряд (1982–1984) слушали песни Юрия Антонова. Разумеется, такое своеобразное «посещение» концертов может кому-то показаться странным, но нам с отцом это нравилось. Вскоре папы не стало, и эти «музыкальные» прогулки остались лучшим воспоминанием о посещении стадиона, которому в недалеком будущем предстояло стать центром совсем других событий...

В начале 1960-х годов наша семья впервые обзавелась телеприемником, и музыка всё чаще до-

носились с телевизионного экрана. Мы обожали праздничные «Голубые огоньки», в семье всегда были любимы как арии из оперетт (кальмановских³⁴ «Марицы», «Сильвы» («Королевы чардаша»), «Принцессы цирка» («Мистера Икса») и др.), так и их исполнители, скажем, Татьяна Шмыга, Георг Отс, Герард Васильев.

И хотя местные телевизионные передачи, особенно в 1960-е годы, ещё до начала ретрансляций из Центра, были очень скромными, в сравнении с нынешними временами, тем не менее они привлекали к себе большое внимание, а музыкальные позывные Республиканской студии телевидения я помню и сейчас. Телепередачи часто вели известные в 1960–1970-е годы дикторы Аднан Хатуев и Лидия Яндиева. Они говорили на прекрасном русском языке. Приезжавшие в республику на научные симпозиумы ученые-филологи из других республик, областей и краев СССР отмечали, что в Чечено-Ингушетии многие вайнахи очень хорошо говорят по-русски. И это действительно было так, особенно в отношении горожан. Представители чечено-ингушской интеллигенции, проживавшие в г. Грозном в атмосфере русского языка, и женатые порой на русских, немках, татарках и др., владели русским как родным, говорили без акцента и были истинно русскоязычными.

По телевидению шли фильмы, фактически ставшие нашими первыми отечественными сериалами и пользовавшиеся большой популярностью, например, фильм «Операция “Трест”» (она завершилась, как известно, тем, что знаменитый террорист эсер Б. В. Савинков был заманен в Советский Союз и арестован органами ОГПУ). А на ноябрьские праздники 1967 г. прошёл фильм «Майор Вихрь» об операции по спасению г. Кракова в годы Великой Отечественной войны с душевной, пронзительной музыкой, за-

печатлевшейся в сознании на долгие годы³⁵. Часто демонстрировались телевизионные многосерийные фильмы производства социалистических стран — ГДР, Венгрии, Польши, Чехословакии и др., тематика которых далеко не всегда была политизированной, как может сейчас кому-то показаться, и часто имела развлекательный характер (например, детективы или боевики на исторические темы). Запомнился фильм «Четыре танкиста и собака», где события Второй мировой войны преподносились в веселом комедийном духе (в нынешней демократической Польше его подвергли запрету). В одном из фильмов телевидения ГДР о судьбе немецкого ученого-химика, оказавшегося в плену в Советском Союзе, был забавный эпизод со специфическим шуточным научно-университетским ругательством 1930–1940-х гг. — «Ангидрид твою перекись марганца!» — услышанным мною прежде от родителей, выпускников Пермского ГУ.

Огромным интересом пользовалась передача, признанная впоследствии нашим первым отечественным телесериалом (если иметь в виду под этим многолетнее теледействие сугубо развлекательного характера), «Кабачок 13 стульев». Она шла на центральном телевидении с середины

³⁴ Кальман Имре (1882–1953) — венгерский композитор.

³⁵ Через много лет судьба свела меня в Армавирском государственном педагогическом институте с одним из участников этой операции, покойным ныне профессором Василием Трофимовичем Сиротенко, который во время тех событий способствовал спасению от фашистской неволи, а затем ссылки в ГУЛАГ молодого семинариста Кароля Войтылы, а впоследствии папы Римского, Иоанна Павла II. На той же каменоломне, на которой находился будущий папа, нес тяжкую долю пленника и упоминавшийся мной выше советский писатель и драматург Л. Жуховицкий (личная информация В. Т. Сиротенко).

1960-х по август 1980 г. Мы в семье с нетерпением ждали того вечера, когда с экрана зазвучат легкие, эlegantные шутки, вновь войдет в дом своеобразная атмосфера этой, говоря по нынешнему, телевизионной «тусовки», стилизованной под заграничную жизнь.

Миллионы людей смотрели «Кабачок» с удовольствием. Это было окно в другой мир, ведь героями передачи были персонажи юмористических журналов социалистических стран. А в этих странах все было не совсем так, как у нас. Там, например, были паны и пани (т. е. господа и госпожи), бóльшая раскованность, иная мода, даже партий, иногда было больше одной, и т. п. И юмор был тоже своеобразным: более свободным, порой весьма язвительным и в то же время внешне как будто нейтральным. Наши телезрители его очень ценили. Им запомнились такие герои передачи, как пани Моника (О. Арошева) и пан Профессор (Б. Рунге), Тереза (З. Зелинская) и Владек (Р. Ткачук), пан Поэт (сначала Г. Вицин, потом В. Шалевич), пан Гималайский (Р. Рудин), ряд тогдашних «теледив» — Зося, Каролинка, Катарина и пр. (Н. Селезнева, В. Шарыкина и др.), пан Спортсмен (Ю. Волынцев), счетовод Вотруба (В. Байков), пан Зюзя (З. Высоковский), конечно же, пан Директор (С. Мишулин), Ведущий (М. Державин) и другие. Кабачок, несмотря на серьезных противников в театральной среде (одним из них был директор Театра сатиры В. Плучек) и на самом «верху», «протянул» на телевидении очень долго даже по меркам нашего нынешнего «демократического» времени. И это не случайно. При любой возможности передачи «Кабачка» с большим интересом смотрел Л. И. Брежнев.

От души любили «Кабачок 13 стульев» и в нашей семье. Я собирал самые интересные шутки в 1969–1971 гг. И вот что получилось.

- Седьмой год собирается с мыслями, но собрание до сих пор не состоялось.
- К нему пришла мысль, но не застав никого дома, ушла.
- Мысли в его голове рождаются столь редко, что можно отмечать их дни рождения.
- Вмешивается только в свои дела.
- Дайте ему точку, и он поставит её над і.
- Договор о ненападении супруги подписали в загсе.
Диалог: — Вы слышали вчера страшную бурю? — Нет, я в это время разговаривал с женой.
- Пишет с грехом пополам, потому что не имеет других соавторов.
- В его обществе дичают домашние животные.
- Гонится за модой, не может подождать, пока мода придет сама.
- Мастер спорта по бегу от препятствий.
- Очень рассеянный человек, но не настолько, чтобы не заметить своё увольнение.
- Она унаследовала красоту от родителей, которые работают в косметическом магазине.
- Никогда не скрывает от жены того, что она всё равно узнает.
- Активно выступает за справедливость, но в наилегчайшем весе.
- Всегда идет своей дорогой по обочине.
- Новый учебник твиста — «Оливер Твист».
Диалог: — Ты отремонтировал холодильник, бритву, телевизор и т. д. и все за один раз? — Да, я сменил пробку в коридоре.
Диалог: — Почему вы читаете на работе детективы? — Потому, что у нас на работе

невозможно заниматься более серьезными вещами.

Диалог: — Она: У меня стало плохо со зрением. Он: Ешь морковку. Она: Правильно! Я никогда не видела кролика в очках.

- Если нет своего таланта, не зарывай в землю чужого.
- Если у тебя появилось желание поработать, ляг, может оно пройдет.
- Он должен был стать великим человеком, но в родильном доме его подменили.
- Кандидат неестественных наук: работает над диссертацией «Как родились люди в сорочках в домануфактурный период».
- Он мечтает?! При его то зарплате...
- *(О пожарном)*. Когда речь заходит о повышенном, он говорит о своем дежурстве на каланче.
- Вот муравьи всю жизнь ползают — и ничего. А обезьяна всю жизнь прыгает по деревьям, а от неё произошел человек.
- Специалист очень узкого профиля, но, тем не менее, не лезет ни в какие ворота.
- Когда она меняет воду в аквариуме, то мы три дня едим рыбный суп.

Диалог: — Ты знаешь, я пригласил одну свою знакомую в ресторан, затем отвез её домой. Я ведь должен был после всего этого её поцеловать?! — Нет. Ты и так слишком много для неё сделал.

- Как ни завален работой, всегда найдет способ её развалить.
- Считает, что неплохо разбирается в музыке, потому что ровным счетом ничего не понимает в живописи.
- Очень осторожный человек. Даже входя в собственную комнату, соблюдает правила уличного движения.
- Всегда готов оправдать ваше недоверие.

— Настолько воспитан, что стучит в шкаф, прежде чем открыть его.

- В знак уважения снимает шляпу, когда говорит о себе.
- Супруги Н. живут по законам единства и борьбы противоположностей. Считают, что всё действительно разумно. Но Гегель явно не имел в виду их брак.
- Её желание быть молодой и красивой иногда принимает угрожающие размеры.
- Она так крепко взяла инициативу, что чуть не задушила её.
- Экономит время — влюбляется с первого взгляда.

Диалог: Какое есть средство от любви с первого взгляда? Взглянуть во второй.

— Трех вещей нельзя простить женщине. К счастью, никто не знает, каких.

Диалог: — Я ухаживаю за Вашей дочерью 5 лет! — Так чего же вы хотите? Пенсию?

- И звезды гаснут, если их не перевозносить до небес.
- *(Об официанте)*. Всю разбитую посуду списывает в графу «На счастье».
- Ох, и светлая голова у вас, хоть абажур одевай!
- В её духовной пище не хватает витаминов.
- К её сердцу подходят ключи от любого автомобиля.
- Мечтает иметь запасное «колесо Фортуны».
- Работает тренером по классической борьбе добра и зла.
- Все его попытки жениться оканчивались травмой: душевной и физической.

Диалог: — Вы слышали о летающих тарелках? — Я их видел. ??? На третий день после свадьбы.

- Брак — это неплохая вещь. Главное при-
выкнуть за первые 30 лет, а потом всё
пойдет.
- Брак — это любовь в рассрочку, за кото-
рую надо платить всю жизнь.
- Брак — это единственная работа, где жен-
щина трудится по 18 часов в сутки.
- Любовь слепа, но брак возвращает зре-
ние.
Диалог: — Женитьба — это лотерея. — Вы
не правы — в лотерею можно иногда вы-
играть.
Диалог: — В музее я видел картину «По-
следний день Помпеи». — О! От чего же
она умерла? — От извержения.
- В часах-кукушках, которые вы ремонти-
ровали, кукушки стали выскакивать и
спрашивать, который час.
- (О даме.) Убеждена, что поток серебря-
ных слов лучше золотого молчания.
- Молодой, давно начинающий писатель.
- Водитель едва не задавил пешехода.
Диалог: — Неужели вы не могли меня
объехать? — У меня бы не хватило бензи-
на...
- Счетовод знает о деньгах больше, чем те,
у кого они есть.
- У него свой взгляд на вещи, чьими бы они
ни были.
- Вчера оказался на грани между умствен-
ным и физическим трудом. Его удалось
спасти.
- Три вида пищи, без которых не может
обойтись человек: завтрак, обед и ужин.
Диалог: — Вы не пойдете со мной на «Се-
вильского цирюльника»? — Нет, я всегда
хожу к своему парикмахеру.
- Самое тяжелое, что взвалено на его пле-
чи, это его голова.

- Голова, неуязвимая для мыслей.
- Так часто теряет голову, что научилась
обходиться без неё.
- Капчинский, сталкиваясь с жизнью, всё
время хватается за голову.
- На городских соревнованиях по рыбной
ловле занял первое место по сматыванию
удочек.
- Никогда не знает, чего хочет, но всегда
добывается этого.
Диалог: — Однажды я поймал рыбину,
которую потом тащили два тягача. — Это
что! Однажды я поймал рыбину, одна фо-
тография которой весила 4 килограмма!
Диалог: — Ведь он Ваш друг? — Нет, я у
него уже не работаю.
- Не любит делиться своими соображени-
ями, боится, что самому ничего не оста-
нется.
- Как родился в сорочке, так её и не сни-
мал.
- Потерял вкус к жизни, кроме воскресных
и праздничных дней.
- Её можно обвинить во многом, но только
не в том, что она не права.
- Никогда не отдает деньги, говорит, что
воспитывает в себе чувство долга.
- Они — супруги однолюбы: он всю жизнь
любит её, а она — себя.
- Очень хорошо зарекомендовал себя как
с положительной, так и с отрицательной
стороны.
- Любит говорить прямо и это выходит ему
боком.
- Ей до того не везет, что с ней часто слу-
чаются неприятности, предназначенные
для других.
- Когда ей не дают слова, она берёт чужое и
говорит.

- Всегда изо всех сил старается высказаться последним.
- Её мечта — пить кофе со сливками общества.
- Профессор очень добрый человек. Выходит из аудитории на цыпочках, чтобы не разбудить студентов.
- С тех пор, как получил повышение по службе, стал носить мысли в портфеле.
- Никогда не откладывает на завтра то, что за неё могут сделать сегодня.
Диалог: — Когда я начинал карьеру, я не имел ничего, кроме ума. — Да, Вы действительно начинали с нуля.
- До всего доходит своим умом. Правда далеко ходить ему не приходится.
- У человека и собаки есть большое сходство в том, что и человек и собака любят, когда их гладят.
- Дети — это цветы жизни. Только не надо давать им распускаться.
- Ребенок отказался идти в школу: не умею ни читать, ни писать, а учительница ещё не разрешает разговаривать. Так что же мне там делать?
- Я решила расстаться с Янеком, он не постоянный человек: один день мне кажется, что я его люблю, а другой — что не люблю.
- Любовь — это делать для человека больше, чем он этого заслуживает.
- Я ни на чём не настаиваю, я только хочу, чтобы всё было по-моему.
- Обычно женщины считают, что выглядят молодо, если выглядят моложе своей дочери лет на десять.
- Где бы на свете не творилось доброе дело, он всегда сможет доказать свое алиби.
Диалог: — Ты знаешь, в моду входит ста-

ринная мебель. Я хочу купить большой буфет. — Знаешь, дорогая, ты лучше подожди с покупкой до тех пор, пока в моду войдут старинные квартиры.

- Это человек, который понял, что выпрыгнуть с четвертого этажа — это плохая примета.
- Пан поэт, найдя себя, потерял читателей.
- *(О поэте).* Недавно загнал Пегаса и теперь копит деньги на автомобиль.
- Он пытается вернуть детство, впад в него.
- Ей сказали, что она женщина бальзаковского возраста. Теперь она выясняет, сколько же лет Бальзаку.
- Будьте счастливы по своему усмотрению.
- Даже гвоздь сезона бывает ржавым.
- Высказывает минимум содержания при помощи максимума слов.
- Она слышала, что скромность ценится, но не знает кем и как.
- Его девиз: «Работать для будущих поколений», так как современное поколение не в состоянии исправить всех его ошибок.
- Стоит сразу на нескольких точках зрения, считая, что так обеспечивается наилучшая устойчивость.
- После того, как поймал себя на лжи, не доверяет всем.
- Знает себе цену. И она его очень огорчает.
- Выходя из себя, оставляет дверь открытой, чтобы вернуться.
- Нет такой избитой шутки, которую нельзя было бы ещё раз избить.
- Не в деньгах счастье, но и не в отсутствии их тоже.

— Пан Гималайский пану Директору: «Дайте мне справку, что я не верблюд!»³⁶.

И в завершение ещё одна история, которая, вроде бы, не имеет однозначного отношения к «Кабачку», но оказалась в одной тетради с записями шуток его героев.

— Однажды к Томасу Манну обратился начинающий литератор и сказал:

— Я написал несколько фельетонов, но никто их не печатает. Я написал злободневный роман, но ни одно издательство не берёт его. Наконец, я написал пятиактную пьесу, но ни один из театров не поставил её. Вокруг меня заговор молчания! Что мне делать?!!

— Нет ничего проще, дорогой коллега, — ответил Манн. — Примите участие в этом заговоре.

В 1970-е годы многосерийных фильмов стало значительно больше. Их невозможно (да и не нужно) перечислять все, но хочется вспомнить самые знаковые. Это произведения различного жанра — детективы «Следствие ведут ЗнаТоКи»³⁷, «Приключения Шерлока Холмса и доктора Ватсона», бытописательский «День за днём», жизненные драмы, отражающие этапы истории страны («Тени исчезают в полдень», «Долгая дорога в дюнах», телеэкранизация «Хождение по мукам» А. Толстого) или национальную историю и колорит («Берега», по роману Ч. Амирэджиби «Дата Туташхия»), веселый мюзикл «Три мушкетера», знаменитая лирическая комедия «С легким паром!», ставшая для не одного поколения не просто веселой новогодней историей, но и поводом для размышлений о смысле жизни, прозвучавших в песнях к фильму («*Думайте сами, решайте сами — иметь или*

не иметь...»), и многое другое. И снова семья собиралась у телеэкрана, ожидая встречи с любимыми героями, споря, например, о том, подходит или не подходит тот или иной актер на роль известного литературного героя, соответствует ли фильм любимейшей книге или нет. С особым удовольствием ожидала очередной серии мама, которой чисто по-женски были интересны характеры персонажей того или иного фильма.

В основе киноматериала лежали те ценности, которые господствовали в то время в обществе: патриотизм, любовь к родине, честность, скромность, коллективизм, чувство товарищества. О них теперь принято говорить, в основном, отрицательно. Оставим эту критику на совести таких людей. Могут сказать одно — фильмы советских лет не звали к насилию, хамству, потребительщине. Поразительная у нас страна! В эпоху ГУЛАГа и тоталитаризма кино рассказывало о жизни «Веселых ребят», о «Весне на заречной улице», героях целины и комсомольских строек, а ныне, в период демократии, кумирами нации стали криминальные «братки». С экранов ТВ и кино каждый день по многим каналам (прежде их было 1–2) слышатся стереотипные ключевые слова «зона», «пахан», «менты», «прокурор», «разборка», «киллер» и тому подобные, гремят выстрелы и льются потоки крови, раздаются вопли жертв. Героями телеэкрана стали отечественные гангстеры из «Бригады», батька Махно и Сонька Золотая ручка. Каждый россиянин теперь может в деталях сидя у телевизора уяснить, как надо вести себя при аресте, этапировании или

³⁶ Одна из самых гениальных реприз «Кабачка». Под её знаком прошла жизнь не одного советского (а сейчас и российского) человека.

³⁷ Аббревиатура, образованная начальными буквами главных героев сериала: Знаменский, Томин, Кибрит.

в заключении. Словно всех нас методично приучают жить по воровским понятиям, которые становятся «основным законом» нашего общества, готовят к будущему знакомству с «местами, не столь отделенными». Кому и зачем это нужно? Ответ на этот вопрос дает известный российский поэт Андрей Дементьев: *«Вчерашние клерки пробилась во власть. / Дремучие неучи стали элитой. / Теперь не властители дум знамениты, / А те, кто Россию сумел обокрасть»*. Воистину — бездна взывает к бездне³⁸.

А в пору юности было иначе. Особое чувство оставили удивительно светлые грузинские фильмы. Они были очень добрыми, сердечными и немного смешными, как и сами их названия («Я, бабушка, Илико и Иларион»), или имена некоторых героев (скажем, какого-нибудь Кучкучи Гапарулия), но одновременно мудрыми и глубоко философскими, жизнь их персонажей была, вроде бы, проста, как хлеб, но нередко полна истинного вдохновения, как глоток настоящего кахетинского, как грузинская многоголосая песня. Прошли годы, а чувство, оставшееся после этих фильмов, сравнимо с родником свежей воды в горах. Примечательно, что это было грузинское советское кино, хотя, казалось бы, «советского» внешне там было очень немного, если было вообще. Ныне, когда нет ни Советского Союза, ни советской власти в Грузии, не стало в этой стране ни такого кинематографа, ни фильмов такого уровня, хотя и пришла долгожданная свобода... Бейтесь над этой «загадкой» истории, социологи, философы, кинокритики!

А я ещё немного скажу о лучшей поре своей и нашей семейной жизни — 1960-х годах. О них написано и сказано очень много, и я вряд ли открою какие-то «Америки». И всё же, всё же... В настроениях в обществе, у молодежи было особенно много настоящего оптимизма и романтики, что луч-

ше всего проявилось в песнях. В них звучала задушевная лирика, замешанная на звоне гитарных струн³⁹ и дыме таёжных костров, они были наполнены элегией «арбатского романса» задумчивого, немного грустного, проникновенного Булата Окуджавы, знакомой хрипотцой то серьезного, порывистого, страстного, то насмешливо-ёрнического Владимира Высоцкого. В лёгкие врывается ветер дальних дорог, а воображению рисовались удивительно заманчивые горизонты будущего. И грусть, хандра, едва ли не сродни дассеновской, была во всё тех же песнях 60-х не пессимистичной и безнадёжной, как ныне (*«Мы, как птицы, садимся на разные ветки и засыпаем в метро»*), а щемяще задушевной, мудрой и светлой: *«Осенний свет пробил листву, над нами листья летят в синеву. Осенний свет, к чему слова, осенним светом полна голова»*.

³⁸ См.: Есть ли у нас будущее? // Литературная газета. — 11–17 июня 2008 г. — № 24 (6176).

³⁹ В обычной гитаре больше души, интимности, теплоты, звуки её струн могут быть полны нежной грусти. А звуки электрогитары — это истошный вопль исковерканного постмодерном человеческого естества.

Глава 3.

ОТЕЦ И СТАРШИЕ ДУДАРЕВЫ

*Еще война. Но мы упрямо верим,
Что будет день –
мы выпьем боль до дна.
Широкий мир нам вновь раскроет
двери.
С рассветом новым встанет тишина.
В воспоминаньях мы тужить
не будем,
Зачем туманить грустью
ясность дней,
Свой добрый век мы прожили как люди.
И для людей.*

И. Бельмас (Дударева).

Моего отца — Леонида Ивановича Дударева нет на свете уже более 20 лет. Но его образ постоянно со мной. Портрет отца стоит в моём кабинете, напоминая мне о дорогом человеке, которому я не просто обязан своим появлением на свет, но и всем тем, чего достиг в жизни.

Отец родился 23 марта 1911 г. (по новому стилю) в селе (ныне город) Куртамыш Курганской области. Его жизнь началась благополучно и счастливо. Мой дед, Иван Варфоломеевич Дударев, служил приказчиком в магазине. У семьи был большой сад. Бойкость и живость характера папы уже в ранние годы проявилась в том, что когда проходившие мимо сада девушки просили мальчишку дать им фруктов, то он не отказывал, но просил за услуги поцелуй. Ай да отец! Да только вот эта привольная жизнь продолжалась недолго. Родители папы (мои дедушка и

бабушка) один за другим умерли в начале 1920-х годов. Дед Иван Варфоломеевич скончался от брюшного тифа. Вскоре, в возрасте 28 лет, от скоротечной чахотки умерла и бабушка, Анастасия Николаевна. Старшему Александру было 12, младшей Зое — 5. Родственники быстро растащили всю утварь и прочее добро, дом продали (как тут не вспомнить родственную сплоченность кавказцев!). Дети, как вспоминает моя тётя — Зоя Ивановна Колоденко, были розданы по чужим людям. Леня попал к крёстному отцу — лесничему, который, забрав у мальчика последнее, что ему досталось по наследству, выгнал его на улицу. Не лучше пришлось и брату Александру, который сам ушел от своего хозяина, заставлявшего его работать и не дававшего учиться. В конце концов, всех детей приютила двоюродная тётя — сестра бабушки, у которой уже жила Зоя. Так порою бывает в жизни: кто всех бедней, тот и добрей. Тётя, взявшая детей на попечение, работала прачкой в больнице. Она сняла им комнатку и помогала, как могла. Леонид и Александр, оказавшись в «людях» работали учениками, подмастерьями. Леня работал у портного и башмачника за еду и одежду. Саша был дворником. Став взрослыми, они не забыли проявленной к ним доброты. Когда папа уже встречался с мамой, они ходили в магазин за подарками его благотельнице — материей на платье и галошами.

Закончив 9-летку, отец начал работать. И уже в самом начале жизненного пути определилось его будущее поприще. В 19 лет Леонид Дударев стал учительствовать в начальных классах в средней школе № 55 на железнодорожной станции Маку-

С. Л. Дударев

Это было
недавно,
это было
давно...

шино, проработав там до 1932 г. Она, как сообщила тётя Зоя, существует и сейчас. Работа, впрочем, едва позволяла (а то и не позволяла вовсе) сводить концы с концами — время было тяжелое и голодное.

В 1933 г. отец поступил на физико-математический факультет Пермского университета, впоследствии носившего имя А. М. Горького. Студенческая жизнь

Здание Пермского государственного университета. Вторая половина 1930-х гг. Снимок сделан в момент выборов в органы власти. На фронтоне здания — портреты В. И. Ленина и И. В. Сталина. Ниже расположены предвыборные лозунги и портреты В. М. Молотова (слева) и М. И. Калинина (справа), а также указан номер избирательного участка — 53.

его состояла не из одних лишь занятий университетскими науками. По ночам Леонид с товарищами шел на р. Каму и разгружал там баржи, зарабатывая, таким образом, на жизнь (одной стипендии явно не хватало). В студенческие годы отец основательно занялся спортом, легкой атлетикой, и эта спортивная

закваска, привычка к лишениям и труду очень помогла ему в дальнейшей жизни, а во время войны просто спасла жизнь. Леонид был чемпионом университета в стипльчезе¹, занимался боксом, играл в шахматы.

Образ отца в молодости был бы слишком плоским, недостоверным, если бы я представил его только бесконечно занятым трудом, спортом и учебой. Отец был живым человеком, а проще говоря, парнем, любившим компанию, хорошо певшим и танцевавшим, (недаром он был зав. клубом, где разучивали западные танцы), пользовавшимся популярностью у девушек и отвечавшим им взаимностью (те детские поцелуи выдавали человека пылкого и любвеобильного). Не от этих ли молодых лет осталась задорная частушка (отец вообще любил иногда напевать их, причем частушки бывали и весьма фривольного содержания!): «*Девочки-девчоночки, пустите на вечёрочки² / Мы немножко посидим, папироску искурим!*». Годы студенчества были знаковыми не только в становлении отца как человека и будущего специалиста. Во время учебы в том самом клубе он и познакомился с мамой — студенткой биологического факультета Зинаидой Сергеевной Фёдоровой, и это оказалась, что называется, встреча на всю жизнь. Маме достался неуклюжий партнер, который попросту отдал ей ноги, и она как-то отделалась от него. С грустью Зина стояла в сторонке и смотрела

¹ Бег на средние дистанции.

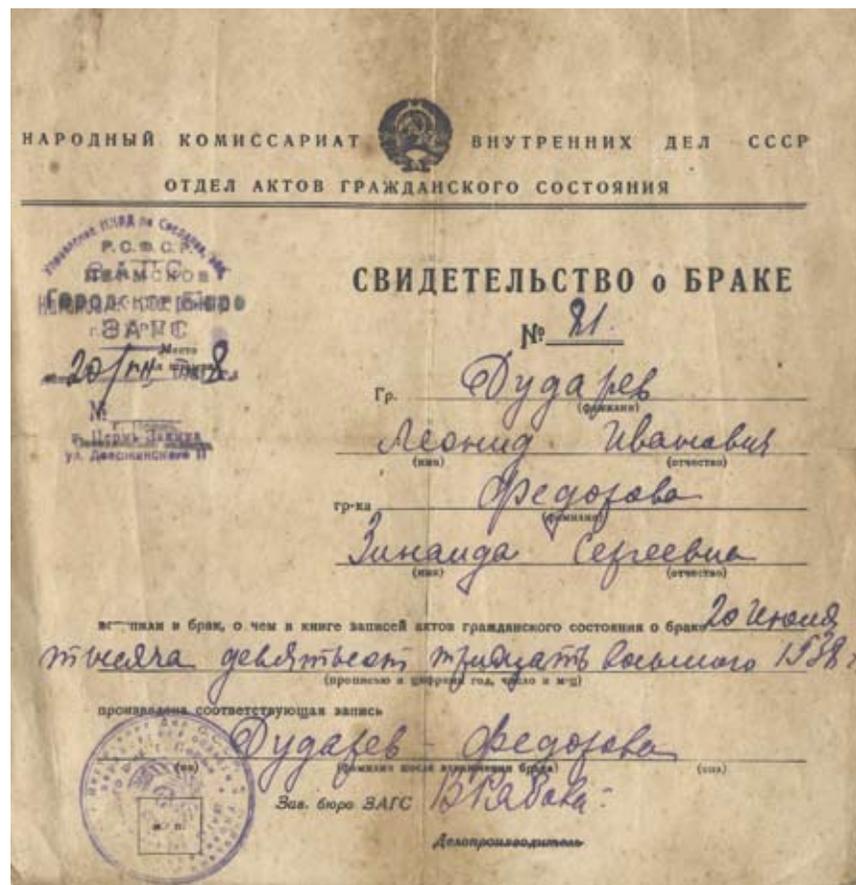
² Думаю, что «вечёрочки» — это ласковое производное от «вечёрки», которые были распространены, как указывают некоторые авторы, среди обывателей уральских городов в конце XIX — начале XX вв. На вечерки собирались на какой-нибудь квартирке парни и девушки, вели разговоры, танцевали «барыню» и кадрили. Барышень угощали орехами, семечками, чаем с конфетами (Плещёва, Г. Пока не зазвучит пастуший рожок // Родина. — 2006. — № 12. — С. 125). Как видно, традиция вечёрок существовала и позже, в 1920–1930-е годы.

С. Л. Дударев

Это было
недавно,
это было
давно...

на танцующие пары. И тут рядом с ней возник кудрявый заведующий клубом. Когда она подняла на него свои карие глаза, папа (как свидетельствует моя сестра) сказал про себя: «Эта девушка будет моя». Нельзя сказать, что у мамы не было кавалеров. Я ещё в детстве слышал о Борисе Карлове, который, по словам моей родительницы, был очень симпатичным, и некоторых других ухажерах. Но

Свидетельство о браке Л. И. Дударева и З. С. Фёдоровой от 20.07.1938 г.

чего они стоили в сравнении с Леонидом Дударевым, его обаянием, страстью и напором, надежностью и энергией! Отец был гол, как сокол, но одевался, как франт. Штука в том, что весь его «прикид» собирался с миру по нитке — пиджак от одного, брюки — от другого, галстук — от третьего товарища и так далее. Но папа держался так, как будто он принц Уэльский. Чего он только не делал, чтобы завоевать маму. Дарил подарки, какие мог себе позволить, приглашал в гости в свою компанию на рыбу или картошку, когда было чем угостить. Нынешние студенты, особенно те, которые живут дома или снимают квартиру в чужом городе, скажут: «Тоже мне, «крутой»! Да будет вам известно, милые скептики, что моей маме родители присылали тогда 10 рублей в месяц и иногда посылки, и проходила она все годы своей учебы в перешитом пальто своей матери, моей бабушки Шуры. Жизнь советского студенчества 1930-х была далека от сытости, изысков и «фишек» в их нынешнем понимании.

Родители поженились, согласно сохранившемуся свидетельству о браке, на котором стоит штамп управления НКВД по Свердловской области, 20 июля 1938 г. в городе Перми.

После окончания университета в 1938 г. и получения квалификации научного сотрудника, преподавателя вуза и средней школы Л. И. Дударев работал в г. Перми (с 1940 по 1957 г. — Молотов³) в средней школе № 37 по своей специальности в качестве учителя физики (с августа 1938 г. по август 1940 г.). В конце августа 1940 г. папа был призван в армию. За год до этого он становится отцом — 9 октября 1939 г. у них с мамой появился первенец — моя сестра Ирина.

³ В. М. Молотов (Скрябин) (1890–1986) — видный деятель Коммунистической партии и Советского государства.

Глава 3.

Отец
и старшие
Дударевы

С. Л. Дударев

Это было
недавно,
это было
давно...

Сохранилась фотография, на которой папа снят в начале своей службы в армии. Взгляд его удивительно печален. Он словно предчувствовал, какие испытания ожидали его впереди...

После призыва в армию Л.И. Дударев оказывается на Финской войне, после которой попадает на фронт Великой Отечественной... В начале войны он служил в Прибалтике, под городком Верба-

Справка о работе Л. И. Дударева в СШ № 37 г. Молотова (Перми).

лис, в строительной части, в которой из 900 человек личного состава едва ли третья часть имела оружие. Плохо вооруженные люди быстро оказались в плену (отец однажды прокомментировал этот эпизод так: «окружили и погнали как баранов»), и начались безумно долгие четыре года, для которых трудно подобрать другое определение, кроме слова «ад»: голод, холод, побои, издевательства, тяжелая работа, постоянная угроза смерти. Отец крайне мало рассказывал мне об этом — слишком тяжёлыми были воспоминания. Не будем забывать и о том, что многие годы в нашем обществе избегали разговоров на тему плена — на побывавших в нём лежало чёрное подозрение в предательстве. Лишь мама, долгими ночами после возвращения отца слушавшая его исповедь, узнала о всех кругах ада, через которые прошёл её муж. От неё потом что-то узнала сестра, поделившаяся со мной теми страшными подробностями много позже, уже после ухода папы из жизни. Вот строки из её письма. «Так как он (то есть отец, — С.Д.) был закален с детства голодом и потом ел очень умеренно, поэтому он и выжил; немцы придумывали такое развлечение: бросали на землю мёрзлую картошку и свеклу, молодые, голодные, здоровые мужики не выдерживали и бросались на приманку. Их тут же отстреливали. Папа никогда не поддавался на это. Он очень уважал французов, они были верные товарищи по несчастью, и терпеть не мог поляков, которые делали всевозможные пакости русским⁴. У него в лагере

⁴ На этом эпизоде папиной жизни отразились трудные, порой тяжёлые исторические взаимоотношения Польши и России — непосредственных «пожизненных» соседей. Не углубляясь в эпоху Смутного времени и период разделов Польши, когда, наверное, и возникла поговорка «Jak świat światem, nie będzie Moskal Polakowi bratem» («Пока свет стоит, не будет москаль поляку братом»), напомним только о двух новейших (к 1941 г.) фактах — уничтожении 70 тыс. красноармейцев, попавших в польский плен после неудачного штурма Варшавы в 1920 г., и

Глава 3.

Отец
и старшие
Дударевы

был один эпизод. Когда пленные были не на работе, их постоянно проверяли, гудела сирена, всех выстраивали на плацу и осматривали с ног до головы. И если находили что-либо колющее, режущее, даже бритву, убивали. А у папы был небольшой складной перочинный нож, с коричневой пластмассовой рукояткой, я его до сих пор помню, не знаю, почему он с ним не расставался... Один раз нож оказался при папе в кармане брюк во время проверки. Папа уже было попрощался с жизнью, как вдруг заметил рядом мужика с котелком, в котором была какая-то лагерная бурда — что у кого было в руках, с тем и стояли. Папа быстро бросил свой ножик в этот котелок и остался жив. Он долго хранил этот ножик, но нож пропал, и папа очень переживал из-за этого... Их с утра выводили на работу под конвоем [тут необходимо прервать повествование сестры своими воспоминаниями. Отец как-то раз всё же рассказал при мне об одном из таких эпизодов: «Один молоденький лейтенант, татарин, лет 19-ти, выругался матом на конвоира и тот тут же пристрелил его. Как парень кричал перед смертью «мама!»]. Работы было две: в шахте и на поле у помещика. Все боялись попасть в шахту, так как оттуда никто не возвращался. Каждый раз, наверное, в порядке очередного издевательства немцы разбивали людей на пары и заставляли на палочках «канаться»; [это было] вроде детской игры, брались двумя пальцами за палочку один, затем другой, и кто брал верх, т. е. обхватывал верхний кончик, тот выигрывал, то

расстреле цвета польского офицерства в Катynie в 1939 г. по указу сталинского руководства. Дружба, чаще всего, характерна для удаленных друг от друга неродственных народов. В России, как известно, питали глубокие симпатии к французам (их не испортило даже наполеоновское нашествие), в Польше — к шотландцам. Впрочем, историческая память двух народов сохранила в себе не только плохое, но и хорошее. К тому же времена менялись, и имидж социалистической Польши и поля-

есть освобождался от шахты. Папе везло — он всегда выигрывал. На поле, хотя и трудно было работать, но не страшно, причем, чтобы не выдохнуться, люди негласно брали средний темп. Так находились гады, которые хотели выслужиться и брали такой темп, что многие не выдерживали».

Тем, что отец выжил в плену, он обязан своему сиротскому детству, выдержке, закалке, привычке терпеть лишения и спортивному характеру. Некоторым людям удавалось бежать из немецкого плена, но как убежишь из самой Германии, если ты не Девятаев⁵? Теперь, когда я смотрю кадры трофейной немецкой кинохроники с толпами наших военнопленных, то каждый раз напряженно всматриваюсь в их лица, не мелькнет ли где-либо родной облик. В чем причина этого? Наверное, в том, что пусть на этих кадрах отец несчастный, униженный, голодный, но... живой.

Освобождение пришло 9 мая 1945 г. (вот почему в семье многие годы этот день ощущался особо, папа и мама были какими-то торжественно грустными, задумчивыми), а освободителями стали союзники — американцы (или англичане? В семье назывались попеременно то те, то другие). При передаче наших солдат советским властям освободители сделали всем бывшим пленным подарки — отрез на костюм и часы. Родное командование встретило страдальцев куда менее ласково. Ещё год отец находился в лагере для перемещенных лиц. Последовали бесконечные проверки. Находились «сту-

ков в Советском Союзе после Второй мировой войны был уже иным. Несмотря на новые перипетии, возникшие в последние годы в польско-российских отношениях, хочется верить в лучшее будущее. Это нужно всем, в том числе и моим детям, в жилах которых течет и польская кровь — по их родной бабушке, Нине Николаевне Яблонской (по матери — Домогацкой).

⁵ Советский летчик, бежавший с товарищами из немецкого плена на угнанном самолете из Восточной Пруссии.

С. Л. Дударев

Это было
недавно,
это было
давно...

качи», которые писали доносы на товарищей по несчастью. Тех, кто попадал в эти «донесения», отправляли в ГУЛАГ. В записках замечательного советского ученого-археолога, которого мне посчастливилось знать лично, Алексея Ивановича Тереножкина (1907–1981), опубликованных к его 100-летию, есть такие строки: «То немцы нас казнили, / То свои нас не любили». И ещё. «А этот / И. В. Ста-

В конце августа 1940 г. папа был призван в Красную армию.

лин. — С.Д./ из лагерей немецких послал людей в Сибирь. Пленный — виноватый»⁶. Какое счастье, что отец не попал в «родные лагеря».

Наконец, папу освободили, он демобилизовался и с другом поехал в Грозный (о дальнейшей судьбе этого друга мне ничего неизвестно). Почему не к семье, которая находилась в Кустанае? По версии маминной сестры, тети Маруси, отцу не разрешили поехать в Казахстан. Не могу сказать, что версия эта меня убеждает. А почему тогда разрешили поехать в промышленный центр да ещё поступить сменным инженером на крупный завод «Красный молот» (он смог работать на производстве потому, что по одной из своих вузовских специальностей был инженером-металлофизиком)? Отец всегда переживал, что у него нет родственников в Грозном. Но, быть может, жизнь в Кустанае в «примаках» его не прельщала ещё сильнее. Трудностей намного больше, зато полная независимость. Впрочем, подозрения со стороны официальных властей и после демобилизации в отношении бывшего пленного не прекратились. На фотографии, сделанной на одной из послевоенных ноябрьских демонстраций, где отец стоит с какими-то знакомыми в праздничной толпе, бросается в глаза счастливое выражение лица у окружающих, и лишь взгляд папы грустен и сосредоточен. Впрочем, то, что настроение отца связано с событиями недавнего прошлого, — это лишь моё предположение. Лишь ближе к началу 1960-х он обрёл права участника войны — получил медаль «За победу над Германией», а затем и некоторые другие. Первый и последний орден отца — Отечественной войны II степени — я получил за него в военкомате г. Грозного в 1985 г., в связи с 40-летием Победы. Самого его уже не было в живых. Штампик в совет-

⁶ Из жизни Алексея Тереножкина. — Киев, 2006. — С. 110.

С. Л. Дударев

Это было
недавно,
это было
давно...

ском паспорте о выданной отцовской награде долго был предметом моей гордости, словно я сам был участником войны...

Но вернемся к 40-м годам. Итак, судьба привела Л. И. Дударева в Грозный. Город понравился от-

Леонид Иванович Дударев (в центре) в период работы мастером на заводе «Красный молот» (г. Грозный). Конец 1940-х гг.

цу тем, что климат здесь был теплее, чем в Перми, а летом было много фруктов. Жизнь на новом месте наладилась далеко не сразу. От всего случившегося с ним во время войны отец оттаял много позже. Вернувшись в семью, он велел дочери звать его на «вы». Это обращение так и осталось на всю жизнь. Родители с дочерью жили на квартирах. Сестра вспоминает, что первая ёлка на Ивановском передулке была без единой игрушки. Папа нашел выход из положения, украсив елку цветной металлической стружкой, принесенной с завода и послужившей в качестве бус. Голь на выдумки хитра... Папа работал на заводе «Красный молот» до 1949 г. Пребывание его на заводе было недолгим, но его запомнили. Как-то, лет 20 с лишним после работы отца на заводе, он пришел навестить меня в больнице. Мой сосед по палате, пожилой рабочий, сказал: «А я знаю этого мужчину. Он работал на “Молоте”?» Я подтвердил... Причиной его ухода было то, что отцу удалось найти место учителя в средней школе № 12, которая находилась поблизости от завода. В этой школе отец и начал работать с сентября 1949 г.⁷ Призвание влекло его к себе, да

⁷ В бумагах отца хранится выписка из приказа № 66 от 28 сентября 1949 г. по Молотовскому району, согласно которому Л. И. Дударев назначается на должность преподавателя физики в МСШ № 3 Молотовского района с 21 сентября 1949 г., т. е. день в день со своим зачислением в СШ № 12 г. Грозного. Такое совпадение могу объяснить сегодня тем, что отец долго не мог найти учительскую работу в Грозном и, не оставляя надежды устроиться в школе на новом месте жительства, решил, всё же, попытать счастья в городе студенческой юности. Но судьбе было угодно, чтобы отец и, разумеется, его жена и дочь, а потом и родившийся через два года сын, связали свое будущее с Грозным. О том, что отец собирался перебраться в Пермь, в семье не говорили, и этот эпизод, должно быть, был забыт, как мимолетный и не имевший уже никакого значения. Но выписку из приказа папа всё же хранил, как напоминание потомству о том, что история семьи могла сложиться совершенно по-иному...

Глава 3.

Отец
и старшие
Дударевы

С. Л. Дударев

Это было
недавно,
это было
давно...

и повседневная действительность на производстве не располагала к дальнейшему труду. Нужно было, как водится, регулярно отмечать полочки с товарищами по работе. Находилась и масса других поводов, для того чтобы выпить. Папа никогда не был пристрастен к спиртному, хотя и любил посидеть с друзьями и знакомыми в застолье.

Л.И. Дударев (1-й слева во втором ряду) в период работы в СШ №12 г. Грозного с коллективом 10 «б» класса и учителями школы. 1955 г. Учителя: 4-й слева во втором ряду — Х.Х. Ройзман, 3-й справа во втором ряду — А.А. Вартанов, 2-й справа во втором ряду — А.А. Куценко. Ученики: 1-й слева в третьем ряду — Ю. Пискунов, 3-й слева в третьем ряду — Акчурин (его дядя работал председателем колхоза в Веденском районе, убит бандитами), 3-й слева в четвертом ряду — Иванов, будущий тренер грозненской волейбольной команды «Спартак».

Работа в школе начиналась трудно. Школы тогда были мужскими и женскими, а СШ №12 оказалась именно мужской школой. Время было послевоенное, ребята выросли «безотцовщиной», и дисциплины на уроках не было никакой. Отец на первых порах был обескуражен, но мало-помалу нашел

путь к сердцу ребят. Предмет он знал великолепно и любил своё дело всей душой, трудности преодолевал с терпением и упорством, которых ему было не занимать. С детьми он мог быть то строгим, то добродушным, стремясь в каждом найти что-то хорошее, веря в ребят. Они чувствовали это и платили ему взаимностью. Впрочем, чтобы добыть средства к существованию и приобрести какой-то свой угол, отцу преподавать приходилось в разных местах. Мама рассказывала сестре, как однажды отец, пересаживаясь с одного трамвая на другой, чтобы успеть на очередное место работы, у неё на глазах в спешке споткнулся и чуть не сорвался со ступенек.

Усилиями родителей, более всего отца, удалось приобрести ту самую комнату с галереей по ул. Коммунистической, 29. По этому адресу и прошла их вся последующая жизнь до самого конца. А вскоре в жизни Л.И. Дударева произошло ещё одно радостное событие — рождение сына. Празднование появления на свет «продолжателя фамилии» в кругу ближайших друзей было бурным и наполненным ликованием...

Годы шли, и постепенно Леонид Иванович Дударев восходил на педагогический «олимп», став одним из самых известных учителей физики в городе Грозном. Многим его ученикам запомнилась фраза любимого учителя, ставшая для них классической: «Каждый культурный человек, по крайней мере, должен знать физику — это вне сомнения!». Отцу довелось поработать в средних школах №12 и 7, а затем с августа 1960 г. и до конца своей педагогической карьеры в 1975 г. — в СШ №1. Сказать сухими словами, как в какой-нибудь характеристике, что он «уделял большое внимание оборудованию физических кабинетов», значит не сказать ничего. Физический кабинет являлся настоящим «царством» отца. Мне он запомнился в детстве своей особой, необычной, какой-то диковинной атмосферой. Здесь можно было увидеть какие-нибудь «лейденские банки»,

Глава 3.

Отец
и старшие
Дударевы

С. Л. Дударев

Это было
недавно,
это было
давно...

издававшие треск при соприкосновении шаров, искрившихся электричеством, сегнерово колесо, бешено вращавшееся от того, что на его лопасти лили воду из графина, какие-то тележки, напоминавшие мне железнодорожные платформы... На стенах здесь были развешаны портреты великих физиков. Состав этих портретов не был подвержен никаким переменам. А вот в кабинете биологии было иначе. Впрочем, поговорим об этом потом. Когда

окна физкабинета наглухо задраивались плотными черными шторами, начиналась демонстрация фильма о физических явлениях и опытах. Было тихо и немного таинственно. Вечерами папа пропадал в лаборантской, где мастерил на занятиях физического кружка с учениками и сотрудниками, к примеру, осциллограф или какие-то другие приборы. И не напрасно. В средней школе № 12 под руководством отца был оборудован школьный планетарий,

Глава 3.

Отец
и старшие
Дударевы

Отец и сын Дударевы. 1953 г. (фото слева)

Л. И. Дударев (2-й справа во втором ряду) в период работы в СШ № 1 г. Грозного. Слева от него — директор школы З. Г. Филенкова; 3-я слева во втором ряду — учитель географии Л. А. Кузнецова. Начало 1960-х гг.

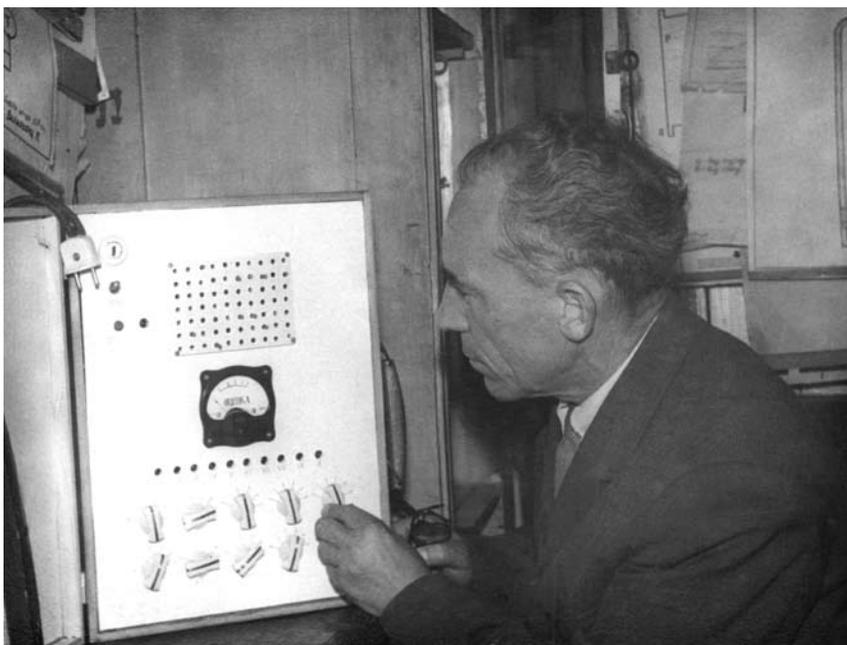
С. Л. Дударев

Это было
недавно,
это было
давно...

где проводились лекции для учащихся. Л. И. Дударев гордился тем, что изготовленное упорным трудом энтузиастов оборудование в тех школах, где он работал, с успехом демонстрировалось потом на городских выставках. Школы побеждали на конкурсах или завоевывали призовые места.

Вспоминаются интересные экскурсии с классами, которыми руководил папа, школьные вече-

В кабинете физики СШ № 1.

ра, где он был не только в качестве блюстителя порядка, но и выделялся своим элегантным вальсированием, подавая пример «сильной половине». И всё же главной стихией Л. И. Дударева были уроки, где отец царствовал безраздельно, дирижируя всем, что происходило в классе. С бле-

ском разбирались задачи, превращаясь в увлекательные головоломки, папа при этом нередко шутил, но одновременно не переставал оставаться взыскательным, держа ситуацию под контролем. Помню, как однажды я проходил по школьному коридору мимо располагавшихся рядом кабинетов физики и истории. В «историческом», где шли уроки у директора школы, стоял гвалт, кото-

Л. И. Дударев с учениками на экскурсии на заводе.

рый директор старался перекрыть фальцетом, хорошо известным каждому. Рядом, в кабинете физики, стояла тишина. Раздавался один лишь голос отца, делавшего какие-то замечания по поводу решавшейся на доске задачи. Но вот, найдя что-то забавное в ситуации, отец нарочито гром-

С. Л. Дударев

Это было
недавно,
это было
давно...

ко, разделяя каждое «ха-ха-ха», рассмеялся. Тут уже «грохнул» весь класс...

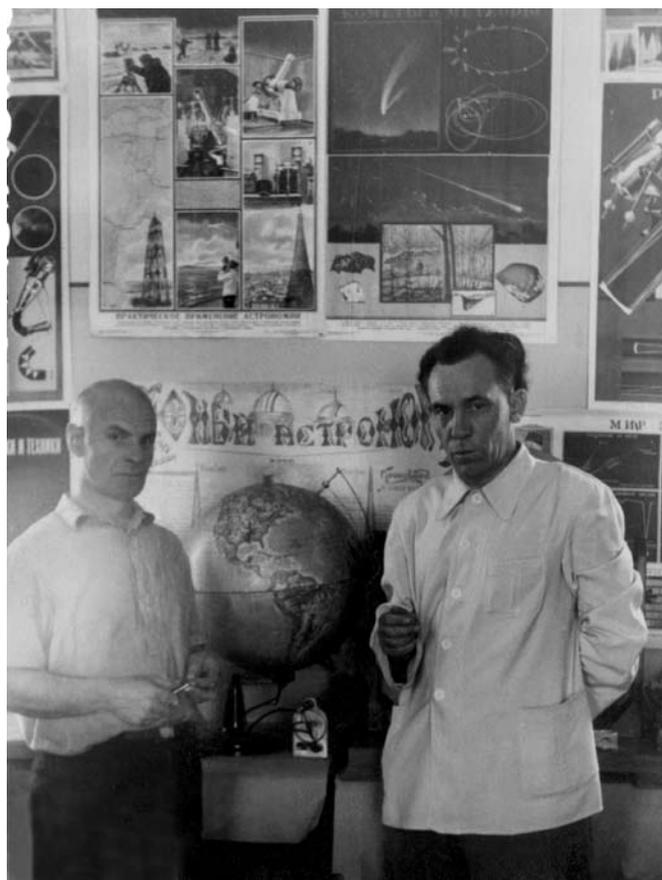
Не могу не сказать и о том, что папа всегда уделял большое внимание тому, что сейчас называют словом «имидж». Почти до конца дней (а прожил он 73 года) отец был подтянут, подвижен (сказывались давние спортивные навыки), всегда следил за своим внешним видом, одеждой, манерами. В этом у него много общего с сестрой — тётей Зоей. Они потеряли друг друга перед Великой Отече-

ственной войной. Долгие годы папа и его брат дядя Саша были убеждены, что тётя погибла во время блокады Ленинграда. Но она оказалась жива!

В 1976 г. тётя Зоя нашла отца благодаря пионерам-следопытам. Как и папа, проведшая голодное детство и юность, она не потерялась в жизни. Артистка кордебалета одной ленинградской оперетты, потом слушательница курсов «Красных учителей», оконченных перед войной, Зоя Дударева оказалась на курсах в Мурманске. По-

Глава 3.

Отец
и старшие
Дударевы

Л. И. Дударев в период работы в СШ № 12 г. Грозного. Слева — его коллега В. И. Гащенко. 1950-е гг. (фото слева).

Л. И. Дударев на уроке физики в СШ № 1 г. Грозного. Конец 1960-х — начало 1970-х гг. Над доской начертаны знаменитые слова из песни 1930-х гг.: «Мы рождены, чтоб сказку сделать былью...».

С. Л. Дударев

Это было
недавно,
это было
давно...

том школа юнг Северного флота на Соловецких островах. Перед приездом сюда Зои, как выяснилось много лет спустя, эту школу окончил Валентин Пикуль. Все, что описано им в романе «Реквием каравану PQ-17» Зоя знала не из книг. Служа

Тётя — Зоя Ивановна Дударева — в возрасте 18 лет. Конец 1930-х гг.

142

на Северном флоте, она участвовала во флотской самодеятельности. На флоте познакомилась со своим будущим мужем — мичманом Владимиром Колоденко. Вместе с ним после войны Зоя уехала в Казахстан, город Алма-Ату (сейчас Алматы), где

Глава 3.

Отец
и старшие
Дударевы

З. И. Колоденко в наши дни.

143

С. Л. Дударев

Это было
недавно,
это было
давно...

муж приступил к работе главного художника Театра оперы и балета Казахской ССР им. Абая (еще до войны В. М. Колоденко был награжден званием «Заслуженный артист Казахской ССР»)⁸. Главной заботой тети Зои, работавшей музыкальным работником-воспитателем в детском саду, было всё же помогать супругу, который, после ухода с всё более тяготившей его занимаемой должности, стал «вольным художником». Устройство выставок, хождение по инстанциям и многое другое легли на плечи тете Зои — энергичной, общительной, всегда державшейся в форме и имевшей ши-

тети Зои — кавалера нескольких орденов и медалей⁹. Сейчас ей 92 года!

Такой же неистребимый оптимизм, высокий жизненный тонус и любовь к людям были присущи и отцу. Ещё одной причиной высокой популярности Леонида Ивановича Дударева среди учеников было исходившее от него обаяние. Особенно запомнился мне случай, когда однажды отец, будучи уже на пенсии, проводил уроки в интернате горянок за заболевшего преподавателя. Девушки — чеченки и ингушки — оказались буквально очарованы элегантным седовласым джентльме-

Глава 3.

Отец
и старшие
Дударевы

Л. И. Дударев (в центре) с коллегой по СШ № 1 г. Грозного И. П. Мусаиловой и её супругом, министром спорта ЧИАССР Р. Мусаиловым.

Л. И. Дударев на вечере встречи выпускников СШ № 1.

рокий круг знакомых. После смерти мужа она не ушла в себя, а занялась разнообразной общественной работой по линии совета ветеранов, стремясь быть полезной тем, кто нуждался в помощи и добром слове. Именно это желание быть среди людей и жить для них и стало причиной долголетия

⁸ Владимир Михайлович Колоденко работал также в театрах Свердловска, Томска, Куйбышева (ныне Самара). С 1932 г. по 1936 г. он являлся главным художником театра оперы и балета им. М. Ф. Ахундова в г. Баку. В. М. Колоденко был признанным мастером декораций и эскизов костюмов ко многим театральным постановкам.

⁹ О славном жизненном пути З. И. Колоденко рассказывает статья в книге «Почитаемые люди земли Казахской» (Алматы, 2005. — С. 276–279).

С. Л. Дударев

Это было
недавно,
это было
давно...

ном, умевшим быть одновременно строгим и добродушным, непринужденно шутившим, внимательным и блестяще знавшим своё дело.

Не одно поколение учеников, среди которых были представители практически всех национальностей, живших в тогдашней Чечено-Ингушетии, прошло через руки отца. В семейном архиве сохранилась статья из газеты «Грозненский рабочий» середины 1960-х годов, подписанная родителями бывших десятиклассников Грозненской школы № 1 (среди них Новикова, Лукьянченко, Смирнов, Чистякова и другие), с очень запоминающимся, прямо-таки диккенсовским, названием — «Наш общий друг». В ней есть такие слова: «Се-

представителями различных профессий: от самых простых до нерядных. Это были врачи, учителя, инженеры, работавшие в области космоса и обороны, преподаватели вузов, командиры подводных лодок и многие другие. Но кем бы ни становились вчерашние ученики, многие из них не забывали своего Учителя. Не было года, чтобы к нему в школу или к нам домой, в связи с каким-либо праздником, на вечер встречи или, чаще всего, просто так, ни приходили выпускники былых лет с цветами, подарками. Бывало, устраивали пирушки, жарили шашлык, вспоминали случаи из школьной жизни. Почта приносила и письма от бывших учеников. Одно из таких писем с вы-

годня нам хочется сказать теплое благодарное слово человеку, который был нашим мальчишкам и девчонкам вторым отцом».

Многие сотни этих мальчишек и девчонок — выпускников нашей школы — разошлись по жизни, заняв в ней свои места, свои «ниши», став

Отец на отдыхе в Крыму. 1966 г. (фото слева).

Справа налево: А. И. Дударев, З. С. Фёдорова, Л. И. Дударев, И. Дударева во дворе дома № 8 по ул. Татарской. Первая встреча родственников после войны. Конец 1940-х гг.

Дядя — Александр Иванович Дударев — на рабочем месте.

Папа с внучкой Наташей. 1967 г. (фото справа).

ражением благодарности папа получил как-то от моего одноклассника Заурбека Дачаева, проходившего службу в армии. Бывшие ученики вспоминали о школьном наставнике и в связи со своей работой. Мне рассказали, как однажды ректор Чечено-Ингушского государственного университета, доктор психологии, профессор Виктор Абрамович Кан-Калик¹⁰ на одной из своих лекций говорил о моём отце, начав так: «У нас в школе был потрясающий физик...» ...Когда папе исполнилось 60 лет, на него буквально обрушился шквал телеграмм и поздравлений со всех концов страны от бывших учеников. Отец находился на вершине счастья... Официальные награды — всевозможные грамоты, значок «Отличник народного просвещения РСФСР» (его имела и мама — известный учитель биологии), которые отец получал в торжественных случаях, никогда не вызывали у него такой реакции. Это и было его самым главным признанием в жизни — признанием учеников, для которых он работал.

Такое признание распространялось не только на некогда юных выпускников, но и людей, которые учились у отца в заочной школе, стремясь восполнить дефицит образования, связанный с войной. Некоторые из них особо привязались к отцу, став хорошими товарищами, и дружба эта продолжалась до конца его дней.

Залогом папиных жизненных успехов были их тёплые отношения с мамой, хотя характеры у родителей были вовсе не безмятежными. Папа порой бывал вспыльчив, но быстро отходил. Мама умела его прощать, хотя и не была такой отходчивой. Но, как бы то ни было, родители были беско-

¹⁰ В. А. Кан-Калик (1946–1991) — видный отечественный ученый-психолог. Погиб от рук бандитов в начале «чеченской революции».

нечно преданы друг другу и всё наиболее значимое делали вместе. Помню, как однажды мы с родителями смотрели концерт по ТВ. Зазвучала известная песня Анны Герман, её идущие от сердца, замечательные слова: «Мы память, мы память, мы вечная память друг друга...» Невозможно забыть проникновенные лица родителей, сидевших близко друг к другу и буквально дышавших этими словами. Да, они были памятью и эхом друг друга, и я, пока жив, постараюсь быть хотя бы отголоском этого эха.

До середины 1970-х годов они постоянно что-то улучшали в доме, неоднократно ремонтировали, благоустраивали его... Эту их преданную любовь к своему гнезду унаследовал и я, отчего его потеря в 1992 г. стала особенно тяжелой.

Папа был замечательным отцом, нежно любившим своих детей, и семьянином, который делал всё возможное для благосостояния своих близких. Делал с нами уроки, катал на санках, водил в кино, а иной раз брал с собой на футбол (он, как уже было сказано выше, являлся страстным болельщиком), носил из столовой завода «Красный молот» обеды в металлических судках (мама, став завучем, целыми днями пропадала в школе). Когда семья стала жить более зажиточно, редкий год обходился без того, чтобы отец не вывозил членов семьи на море в Гагры. Он был щедр и с родственниками, очень скучая без них в Грозном. И вот яркий пример этого.

Когда однажды из дальнего Кемерово в гости приехал его брат, мой дядя Саша с сыном, отец повез всех нас на море, где он любил бывать в 1950–1960-е годы. Дядя проездом бывал у нас и раньше. Много лет он проработал в г. Кемерово преподавателем химии в техникуме. По характеру он был полной противоположностью быстрым, решительным и энергичным брату и сестре. Осторожный, осмотрительный (иногда даже слишком), к

С. Л. Дударев

Это было
недавно,
это было
давно...

старости склонный к хандре, дядя Саша держался степенно, говорил основательно, в письмах придерживался обстоятельности. Это был хороший работник, примерный домохозяин, добропорядочный муж и отец двоих детей, моих двоюродных брата Александра и сестры Светланы (она была приемной дочерью дяди Саши и его жены тети Полины). Этот многолетний дядин имидж совер-

Семья Дударевых-Бельмас-Колоденко после похорон папы. 24.X.1984 г.

шенно не вяжется с тем, что по семейной легенде, первая жена дяди Саши, дама, занимавшая должность прокурора, узнав о том, что её муж собирается уйти от неё, выстрелила в дядю из пистолета, но, к счастью, промахнулась... Человеческая натура, надобно сказать, штука весьма противоречи-

вая. В людских судьбах случаются весьма неожиданные события и повороты, которые никак, вроде бы, не соответствуют тому, что мы знаем о человеке. Но, как бы то ни было, обстановка в доме дяди Саши и тети Поли, в котором мы с отцом побывали вместе в 1963 г.¹¹, была настолько душевной, что мне очень не хотелось уезжать от гостеприимных родственников. Всю дорогу в Грозный я мыслями был в Кемерово.

Не перечислить всех трогательных проявлений заботы отца о детях, а потом и внуках. Он трудился как преподаватель, не покладая рук, не только на своем рабочем месте, но и дома, репетиторствуя с абитуриентами, поступающими в вузы: слава его как классного специалиста гремела и после ухода отца на пенсию. Тем не менее, мы не имели каких-то особых благ — просто всё самое необходимое для жизни.

Отец умер внезапно, неожиданно для всех своих близких и друзей. Операция по удалению грыжи, казавшая несложной, стала фатальной. В 7 часов утра 22 октября 1984 г. позвонили из госпиталя ветеранов войны и сказали, чтобы приезжали очень быстро, «иначе может быть поздно». У того, кто звонил, не хватило решимости сказать мне, что папы уже нет. Смерть от оторвавшегося тромба последовала ещё два часа назад. Когда мы с мамой примчались в палату, то увидели свернутый старый больничный матрац на койке, где ещё вчера лежал живой отец... Эта закатанная постель зияла, как глубокая пропасть, в которую мигом рухнула вся наша прежняя жизнь. Мы хоронили папу в яркий, солнечный осенний день уходящего бабьего лета, когда природа в последний раз торжествует ликующим теплом над уже подбираю-

¹¹ Отец ездил навестить брата и позднее, в 1980 г., но уже один.

С. Л. Дударев

Это было
недавно,
это было
давно...

щимся холодком увядания и близкого уже зимнего сна. Вот только сон, который снизошел на отца, был уже вечным.

После смерти папы жизнь дома шла ещё как бы по инерции. Пока жива была мама, стоял на месте родительский дом, казалось, что в его стенах теплится живительный огонь семейного очага. К тому же у меня появились своя семья, новые за-

Могилы родителей на грозненском кладбище. 1992 г.

боты, возник другой центр бытия, с которым было связано будущее. А потом настали пресловутые 1991–1992 годы. Ушла из жизни мама. Грабительская «гайдаризация» вмиг «съела» отцовские накопления. Их (вкпе с символической платой за часть дома по ул. Коммунистической, 29) только и

хватило на перевоз домашнего скарба (а главное — моей научной библиотеки) в Армавир. Начавшиеся трагические события в Чечне полностью уничтожили тот мир, в котором папа жил и трудился, в котором он и мама были Личностями.

Да, обстоятельства были безжалостны к отцовскому наследию. Но оно не погибло, сохранившись во мне и моей семье, семье сестры, не пропавших в вихре событий, а, пережив лишения, занявших достойное место в жизни там, куда забросила судьба. В 1991 г., в год 80-летия папы, я издал свою первую в жизни книгу, которую посвятил памяти дорогого человека. Эта книга сейчас используется многими специалистами — отечественными и зарубежными. Наследие отца — и в тех многих и многих учениках, которые рассеяны по всей России и помнят о своем Учителе. Недаром на похоронах отца В. А. Кан-Калик сказал: «Такие люди, как Леонид Иванович, не умирают».

Глава 3.

Отец
и старшие
Дударевы

МАТЬ И СЕМЬЯ ФЁДОРОВЫХ

*И сладки, как в полдень пачеки,
Как из детства голоса,
Твои руки, твои песенки,
Твои вечные глаза.*

Б. Окуджава.

Начиная рассказ о маме, я испытываю волнение. Мама — самый близкий человек на земле. Смогу ли я рассказать о ней так, как она этого достойна, передать то душевное состояние, которое вызывают во мне воспоминания о ней? Мое повествование о маме будет заметно отличаться от сказанного об отце. Папа большую часть своей жизни прожил вдали от родных брата и сестры, рано лишился отца и матери, отчего и мое слово о нем было, по большей части, монологом. Рассказы же мамы о своей родне, годах детства и юности, городе, где она выросла, были неотъемлемой частью моего восприятия маминого образа. Поэтому я начну свою повесть о ней не с неё самой, а с её корней, прежде всего, тех людей, которые произвели маму на свет и дали воспитание — её родителей, моих бабушки и бабушки.

Маминого отца, моего деда, звали Сергей Степанович Фёдоров. Он родился в горо-

де Клиницы нынешней Брянской области 22 октября 1888 г. (таким образом, в 2008 г. исполняется 120 лет со дня его рождения) в бедной семье сапожника, в которой было пятеро детей. Дедушка был единственным мальчиком, надеждой всей семьи. Поскольку его отец (и мой прадед), как и многие представители этой славной профессии, «не любил» выпить, то как это, к счастью, всё же бывает, сын, насмотревшись на «художества» своего родителя, с детства питал неприязнь к пьянству. Окончив приходскую школу (она соответствует семилетке), Сергей поступил на работу на текстильную суконную фабрику. Когда он стал основным кормильцем в семье, его отец Степан немного поухитился. Стоило Степану подвыпить после трудов праведных и, явившись домой, начать «гонять» своих домашних женского пола, те громким шёпотом заявляли ему: «Сергей спит!» (хотя его и не было дома), и тот моментально удалялся в свой угол и больше уже не показывался оттуда.

Почерк у деда, выработанный в школе, был поистине каллиграфическим, классически «старорежимным», сохранившимся на всю жизнь, о чем свидетельствуют некоторые сохранившиеся его письма, написанные моим родителям. За этот почерк, хороший слог, а также умение гениально считать, фабрикант сделал деда служащим. Когда годы спустя, уже живя в Казахстане, Сергей Степанович приезжал в область сдавать совхозные бухгалтерские отчёты, то его коллеги в спешке и поту подбивали итоги, отчаянно крутя ручкой арифмометра (этакого тогдашнего калькулятора). Дед же на глазах многочисленных свидетелей все подсче-

С. Л. Дударев

Это было
недавно,
это было
давно...

ты делал *в уме* и притом совершенно безошибочно (результат тут же перепроверялся присутствующими), чем вызывал неподдельное восхищение и уважение своих собратьев по цеху.

Фабрикант ценил своих служащих. На праздник ткань на костюм выдавалась им бесплатно, в качестве своего рода премии. Запас дров на всю зиму привозили специальные люди. Продукты продава-

Родители моей матери: Александра Гавриловна Краснобаева и Сергей Степанович Фёдоров с маленькой дочкой Зиной, г. Клинцы. 1915 г.

лись в особом магазине при фабрике, причем можно было сразу и не платить, особенно если за хлебом или ещё чем-нибудь присылали детей. Продавец все записывал на особый счет за каждым служащим.

В 1913 г. дед женился на моей бабушке Александре Гавриловне Краснобаевой, родившейся в 1892 г.¹ Она было дочерью дьякона Краснобаева, служившего в Клинцах в церкви Преображения Господня². Церковь эта была старообрядческой³. У прадеда Гавриила Ильича был прекрасный голос,

¹ Её дед по отцу был ямщиком, умершим от тифа. Бабушкина бабушка одна вырастила двоих сыновей, одного из которых сделала священнослужителем.

² Чудом сохранилась фотография прадеда, пострадавшая от времени и страхов его потомков. Лицо Гавриила Ильича наполовину выщерблено, а края фотографии, выполненной на толстом листе картона, где он был снят вместе с другими священнослужителями, были грубо обкорнаны кем-то из членов семьи ножницами в тот период, когда в СССР развернулась борьба против «классово чуждых элементов». Подобное уничтожение «компромата» в стране было массовым, но бывали и поистине удивительные исключения. Однажды, в 1981 г., мне довелось сидеть в Тбилиси за одним столом с тремя молодыми людьми, преподавателями местного университета, выходцами из старинных дворянско-княжеских фамилий. Хозяин дома, профессор Тбилисского университета Т. Д. Боцвадзе, а в обиходе, батона Занди, с гордостью сообщил, что у одного из них хранится царская грамота на владение родовыми землями (!). (К этим парням, не имевшим ещё ученых степеней, батона Занди обращался не иначе, как «ты настоящий грузин, великий князь», а к кандидату наук, заместителю начальника Жинвальской экспедиции Виссариону Джорбенадзе так же, как и к экспедиционному шофёру, — «ты хороший человек, услужливый».) Хорошо известно, что Грузия жестоко пострадала в эпоху сталинских репрессий. Но «сиятельные князья» при этом не расставались с грамотами. А мои-то бедные Фёдоровы в страхе кромсали самое святое, что осталось от прошлого — фотографии...

³ Старообрядчество — совокупность религиозных групп и церквей в России, не принявших церковных реформ XVII в. и ставших оппозиционными или враждебными официальной Православной церкви. Интересно, что центр одной из старообрядческих церквей — Древнеправославной архиепископии — находится в соседнем с Клинцами городе Новозыбкове.

и прихожанки специально приходили послушать пение дьякона во время службы. В семье у Краснобаевых было такое же количество детей, как и у Фёдоровых, но расклад был совсем другой — две девочки и три мальчика. Жена дьякона довольно рано умерла, и он больше не женился. Когда Александра подрасла, то стала одной из первых красавиц городка — статная, черноволосая, с правильными и тонкими чертами лица. Что же до Сергея, то тот не был Аполлоном, да ещё ко всему к 25-ти годам совершенно облысел. Чем же он всё-таки покорила яркую девушку, у которой просто не было отбоя от женихов, которые буквально следили за каждым её шагом — куда пошла, с кем встретилась? Думаю, не в последнюю очередь тем, о чем уже шла речь выше — умом, уважением на службе, образованием, которое, несмотря на наше с вами к нему нынешнее ироническое отношение (всего-то 7 классов!), было выше, чем у Александры, а она до самой смерти писала с великим множеством ошибок и в простонародном стилевом оформлении. Дед был человеком начитанным, имел библиотеку, где на каждой книге было вытеснено золотом «С. С. Фёдоров». Но, разумеется, дело было не только в этих качествах. Сергей Степанович был человеком серьезным, но способным на решительные, отчаянные поступки. Вот этим он и завоевал сердце красавицы. Её отец — дьякон Гавриил Ильич, — не давал своего согласия на брак, и молодые решили венчаться без родительского благословения. В те времена, да ещё в церковной среде, это было настоящим скандалом. Наняв бричку, молодой человек явился за своей избранницей, да так неожиданно, что никто не сумел помешать — ни отец, ни женихи. Все прозевали визит дерзкого бухгалтера. Сергей умыкнул Александру и умчал под венец в близлежащее село. Когда к раздосадованному родителю явились законные венчаные муж и жена, то тот сменил гнев на милость и простил их. А там и дети пошли.

Моя мама, Зинаида Сергеевна Фёдорова, родилась 6 октября 1914 г., а её сестра (здравствующая и поныне — ей 92 года!) Мария Сергеевна — в 1915 г. Им довелось появиться на свет в суровую годину — шла Первая мировая война. В 1916 г. дед был призван на военную службу и, поскольку имел приходское образование, был направлен в училище прапорщиков в городе Гори, в Грузии, ставшего знаменитым впоследствии тем, что являлся родиной человека, имя которого долгие годы произносилось миллионами людей — кем с надеждой, а кем — со страхом — И. В. Сталина⁴. Видно, ещё с тех времен в семье Фёдоровых сохранился куплет из песни, который я слышал от мамы: «Эй, грянем «ура», лихие юнкера, за Родину, за веру, за батюшку царя!». Но когда началась Гражданская война, дед пошел служить в Красную Армию, и это, скорее всего, было просто делом случая. У красных дед занимался тем же, чем и в мирной жизни, — был полковым бухгалтером. Это и спасло ему жизнь. Поехав однажды за деньгами, он невольно избежал кровопролитного боя, в котором полегло большинство бойцов полка. Тем временем бабушка Шура работала в так называемом «воензаке» и шила для бойцов Красной Армии военное обмундирование. Зина и Маня сидели одни дома на печи, грызли сырую свеклу и ждали, когда усталая мать вернётся с работы.

В 1921 г. пришел с фронта их отец, и дети начали потихоньку к нему привыкать (что-то подобное будет потом с моей сестрой Ирой, когда вернётся с войны наш папа). Стал налаживаться быт. Часто навещал дед дьякон, который специально приходил в день Св. Пасхи, освящал квартиру и служил молебен, принося при этом корзину разноцветных

⁴ Муж тети Маруси, сирота Пётр с восторгом говорил об И. В. Сталине: «Наш батко богат!».

яиц, писанки⁵ и куличи. Но эта благостная картина вскоре была трагически нарушена. В 1922 г. на каком-то празднике часть собравшегося духовенства отравилась (или была отравлена?), и на беду среди них оказался и дьякон Краснобаев. И всё же жизнь шла, как будто, своим чередом. В 1924 г. Зина и Маруся пошли в школу. Их детская жизнь была такой же, как и у всех сверстников, — учеба, игры, дружба со сверстниками (их мама помнила всю жизнь). 1920-е годы — это время расцвета немого кино, которое было настоящим праздником в маленьком городке российской глубинки. Мама с громадным удовольствием вспоминала просмотренные ею в это время американские кинофильмы с легендарными актерами мирового кино в главных ролях — Дугласом Фербенксом, Бестером Китонем, Мэри Пикфорд, разумеется, Чарли Чаплином. Городок был маленький, но со своим колоритом. Этот колорит создавало, в том числе, и еврейское население, которого в Клинцах (как и на близлежащей территории современной Беларуси, например, в Гомеле, который из-за этого в шутку называли Гомель-Гомель, по аналогии с Баден-Баденом) было немало. В сфере общения русских и евреев ходило много анекдотов и говоря по-современному, «приколов», которые служили предметом веселья для тех и других, не вызывая ни у кого обиды. Вот характерный пример: один клинчанин мог спросить у другого: «Абрам Моисеевич, кого вы здесь подъевреиваете?» (вместо «поджидаете»); в этом намеренном и игривом избегании слова «поджидаете» с его характерным корнем и крылся весь юмор). В маминой памяти сохранились образчики еврейского фольклора, например, песенки типа *«Ужасно шумно в доме Шнеерсона, он женит сына Соломона...»* или история про девушку, которая была *«такая тонкая, как шелковая лента»*, *«такая белая, как новая посуда, такая умная, как целый том*

*Талмуда»*⁶. В мамином городке перемешивались разные традиции и языки. Мама порой вспоминала одно местное выражение, которое было результатом русско-украинско-еврейского синтеза: *«Ой, мамалы-таталы!»* (что-то вроде «Ой, мамочки-папочки!»). Однажды подростком, когда по ТВ шел знаменитый советский фильм «Богдан Хмельницкий», я заметил, что мама понимает, что поёт по-польски жена Богдана. Не чужд маме был и украинский язык. Не знаю, в чем тут дело, но в Клинцах семью Фёдоровых (при жизни прадеда Степана?) звали «хохлами». В корнях ли тут дело, или в другой причине, сейчас сказать сложно.

В Клинцах был свой «горпарк» (правда, это название я застал в 1960-х), где играл духовой оркестр. Мороженое носили прямо по улочкам. Мороженщик громко кричал, зазывая покупателей, выкрикивая какие-то удивительные слова: «Ай, кэрэ-мэрэ, ай кэрэ-мороженое!». Сейчас трудно вспомнить всё то, что рассказывала мама о своих детских годах. Но всегда поражало, как она сохранила такие точные и емкие воспоминания о стольких людях. Когда в 1967 г. мы втроем с родителями приехали в Клинцы, мама провела нас по своей улице, где в то время всё оставалось так же, как и в годы её детства и юности. Мама на память называла имена и фамилии всех соседей и своих свер-

⁵ Писанка — пасхальное яйцо, украшенное сложным рисунком. Писанки ещё с древних времен выступали обязательной принадлежностью весенней заклипательной обрядности. Смысл рисунков на писанках, по мнению ученых, говорит о том, что яйцо, предназначенное для ритуала, должно было изображать мир в целом. Рисунки наносили пчелиным воском специальным инструментом. Писанки делали из птичьих яиц, дерева, камня, глины и т. п.

⁶ Талмуд — собрание догматических, религиозно-этических и правовых положений иудаизма, сложившихся в IV в. до н.э. — V в. н.э.

С. Л. Дударев

Это было
недавно,
это было
давно...

стников, друзей по детским играм, а мы с папой не переставали удивляться её преданной памяти о прошлом.

...Близился конец 1920-х годов. В стране стал постепенно нарастать крутой вал борьбы с врагами советской власти — истинными и мнимыми. Деда и таких же, как он, бывших служащих самодержавной армии, взяли на учет и часто подвергали проверкам. И трезвый, наблюдательный, практический ум Сергея Степановича (который, меж-

Зинаида Сергеевна Фёдорова во время учебы в сельхозтехникуме. Начало 1930-х гг.

ду прочим, выражался и в том, что дед был первоклассным преферансистом) сделал верные выводы. В 1929 г. дед завербовался главбухом в зерносовхоз Карабалыкского района Казахстана и то ли исчез из поля зрения бдительных органов ОГПУ, то ли удачно переждал на новом месте одну

из волн начинавшихся репрессий. Те же бывшие унтера и прапорщики, которые постоянно проживали в Клинцах, в 1930-е годы навсегда исчезли в недрах чудовищной империи ГУЛАГа. В 1930 г. дед вернулся за семьей и увез в Казахстан жену и старшую дочь, мою будущую маму, закончившую школу-семилетку. Впрочем, живя в совхозе, дед, по своему независимому характеру, и не пытался скрывать своего «прошлого». На стенах дома, где жили Фёдоровы, тогда всё ещё были развешаны фотографии деда в форме прапорщика и снимки с его товарищами по службе ещё в рядах армии Его Императорского Величества (потом они, разумеется, бесследно исчезли). Однажды, когда мама собиралась вступить в комсомол, один из тамошних активистов заглянул к Фёдоровым в дом. Парень был неприятно поражен увиденным там чуть ли не белогвардейским «иконостасом». В итоге в комсомол маму не приняли. А она, обидевшись, не повторяла попыток. Позже другие «политические обстоятельства», связанные уже с судьбой мужа, моего отца, не позволили ей стать и членом КПСС.

А что же младшая дочь Фёдоровых, Маруся? Она была оставлена у тети Дуси доучиваться в той же семилетке — ей оставался ещё год. Закончив школу, Маруся поступила в текстильный техникум. Её жизнь складывалась несколько иначе, чем у Зины. Маруся вступила и в пионеры, и в комсомол и никаких помех при этом не испытала. После техникума получила направление на прядильную фабрику, где стала работать нормировщицей, а вскоре и вышла замуж за парня, с которым познакомилась во время учебы — Петра Сопранова, родила дочь Светлану... Дедушка и бабушка переехали в г. Кустанай (это случилось в 1941 г.)⁷, где

⁷ В письме от 22.03.61 г. дед пишет о почти бесснежной зиме при двадцатиградусном морозе, чего не было за 20 лет жизни в Кустанае.

Сергей Степанович стал работать главбухом на об-
увной базе. Однажды он снова приехал в Клинцы
и купил там для Марии однокомнатную квартиру.
Его, несмотря ни на что, тянуло на родину, и остав-
ленная там дочь была связующей нитью с близки-
ми сердцу местами. Но жизнь вскоре заставила
расстаться с этими надеждами...

После переезда в Кустанай перед Зиной Фёдоровой также встал вопрос — чем заниматься дальше, учиться или работать? Мама поступила в техникум при Челябинском сельскохозяйственном институте. Во время учебы ей довелось работать на практике на казахстанских землях, которые тогда только начинали осваиваться как новая, перспективная житница страны. Там молодой практикантке пришлось с раннего утра и до глубокой ночи работать на той технике, которую страна направляла на поднятие этой, так сказать, «предцелины» — недавно закупленных американских «Фордзонах» и «Катерпилларах». Люди валялись с ног, засыпая, порой, прямо в свежей борозде. Однажды это привело к трагедии. Молодого парня, прилегшего отдохнуть прямо на сырую землю, в темноте не заметил человек, управлявший тяжелым комбайном... А худенькая девушка держалась из последних сил, но не просилась отдохнуть или, чего доброго, «заболеть» и уехать. Чувство долга мама пронесла с собой через всю жизнь. До самой старости ей снился сон — она не может в школе решить контрольную работу по математике и испытывает мучительные переживания за невыполненное дело...

После института мама в числе лучших выпускников получила направление в Пермский государственный университет, в который и поступила в 1935 г. Рассказывая о годах учебы на биологическом факультете, мама с особой благодарностью и теплотой вспоминала тех или иных преподавателей, чьи лекции оставили в её памяти и душе наибольшее впечатление. Среди них были и настоящие

научные светила, например, профессор Генкель. В университете появились новые подруги, отношения с которыми прошли затем через годы. Письма от одной из них уже в мою бытность часто приходили к нам в Грозный, а потом эта немолодая уже женщина — Серафима Сергеевна Ганюшкина — человек живой, добросердечный (она растила взятую на воспитание девочку) и с большим чувством юмора — приехала к нам самолично, привезя с собой рукопись кандидатской диссертации по биологии, которую вскоре защитила. Это был первый случай в моей жизни (автору этих строк шел тогда 15-й год), когда я увидел только что «испеченный» научный труд наяву. Вокруг мамы вращались и равнодушные к ней молодые люди (о некоторых я уже упоминал выше, описывая историю знакомства отца и матери), стремясь завоевать изящную с красивыми, тонкими чертами лица кареглазую девушку, игравшую на гитаре и участвовавшую в самодеятельности. Студенты Пермского университета любили посещать знаменитый Пермский театр оперы и балета им. П. И. Чайковского, где им, например, посчастливилось услышать некоторых тогдашних оперных знаменитостей. К их числу относился один из самых известных исполнителей партии Отелло — Ваграм Папазян, любивший произносить «Дездемона» вместо «Дездемона». Словом, всё шло своим чередом, как у множества студенток, в том числе и тех, которых я вижу ныне каждый день в университете, только иной у них нынче фасон одежды да в руках теперь мобильные телефоны.

Только вот время, в которое учились родители в Перми — середина 1930-х годов, было одним из самых нелегких в истории страны. Оно запомнилось многим и вошло сейчас в публицистику, романы, исторические труды, фильмы как период самых страшных сталинских репрессий. Тем не менее я ничего не слышал от родителей о том, что репрессии как-то затронули их университет, препо-

давателей, профессиуру, студентов, оставили ощущение гнетущей атмосферы. Блистательный лектор по фамилии, если не ошибаюсь, Красовский, по словам мамы, очень интеллигентно оппонируя Н. И. Бухарину, никогда не называл ругательными словами ни его, ни других «врагов народа». Непросто объяснить отсутствие «негатива» в рассказах родителей об учебе в университете. Лекции и экзамены, скромный быт, простые развлечения, занятия спортом, работа во внеурочное время. И почти ничего о тех самых «свинцовых мерзостях» эпохи... Мои родители, как и многие их сверстники, оказались счастливыми людьми. То, от чего пострадали другие в 30-х годах, не коснулось их непосредственно. Но впереди были грозные сороковые. Следы атмосферы тех времен ещё проявят себя в будущем в отношении родителей к действительности...

Выше я уже писал о знакомстве родителей, их женитьбе и рождении сестры. Призыв отца на военную службу заставил маму с новорожденной дочерью уехать из Перми в Кустанай. Там же после начала войны оказалась и её сестра Мария, эвакуировавшаяся к родителям с дочерью-малолеткой из Клинцов через Пензу и Челябинск в многолюдном товарном вагоне. Все шестеро зажили в землянке, которая состояла из одной комнаты и кухни. Как выжили всей компанией в войну? На каждого работающего выдавали по 400 граммов хлеба, а на иждивенцев — по 200 граммов в день. Сахара — по 300 граммов в месяц на человека. Семью выручали земельные участки — 20 соток картофеля, 10 — подсолнечника, 10 соток кукурузы. Семечки продавали на базаре. Тётя Маруся до сих пор помнит цену — 15 рублей стакан. Торговать семечками пришлось маме — учительнице биологии в Кустанайской средней школе им. А. М. Горького, в которой она проработала преподавателем естествознания в 5–10-х классах с 1 сентября 1941 по

25 августа 1946 г. Трудилась мама самоотверженно, получив медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне». Во время основной работы она, выражаясь словами сохранившейся характеристики тех лет, «зарекомендовала себя среди коллектива хорошо знающим предмет преподавателем, хорошим методистом», много труда положившим на создание наглядных пособий, оборудовавшим уроки «дидактическими материалами, обеспечивающими высокую успеваемость учащихся» и т. п. Пришлось поработать маме вместе с учащимися на уборке урожая в колхозах, расположенных под г. Кустанаем. А когда не было уроков и прочих, связанных со школой забот, она стояла на рынке, тщательно кутая свое красивое, осунувшееся лицо в старый платок — чтобы, не дай Бог, не узнали ученики.

Прошло несколько лет, а Зинаида Фёдорова не имела от мужа никаких вестей. Вот уже и окончилась война...

Какова же была её радость, когда в 1946 г., после стольких лет неизвестности она получила письмо от отца. Сестра хорошо помнила этот день. Не чуя ног от нахлынувшего счастья, мама бежала по лужам, не разбирая дороги, и размахивала папиным письмом! Он звал её в Грозный... Мамина преданность — это ещё одна причина, по которой отец выжил в плену. Всем представителям старшего поколения памятны симоновские строки: «*Ожиданием своим ты спасла меня...*». Но где радость, там и печаль. Моя двоюродная сестра Света, которой тогда было лет 10, плакала и причитала: «У Ирки папа живой, а моего⁸ убили!». Матери и дочери

⁸ Отец Светланы, лейтенант бронетанковых войск Пётр Сопранов, героически погиб на Курской дуге в знаменитом сражении под Прохоровкой. Похоронен в Орловской области.

С. Л. Дударев

Это было
недавно,
это было
давно...

собрали продукты на дорогу — напекли чемодан с печеньем, пышками. Захватив с собой по паре платков, в августе 1946 г. двинулись в путь. Много лет спустя после этого путешествия мама любила иногда напевать песенку, которую мне не доводилось слышать больше ни от кого: *«Не хочу я чаю пить, не хочу обедать. / А мой милый на Кавказе, я хочу проведать!»*. Вот и «проведала» она тогда своего милого и осталась навсегда на том самом Кавказе, который, став судьбой всей её дальнейшей жизни,

З. С. Фёдорова (3-я справа во втором ряду) с ученицами, учителями и сотрудниками женской средней школы № 1 г. Грозного. Конец 1940-х гг.

однажды едва ли не пророчески явился ей в Кустанае в образе молодого чеченца. В самом конце войны, зимой, в землянку к Фёдоровым вошел человек. На улице стоял лютый казахстанский мороз, лежали сугробы, снег визжал под ногами, а парень был очень легко одет и обут в какие-то немисли-

мые в стужу чувяки (спецпереселенцам не позволили взять с собой какого-либо имущества). Он попросил чего-нибудь поесть. Кустанай был тогда городом ссыльных⁹. Мои родные не отказывали никому. Юноше дали хлеба, и он шагнул за порог землянки в неизвестность.

...Спустя несколько месяцев по приезду в г. Грозный, мама устроилась преподавателем биологии в среднюю школу № 1, годом позже — перешла в местный пединститут. Её деятельность там, в должности ассистента кафедры естествознания продолжалась около двух лет. Старый трехэтажный корпус пединститута (с 1972 г. университета), где тогда трудилась мама, хорошо мне известен, поскольку с 1976 г. по 1989 г. там располагался исторический факультет, где я работал сначала сотрудником, затем таким же ассистентом, но кафедры всеобщей истории. В общем, можно сказать, пошел по маминим стопам. Впрочем, маминей карьере вузовского преподавателя не суждено было сложиться. Место ассистента сократили, и З. С. Фёдорова вернулась в среднюю школу № 1. Там, с 1948 г. и по 1969 г. мама трудилась уже до самой пенсии.

Эти годы были, наверное, самыми значимыми в её жизни. Почему? Так же, как и папа, в те двадцать лет с небольшим мама вступила в пору своей человеческой и профессиональной зрелости, продемонстрировав свои самые лучшие качества. Окончательно определившись с учительской работой, мама, что называется, с головой ушла в неё.

⁹ В Кустанае, например, отбывала ссылку жена В. М. Молотова — П. Жемчужина. «Вождь и учитель всех народов» карал не только простых смертных, но и своих ближайших соратников и их жён. Никто в стране не мог укрыться от сталинского «правосудия». И в этом «социалистическом абсолютизме» была своя высшая справедливость, которую одобряло немало людей в стране.

С. Л. Дударев

Это было
недавно,
это было
давно...

Как и у папы, у неё тоже был свой «удел» — кабинет естествознания. Он обладал своим неповторимым колоритом. На окнах, столах и шкафах здесь располагались растения в многочисленных горшках, хранились гербарии, были развешаны таблицы с рисунками всевозможных растений, животных, насекомых, белел пластмассовыми костями учебный скелет человека, стояли банки с заспиртованными ящерицами и змеями. Подобные атрибуты окружали маму и в её кабинете завуча, которым мама стала в 1955 г. Там в шкафу лежал настоящий человеческий череп с коричневым налетом,

Мама в 1940-е–1950-е гг.

который ученики нашли где-то на старых кладбищах и затем притащили в школу. Этот раритет завораживал меня, но прочие посетители, похоже, не обращали на него особого внимания. На стенах кабинета естествознания висели, как полагается, портреты академиков И. П. Павлова, К. А. Тими-

рязева, И. В. Мичурина. Но, присматриваясь к фотографии, сделанной в этой обители естествознания в начале 1950-х годов, можно увидеть на стенах портреты и совсем других фигурантов. Слева от зрителя располагался портрет печально знаменитого академика Т. Д. Лысенко, на котором был изображен человек с прямым и тяжелым взглядом, этот «Сталин в биологии», гонитель генетиков и вообще всего прогрессивного в естествознании. Ну, а в центре висел портрет самого «вождя и учителя всех народов», моложавого, в военном кителе, с неизменной трубкой и короткой фразой,

Глава 4.

Мать и семья
Фёдоровых

Оформление кабинета естествознания СШ № 1 г. Грозного. Начало 1950-х гг.

которая должна была запомниться каждому ученику: «И засуху победим!». Мама, как будто, по своему воплощала этот лозунг, изо всех сил борясь за то, чтобы её питомцы — растения, которыми был заставлен кабинет, не увяли. Для этого она не только поливала их, но, желая, чтобы побеги были

С. Л. Дударев

Это было
недавно,
это было
давно...

свежими и красивыми, прыскала на них водой изо рта. А вода из-под крана была ледяной, до ломоты в зубах. Ухаживая за «зелеными друзьями», мама простудила зубы и со временем рассталась с одним из украшений, данных ей природой. Когда же пришло мое время посещать мамины уроки, портреты времен культа личности давно исчезли где-то в глубинах пыльных школьных кладовых.

Мамины уроки, разумеется, отличались своеобразием. Ведь учителю биологии иногда необходимы опыты над живыми организмами. В качестве подопытных выступали лягушки, пойманные

На уроке в кабинете естествознания СШ № 1 г. Грозного.
В центре — З. С. Фёдорова. 1950-е гг.

детьми. Демонстрируя ученикам рефлексы живого организма, мама бесстрашно резала земноводным головы и конечности. После таких уроков я говорил ей: «Мама, тебе бы надо было стать врачом — хирургом». На что она отвечала: «А я могла бы, да жизнь сложилась по-другому». Подоб-

ные опыты превращали урок в некое, как сейчас говорят, шоу. Но мама при этом, как и вообще во время занятий, была серьезна и сосредоточена и редко когда позволяла себе отвлечься. Такой же собранной она была и во время дополнительных занятий со школьниками, готовя их к городским олимпиадам, где её питомцы не раз занимали первые места, поступая потом в самые престижные вузы страны, в том числе в МГУ им. М. В. Ломоносова. Но в более узком кругу ребят можно было пошутить и посмеяться, рассказать какую-нибудь забавную историю. Да и как было не пере-

З. С. Фёдорова с учениками на экскурсии в совхозе (фото слева).
На опытном школьном участке.

ключаться в долгих репетиционных занятиях, когда разбор схем молекул ДНК и тому подобного мог слегка надоесть и самым рьяным из маминых учеников.

Маме недоставать было энергии и упорства. Ведь учителю естествознания нужно было не толь-

Глава 4.
Мать и семья
Фёдоровых

С. Л. Дударев

Это было
недавно,
это было
давно...

ко проводить уроки. В круг маминых обязанностей входила работа с детьми на опытных участках, где выращивали деревья и прочие зеленые насаждения. Сколько часов с лопатами, тяпками и граблями провела мама со школьниками под открытым небом! Вот где пригодилась старая целинная закатка. З.С. Фёдорова многократно вывозила своих подопечных на экскурсии в пригородные совхозы, где ученики могли воочию убедиться, что булки растут не на деревьях, вдохнуть воздух сельской местности, напоенный самыми разнообразными запахами, подержать на руках кроликов и рассмотреть поближе прочую живность...

З.С. Фёдорова во время сбора металлолома.

Справа от Зинаиды Сергеевны — директор СШ № 1 А.А. Захаров, учитель труда В.А. Горсков, слева — учитель истории К.В. Андреева, учитель Е.А. Беспаятная.

Городские дети вели себя очень непосредственно и проявляли себя так, как это было принято среди них в то уже сытое и счастливое время — 1960-е годы — оставляли после себя горы несъеденных продуктов, заботливо данных родителями чадам на дорогу, бросались вареными яйцами, так что приходилось относить это всё на корм только что посещенным обитателям свино- или птицефермы.

Мамина деятельность в школе не ограничивалась кругом её учительских обязанностей. Как завуч она проводила субботники, организовывала вместе с учителями сбор металлолома, когда случались, бывало, и весьма забавные эпизоды. Чтобы победить в соревновании между классами, ретивые ученики норовили притащить для веса какую-нибудь важную деталь, которую им удавалось стащить где-либо на производстве (подобный эпизод из знаменитого мультика про Крокодила Гену и Чебурашку вовсе не придуман на киностудии, а взят из жизни). Вслед за ними являлись «потерпевшие» — представители какого-то завода и увозили свои материальные ценности обратно.

В обязанности завуча входила и работа с родителями, которых приглашали в школу, для того, чтобы, например, обсудить поведение их отпрысков или положение с успеваемостью. Впрочем, беседа с завучем означала не только надвигающуюся на чьих-то чад грозу, но была связана и с необходимостью обсудить планируемые мероприятия с теми, кого принято именовать родительским активом. Эти встречи были примечательны тем, что мама, которая была отличной физиономисткой, сразу же догадывалась, чьи родители пришли к ней на прием (если их прежде не приходилось встречать) — дети, как правило, являются своеобразной визитной карточкой своих отцов и матерей. «Вы — мама (или папа — что было реже: отцы не столь частые гости в школе) такого-то или такой-то», — говорила З.С. Фёдорова, немало

Глава 4.

Мать и семья
Фёдоровых

С. Л. Дударев

Это было
недавно,
это было
давно...

удивляя этим посетителей. Память мамы на лица была поразительной.

Одной из самых главных обязанностей мамы как заместителя директора по учебной работе было, конечно же, составление расписания, поистине китайской грамоты за семью печатями. Я запомнил её за этим занятием с раннего детства. Она бесконечно, до глубокой ночи, корпела над листом красноватой миллиметровки, протертым чуть ли не до дыр, на котором карандашом многократно изображалось едва ли не таинство — схема уроков, которую нужно было составить так, чтобы у учителей не

З.С. Фёдорова (3-я слева) с коллегами и учениками из СШ № 1 г. Грозного. В центре (слева направо) — директор З.Г. Филенкова и учитель И. П. Мусаилова.

было так называемых окон, т.е. перерывов между занятиями. Иначе могли возникнуть (и порой возникали) конфликты и обиды. Столько сил и нервов забирала эта «магия» у завуча Фёдоровой!

Будучи человеком со своим твердым взглядом на вещи, мама при этом старалась воздерживаться

от столкновений с коллегами. Школьный коллектив был, как водится, непростой, у каждого — свои норы и привычки. И это отражалось на манерах учителей, которые, например, преподавали в моём классе, и той атмосфере, которая возникала на уроках. Мне ближе всего теперь историки: увлекающая всех интересным рассказом о далеком прошлом В.К. Ковальская, подчеркнута строгая, серьёзная, держащая всех под контролем К.В. Андреева, простая и добрая Л.П. Кичик. Людмила Петровна шутила иногда: «Я Кичик туда и обратно» (и в самом деле её редкая фамилия читалась одинаково слева направо и наоборот). Химики — М.Н. Медведева и А.К. Лотиева¹⁰ — отличались выдержанностью, интеллигентностью, чем иногда пользовались не в меру шустрые ученики. Математик Л.И. Удалова — мягкая и спокойная женщина, впрочем, как и все учителя, в какой-то момент также могла возмутиться и сказать: «Да тебе хоть кол на голове теши!». Математика — наука трудная и не всеми усваивается легко, а кому-то (как, например, мне) не давалась и вовсе. Другой математик, Г.А. Рудык, не лез за словом в карман, был язвительен, но и в меру добродушен (помню его «ругательство»: «Чтоб тебя дождь намочил!»), любил выпить, причем со временем все больше «западал» на эту пагубную привычку. Бывало, что при-

¹⁰ Никому и в голову не могло прийти тогда, что у А.К. Лотиевой в Париже живет отец, бывший белый офицер! К счастью, никто в школе не знал об этом, иначе скандал разразился бы необычайный. К.С. Лотиев, казак-осетин, есаул I Волгского полка, отважно сражавшийся на фронтах Первой мировой войны, во время Гражданской войны служил в белой армии, затем эмигрировал во Францию, где прожил многие годы. Он похоронен в 1969 г. в Париже на знаменитом русском кладбище Сент-Женевьев де Буа, недалеко от могилы другого эмигранта, писателя И.А. Бунина (Социал-демократ Алании. — Апрель 2002. — №8 (19); личная информация А.А. Головлева).

ходил «под градусом» и на уроки. Это и послужило, в конце концов, причиной его увольнения из школы. Энергичная, подвижная, умная С. Д. Татевосова преподавала английский язык и была нашим классным руководителем. Учитель физкультуры Н. Н. Кучин был сдержанно ироничен. Однажды уже на пенсии он встретил в городе моих родителей, таких же пенсионеров.

— Ну что, ребята, — с задором спросил их Николай Николаевич, — водку пьете? — Да нет, — растерянно ответили те. — Плохи ваши дела, — с легкой укоризной резюмировал отставной физрук.

Через некоторое время стало известно, что он умер...

Интересно, что у большинства учителей не было каких-то прозвищ или кличек, как это нередко принято в школах. В основном клички, почему-то, прилипали к преподавателям труда — Свист, Нафталин. Отличился и наш колоритный завхоз, Василий Трофимович Науменко, прозванный за особенности своей фигуры Колобком. Завхоз целыми днями пыхтя семенял по школе, то и дело давая нагоняи ученикам. Те всё время норовили подражаться, чего-либо опрокинув, или, чего доброго, что-нибудь разбив при этом. Но ругань Колобка была, на самом деле, беззлобной. Трудно вспомнить сейчас всех, кто работал в школе, но те, кого помню, были очень и очень разными людьми. Но главное то, что многие были личностями и хорошими, и даже замечательными специалистами. Но личность требует к себе внимания и необходимости найти с ней общий язык. А это — целое искусство.

И завуч З. С. Фёдорова владела им в совершенстве и многие годы «разруливала» сложнейшие ситуации на своем непростом производстве. Иначе бы мама не проработала в этой должности целых 14 лет. На многих фотографиях она в гуще людей — на демонстрации, в жюри КВН, простых по-

сиделках с учительским коллективом, простая, но сдержанная. Впрочем, кто-то может сказать: «Наверное, она пользовалась поддержкой у директора». Много лет мама проработала в паре с директором З. Г. Филенковой. Это была дама, как говорится, с прошлым, острая на язык, знавшая толк в высоком «штите», но любившая в неофициальной обстановке и сочные, даже грубоватые выражения, что прекрасно сочеталось с её основной профессией — преподаванием российской словесности. Умная, волевая, не лишенная самоиронии (если ей приходилось ошибаться, Зинаида Георгиевна непринужденно и шутливо выходила из положения фразой «Молодая, исправлюсь»), она находилась с родителями в достаточно ровных отношениях, несколько раз бывала у них в гостях. Помню надпись, сделанную ей на коробке с хрустальными стаканчиками, которые до сих пор хранятся в семье Дударевых, подаренных на 50-летие отца: «В жизни раз бывает 18 лет!» (слова из популярной тогда и очень душевной песни). Лидер на работе, она была лидером и у себя в семье. Мужа, низенького полного человека, З. Г. шутливо называла «Моя Саша». Филенкова знала, что когда мама в школе, то всё будет в полном порядке. Но на каждого мудреца, увы, бывает довольно простоты. Конфликт с другим завучем — В. К. Ковальской (у которой в девичестве была презабавнейшая редкая фамилия — Козаплюкова; вот только судьба у обладательницы смешной фамилии сложилась трагически) — завел обеих женщин в тупик. Как было принято в те времена, рассорившихся руководителей развели в другие школы. А вот на смену Филенковой пришел номенклатурный работник А. А. Захаров, лысоватый мужчина маленького роста с резким голосом и порывистыми движениями. Это делало его в чем-то очень похожим на известного в то время киногероя из нашумевшего фильма «Фантомас», отчего новому директору да-

ли кличку комиссар Жюв. Его отношения с родителями сразу не сложились. Спокойная независимость мамы и подчеркнутая, и порой даже вызывающая у отца вызвали однажды попытку их разлучить и вообще убрать из школы.

В советское время было понятие «семейственность», осуждавшее практику совместной работы в одном коллективе близких родственников. Им-то и воспользовался директор, решивший избавиться от намозолившей ему глаза пары, для чего пришлось изгнать из школы и другой семейный тандем — супругов Зверовских. Но мать и отец и не думали сдаваться. Они пожаловались в Обком КПСС заведующей отделом науки и школ В.Л. Новиковой. Вряд ли сейчас рядовой учитель сумел бы совладать с директорским произволом, примеров ко его так много в окружающей нас сегодня действительности. Но в советское время у него был шанс — пожаловаться в партийные органы. Воспользовавшиеся этим шансом родители имели успех. Не будем забывать, что их знали в городе, как классных специалистов, асов в своей профессии. Сработало знаменитое «телефонное право», о котором в нашем обществе остались не лучшие воспоминания. Но моим родителям оно помогло. Новикова позвонила директору и одернула зарвавшегося администратора. Тот утих и более не возобновлял попыток устранения неугодных подчиненных. После того, как отношения были, таким образом, выяснены, мама спокойно доработала в школе до пенсии.

Многолетней работе мамы в качестве завуча во многом способствовало не только её трудолюбие и упорство, но и твердый характер. И стойкость во время конфликта с директором лишний раз подтверждают это. Впрочем, мамин характер проявлялся не только на работе, но и в различных жизненных ситуациях.

Как-то в начале 1960-х годов она отправилась по так называемой курсовке в санаторий в г. Цхал-

тубо в Грузии. Это уже забытое слово означало то, что человек, получивший курсовку, лечился в санатории, но жил на частной квартире. Грузия, как известно, страна пылких, темпераментных мужчин. Они то и дело атаковали приехавших на отдых молодых женщин и девушек (их любимое выражение в момент попытки «закадрить»: «Мóди, мóди, кай гого!»)¹¹. Мамины товарки по санаторию пугались этих горячих, настойчивых наскоков, и она взяла на себя добровольную роль «дуэньи». Одна из местных женщин, увидев серьезный настрой мамы, посоветовала ей: «Если будут приставать, скажите — я из Кутаиси». Эти слова, вкупе с нахмуренными мамиными темными бровями, действовали на здешних биджо¹² поистине магически. Женская компания находилась под маминой защитой до самого её отъезда. И мама была молодцом, да и город Кутаиси, надо думать, заслуженно пользовался славой «крепкого места».

Этот рассказ можно считать достаточным поводом для того, чтобы от дел служебных перейти к маминым домашним делам и заботам. Впрочем, о них уже много было рассказано в предшествующих главах, и теперь моя задача заключается в том, чтобы достойно подвести черту под своим повествованием о том, кем же была мама в повседневной семейной жизни нашего дома.

После приобретения комнаты с галереей по ул. Коммунистической, 29 мои родители получили совершенно новое качество, которого они не имели до сих пор, потому что стали *хозяевами своего угла*, а мама соответственно превратилась в *хозяйку дома*. Это новое, появившееся у родителей чувство

¹¹ Иди, иди сюда, красивая девушка (груз.).

¹² Биджо (это слово точнее будет передать смешанным алфавитом, в сербском духе — бијо) — мальчик (груз.).

собственников я хорошо осознал после того, как, потеряв родительский кров, приобрел спустя 8,5 лет квартиру, в которой сейчас живу. Впрочем, ту потерю вряд ли можно чем-либо компенсировать, во всяком случае, морально.

Накопив денег, родители принялись впоследствии расширять и благоустраивать свое жилье. Но не стану повторяться в уже рассказанном. Главное было в том, что при всех развернувшихся с 1956 г. перестройках и ремонтах маме суждено было стать неотъемлемой частью всего этого долгого, страшно утомительного и, казалось, бесконечного процесса совершенствования быта. Мотором событий был отец, а главным «винтиком» в труде и поддержании порядка — мама. Не перечить, сколько ею вместе с отцом (при участии сестры, а гораздо позже — и моим) было перетаскано ведер с водой, песком, глиной и прочим, передвинуто, перетасчено, перевезено домашнего скарба и тому подобного. И всё это — несмотря её на больные ноги (мама страдала тромбозом), о которых не раз упоминается в письмах деда.

И когда всё уже утряслось, и жизнь, наконец-то, вошла в нормальную колею, мама была постоянно озабочена тем, чтобы везде в доме на окнах висели выстиранные симпатичные шторы, на стенах — какие-то небольшие и совсем недорогие, но приятные на взгляд эстампы и картины, которые периодически менялись, развешаны ковры, купленные тогда, когда материальное благосостояние семьи позволило это сделать. Мама обладала несомненным вкусом, и всё её оформление нашего жилища, включая статуэтки, пепельницы, вазочки и прочее, вместе с сюжетами картин (среднерусская природа, городские, морские пейзажи) создавало в доме уютную и спокойную атмосферу. Для того чтобы купить в дом или для членов семьи что-нибудь новенькое, в том числе, подарки на праздники или на дни рождения, мама периодически

совершала «набеги» на магазины, и если осенним или зимним вечером, особенно по выходным, мы вдруг обнаруживали, что её нет дома, то это было верным признаком того, что наша Зоя (как любил иногда называть маму отец) занимается, как сейчас принято выражаться, «шопингом». Но летом было не до этого. Когда завершилась стихия ремонтов и перестроек, мама и папа каждое лето, говоря словами тогдашних масс-медиа, «как и все советские люди», делали соленья и варенья. Главная роль в этом принадлежала маме, которая, как и накануне праздников, ложилась в эту страдную пору далеко за полночь. При этом маму нельзя было назвать фанаткой кухни, большой любительницей приготовления каких-либо кулинарных изысков. Но всё приготовленное ею, начиная от обычного борща и котлет и заканчивая пирогами и наливкой, было необыкновенно вкусным, сделанным с душой и мастерством. А простую жареную картошку с луком, с тонкой коричневой корочкой, сочную и ароматную, которую мама готовила до тех пор, пока не слегла, лучше неё не делал, как кажется, никто в целом мире.

При этом мама сама любила поесть, и делала это так аппетитно, что те домочадцы, которые наблюдали за этим зрелищем, не скрывали того, что и у них возникло немедленное желание чего-либо закусить. С удовольствием, скажем, пообедав, мама могла сказать с удовлетворением: «Красота!».

Вообще, она была великой труженицей. Когда к нам в гости впервые приехала тётя Зоя, она была поражена тем, сколько у мамы запасено настиранного и наглаженного белья. Словом, по части традиционных женских забот у мамы был полный порядок. Разумеется, когда мама ещё работала в школе, успевать на всех «фронтах» было крайне сложно, поэтому в ход шли и помощь нянь (в моём нежном возрасте), и пищевые полуфабрикаты. Но, выйдя на пенсию, мама полностью и без остатка

посвятила себя домашним хлопотам. Наша семья и семья моей сестры Ирины оказались ещё сильнее, чем раньше, согреты маминым вниманием. Старшая из дочерей Иры, Наташа, перекочевала к нам в дом и первые три класса начальной школы провела под ласковым бабушкиным крылом. Помню, как бывало, искупав Наташу, мама заворачивала её в простыню и со словами, запомнившимися от отца, Сергея Степановича: «*Ну-с, одевай бурнус и отправляйся к тятеньке!*», тащила её в спальню. Случалось и так, что в пристальных маминых заботах, уже будучи взрослым, нуждался и я. Учась на 3-м курсе института, я сильно простудился и несколько месяцев провел в мытарствах по разным лечебным учреждениям. И всё это время со мной преданно и терпеливо находилась мама, исходившая вместе с сыном километры по больницам, врачам, рентгенам и прочим достопримечательностям медицинских заведений. Её помощь и участие, в конце концов, заставили болезнь отступить.

Повседневные тяготы тем не менее никогда не лишали маму интереса к тому, что она любила с детства — книгам. Работая, она периодически находила возможность читать, а уйдя на пенсию, с удовольствием предавалась любимому занятию. Особенно ценила мама романы Л. Фейхтвангера, Г. Сенкевича, читая их неторопливо, смакуя перипетии сюжета и события из жизни героев, иногда делала подчеркивания в тексте, чтобы лучше запомнить мысль, произведшую на неё впечатление. Её любимым литературным героем стал Александр Македонский, яркие страницы из бурной жизни которого захватывали маму (исторический роман Л. Воронковой «В глубинах веков»). Читала она, иногда улыбаясь, а то и посмеиваясь от какого-то внутреннего удовольствия, получаемого в процессе чтения. Меня иногда спрашивали: «Как же так, родители — физик и биолог, отчего же ты

стал историком?». Вот эта мамина страсть к историческим романам и является, наверное, ответом на него. Но дело, думаю, не только в этом. Мама была человеком, очень приверженным к своим корням, прошлому, семейным воспоминаниям. Одними из важнейших свойств её натуры были связь с домашними традициями и уважение к родителям. Когда мама выходила замуж, то оставила свою фамилию — Фёдорова: у её отца не было сыновей, и маме хотелось сколь можно дольше продолжать его фамилию. Так же поступила и мамина сестра, Мария Сергеевна, тётя Маруся. Эти (и другие) качества маминого менталитета достались по наследству и мне. Не удивительно, что именно с мамой мы всегда были близки друг другу, обсуждая множество тем, ситуаций, семейных и личных секретов.

Не меньше маме нравилось смотреть телевизионные фильмы, тогдашние «сериалы», вроде «День за днём» и другие, о которых уже упоминалось выше, с удовольствием ожидая встречи с их персонажами. Жизненный опыт делал её понимание увиденного по особому заинтересованным, внимательным, точным. В то же время мама никогда не предавалась карикатурным переживаниям взалёб по поводу того, что произойдет в следующей серии. Фильмы были для неё некоей приятностью, отдушиной, но не превращались в то, что мы сейчас называем «виртуальной реальностью», которая нынче заменила многим самую реальность.

При всей своей сдержанности мама была человеком глубоко эмоциональным и впечатлительным. Не раз я замечал при просмотре ею фильмов слёзы в уголках маминых глаз. Не забыть её охваченность духом подлинной скорби, сдавленный от волнения голос при посещении Пискаревского мемориального кладбища в августе 1967 г. в Ленинграде. Папа, мама и я пришли туда с особым чувством ещё и потому, что, как нам тогда казалось,

где-то здесь, под этими гранитными плитами может покоиться близкий человек... Но, к счастью, это оказалось не так.

С маминой эмоциональностью очень сходится такая яркая черта её характера, как истовость. Она, например, проявилась в том, что мама была убеждённой, а не показной атеисткой. Это может показаться сейчас кому-то странным — внучка дьякона и дочь женщины, веровавшей в Бога до самых последних дней своей жизни¹³, была не просто неверующей, но убежденно и страстно отрицала существование высших сил. Общественное советское воспитание, полученное в 1920–1930-е годы, оказалось сильнее семейных корней и традиций. Преподаваемый мамой предмет включал в себя основы дарвинизма, и тема о происхождении всего живого на Земле, в том числе, разумеется, и человека, была одной из центральных, если не самой важной. Отчётливо чувствовалось, что все аргументы, приводимые мамой на уроке в пользу теории Дарвина, являлись неотъемлемой частью маминого мировоззрения. Но мама была готова говорить об этом не только на уроке, то есть, так сказать, «на публике». Я уже писал о том, что мы, возвращаясь с папой и мамой из поездки в Ленинград, заехали в г. Клинцы. Гости остановились в семье маминых дяди Васи (бабушкиного брата) и тети Дуси, в старом деревянном бревенчатом доме с резными наличниками. Старики не могли нарадоваться на приехавших родственников, от всей души хле-

¹³ Над кроватью бабушки Александры Гавриловны находилась маленькая икона-складень. В 1958 г., во время своего приезда в Кустанай внук Серёжа оставил под иконой маленький пластмассовый автомобиль с напутствием бабушке: «Я положил автомашину твоим боженятам, чтобы они иногда прокатнулись». Бабушка Шура держала посты и питалась в это время блюдами из сухих грибов, которые присылал из Клинцов её брат Василий.

босольно привечали племянницу и её близких. Но вот однажды, гуляя по двору в одиночестве, я подошел к окну, открытому в спальне хозяев, где, как мне уже было известно, висели представительные образа с лампадой. Оттуда доносились голоса мамы и Василия Гавриловича. О чем, бы вы думали, разговаривали люди, не видевшие друг друга с конца 1930-х годов, то есть, попросту, целую вечность? О том, есть ли Бог. Не трудно догадаться, на чём настаивал дядя Вася, сидя перед своим домашним иконостасом. Мама вежливо, но упорно и

У дома семьи Краснобаевых в Клинцах. На переднем плане (слева направо) — В. Г. Краснобаев и его супруга Евдокия, Л. И. Дударев. Сзади стоят — З. С. Фёдорова и члены семьи Краснобаевых. 1967 г.

без тени уступчивости старшему твердила своё — согласно учению Ивана Петровича Павлова того, о чём говорит её дядюшка, и быть не может.

При всём том, когда в 1956 г. бабушка Шура приехала погостить к родителям и крестила внука, никто и не пытался ей в этом препятствовать. К слову

сказать, отец в религиозных вопросах всегда хранил полное молчание, хотя, как и многие другие, мог сказать с облегчением: «Ну, слава тебе Господи!». Как явствует из писем моей сестры, отношение отца к религии было, как будто бы, скрыто-положительное, но я никогда не получил доказательств этого.

Мне бы очень хотелось сказать, что мамин максимализм также истово проявлялся и в её политических пристрастиях. И отчасти, это действительно было так. Мама и папа никогда не были ревностными сторонниками «кухонного» обсуждения изгибов общественной и внутривластной жизни и не любили особенно напористых критиканов и, уж конечно, злопыхателей. По поводу таких людей мама возмущенно говорила: «Как у нас ещё много *контры!*». В этом жёстком и суровом определении, взятом из большевистского лексикона, пожалуй, было чересчур много категоричности. К «контре» могли принадлежать и те (и их, наверное, было большинство), кто вовсе не был убежденным и последовательным антисоветчиком. Скорее, это были люди, готовые жить при любом режиме и точно также нелицеприятно его обсуждать¹⁴.

В то же время мама и папа никогда не имели иллюзий по поводу существующего государственного строя и веры, как говорил сам В. И. Ленин, в «чистенький, рождественский социализм». Мама ещё в юности, в начале 1930-х годов, насмотрелась на измученных, оборванных людей во вшах, встреченных ею на вокзалах, — беженцев из районов, охваченных голодом. Отец же, будучи моло-

¹⁴ Впрочем, когда сейчас по улицам бывших советских городов маршируют ветераны СС, а защитников Родины судят буржуазные «демократы», которые крушат памятники советским солдатам, есть все основания согласиться с маминим определением.

дым парнем, стал однажды свидетелем того, как у них в Куртамыше «раскулачили» обыкновенного учителя (!), т. е. попросту вывезли у него весь имеющийся домашний скарб — какой-то шкаф, личные вещи и т. п. Недаром от родителей ещё мальчишкой я услышал своего рода притчу: «Хороша советская власть! — сказал крестьянин, а сам заплакал-заплакал». Крестьянин — это соль земли Русской, и его настроения были, надо понимать, глубоко символичны для отца и матери. Но стоило мне, став взрослым, начать позволять себе в семье те или иные критические высказывания по поводу очевидных общественных изъянов, вроде бюрократизма, бесхозяйственности и тому подобного, родители тут же пресекали мое «вольномыслие» словами: «Ты не должен так говорить, ты же историк!». В их понимании профессия историка была связана с охранительностью и безусловной поддержкой существующих порядков и связанного с ними уклада. Разумеется, они не были одиночками в этом своем суждении.

Мать и отец были честными тружениками, которые жили, исполняя свой долг, являясь законопослушными гражданами и патриотами страны, без показухи и пафоса. Они делали любимое дело, растили детей, строили, веселились с друзьями, горевали, когда наступала минута скорби, потеря близких и друзей. Они были обыкновенными, простыми, живыми людьми. Воздерживаясь, как и многие, от того, чтобы громко роптать по поводу того, что их не устраивало в этой жизни, мама и папа тем не менее по-своему отчётливо продемонстрировали своеобразный нонконформизм, не вступив в ряды КПСС тогда, когда все подозрения, связанные с пленом отца, были уже сняты. И это притом, что в глубине души родителей гнездились воспоминания о страхе, который они пережили в молодые годы. В этом меня убеждает случай, имевший место в 1973 г. В начале февраля этого года к отцу

в школу зашел один из его бывших учеников Илья Аврутов, учившийся в г. Москве, в МГУ. Он приехал на каникулы в Грозный вместе со своим новым приятелем, англичанином Марком Брэйном. Папа пригласил ребят к нам домой. Ему было очень интересно поговорить с иностранцем, принять его у себя. Разумеется, и мы с мамой были охвачены любопытством. Иностранец, да ещё «с доставкой на дом» — это была очень большая редкость в то время, да ещё в «провинции».

Марк оказался человеком высокого роста (192 см) с прекрасным, свежим цветом лица и очень хорошим русским произношением (он был студентом-филологом, приехавшим стажироваться в лучший советский ВУЗ). Англичанин выглядел немного экстравагантно в своей длиннополой солдатской шинели (купил её по дешевке у какого-то британского «дембеля»). Весь вечер мы просидели за столом, угощая Илью и Марка коньяком, чаем и тортом, на котором искусными руками кондитера была сооружена лесная поляна с грибами, вели разговоры на различные темы, не затрагивая, впрочем, вопросы политики. Только в самом конце, когда Марк и его друг уже собирались уходить, родители, немного позабавив меня этим, высказали пожелание английскому гостю не говорить ничего плохого о нашей стране по Би-Би-Си (юноша из Великобритании рассказал, что собирается стать журналистом). Кстати, почему именно на этой радиостанции? Она была одним из самых ярких синонимов антисоветской пропаганды Запада. Было даже такое насмешливо-ироническое выражение о журналистах с BBC — «бибисята». Марк охотно и с серьезным видом заверил папу и маму, что он, конечно же, не скажет ничего дурного об СССР, поездка в который была для него очень познавательна. Ведь одна его родственница уверяла Марка в том, что в России по улицам ходят медведи и мужики в красных рубахах...

Вскоре после этой встречи я получил повестку из МВД. Родители, всполошившись, позвонили П.А. Пальчикову и стали расспрашивать, что же за служба находится в комнате № такой-то. Павел Александрович со значением в голосе сообщил, что там находится *иностраный отдел*. Боже, что тут началось! Мама, не жалея эмоций и слов, горячо упрекала папу в том, что он «привел к нам этого англичанина», за что в прошлые времена «припаяли бы десятку!», т. е. дали бы десять лет лишения свободы. Отец, потрясенный, молчал, не зная, что сказать.

Но трагикомизм ситуации, как оказалось, заключался в том, что уважаемый друг семьи то ли ошибся номером комнаты, то ли сей таинственный отдел к 1973 г. переехал в другое помещение. В указанной же в повестке комнате сидела скромная девушка-инспектор, которая занималась сыском «беглых» выпускников ЧИГУ, не явившихся по распределению на место работы (в те времена практиковалось и такое!). К их числу относился и мой тогдашний приятель и бывший сокурсник Валерий Б., о котором меня-то и хотели расспросить. Тревога оказалась ложной. Но сколько переживаний доставила она родителям!

Думаю, что именно этот затаенный страх заставил родителей промолчать о том, что в конце августа 1958 г. отец был со мной на площади, где бушевала толпа, взявшая местную партийную «твердыню». Они, как мне кажется, решили забыть об этом факте, вычеркнув себя из числа свидетелей этого падения «обители богов». Сами события почти не обсуждались отцом и матерью даже много лет спустя, лишь сестра рассказала о том, что видела на улицах города в те дни.

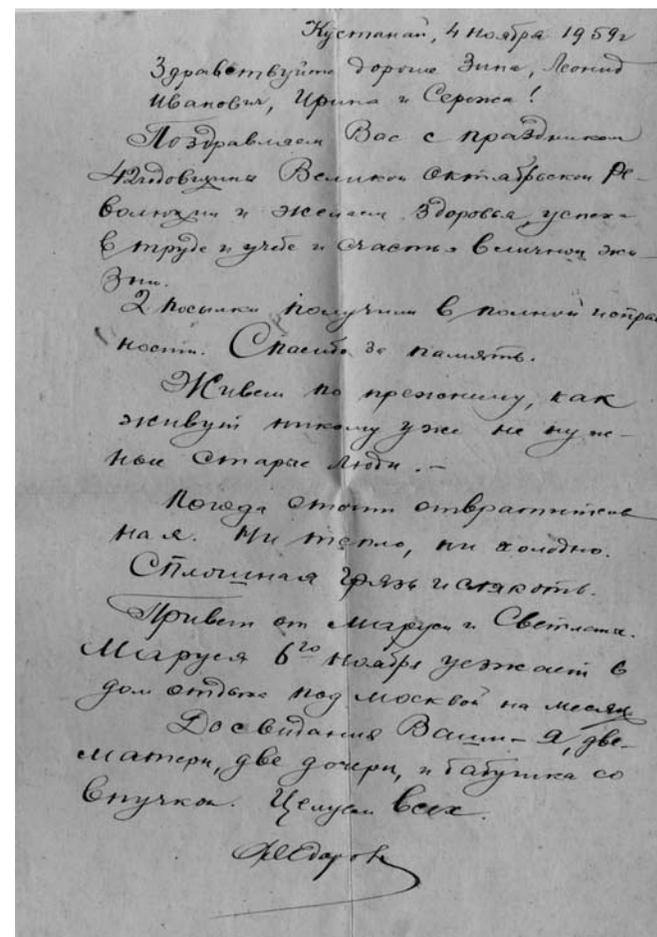
Меня могут обвинить в чрезмерном преувеличении родительских фобий, в том, что я придумал эту защитную реакцию — «забывчивость» отца и матери. Но вряд ли стоит не принимать во вни-

мание то, что долгое время отец не получал полной реабилитации, как бывший военнопленный. К тому же люди, прошедшие сталинскую эпоху и хлебнувшие испытаний, навсегда запомнили правило, начертанное на одном из плакатов того времени, — «Не болтай!». Впрочем, что уж там конец 1950-х... И тридцать лет спустя, в конце 1980-х годов, в период разгара (а теперь в пору сказать — разгула) перестройки, когда, казалось бы, старые кумиры были окончательно низринуты со своих пьедесталов (пока виртуально, но через 3–4 года — и вполне реально), люди старшего поколения нередко были все ещё скупы на оценки и воспоминания, а то и вовсе избегали их. Когда к моей теще, Нине Николаевне Яблонской, в 1987 г. обратились с просьбой рассказать историю об аресте её отца, Н. И. Яблонского, расстрелянного летом рокового 1937 г., она заплакала и попросила больше никогда не беспокоить её такими расспросами.

После этого отступления, без которого мое описание жизни мамы и папы было бы в чём-то не полным, вернемся к моим родственникам по материнской линии.

Увлечшись характеристикой моей дорогой родительницы, я совершенно упустил из виду дальнейшую судьбу её стариков. О последнем периоде их жизни мне, в какой-то степени, известно из писем деда, отправляемых моим родителям в 1956–1961 гг. и чудом сохранившихся во время переезда из Чечни. В эти годы старики Фёдоровы вели тихое, неспешное существование среди своих повседневных забот — присматривали за домом (и они, и тётя Маруся с дочерью Светланой жили теперь отдельно в куда лучших условиях, чем прежде, получив квартиры), ухаживали за живностью, которую особенно любила бабушка, — утками, курами, поросятами. Она холила их и оберегала их покой. Когда мне в 1958 г. случалось, бывало, пого-

нять её птиц, бабушка Александра Гавриловна выбегала на крыльцо и кричала мне: «Нехай жрать!». Сергей Степанович слушал радио и читал газеты. В письмах деда, выполненных изысканной дореволюционной каллиграфией с росчерками и завитушками, да ещё с применением старых норм вроде «ея», вместо «её», сквозило живое желание побольше узнать и о нашей жизни, об успехах вну-

С. Л. Дударев

Это было
недавно,
это было
давно...

ков, которые тогда поступили в институт (моя сестра Ирина) и школу (будущий автор этих воспоминаний), отношениях с соседями. В свою очередь, дедушка сообщал простые домашние новости да время от времени жаловался на ухудшающееся здоровье — свое и бабушкино, и делал это с минорным юмором: «Живем мы хорошо, но здоровье наше плохое». Но когда хандра таки брала верх, то дед с тихой тоской жаловался: «Живем по-прежнему, как живут никому уже не нужные старые люди», что, было, пожалуй, преувеличением, свойственным возрасту (Мария, Светлана и наша семья не забывали о них), но по-человечески по-

Так выглядели почтовые конверты советской эпохи.

нятным. Уходили из жизни бывшие друзья, знакомые, сослуживцы, соседи, пенсионера понемногу забывали на прежней работе... В тон старческому пессимизму была и погода: «...отвратительная. Ни тепло, ни холодно. Сплошная слякоть и грязь». Прочие беды и жалобы у стариков Фёдоровых бы-

ли в чём-то похожи на те, что и у нынешних пенсионеров. В декабре 1956 г. дед жаловался на то, что в Горсобесе потеряли его документы на оформление пенсии, собранные с таким трудом. Дедушка и бабушка обменивались с родителями посылками, в которых были продукты и товары, которые было трудно достать в Грозном или Кустанае. Например, старики просили выслать им дрожжи, которых не было в их городе (!). Нынешний выбор товаров и продуктов в магазинах куда как велик, но их не купить на нынешние пенсии большинства стариков.

Несмотря на возрастную минор, дедушка бодрился и порой забавно шутил, демонстрируя владение своеобразным и внушающим уважение стилем. Уже в следующем письме он так, например, комментировал отказ внучкой Светланой молодому человеку, неудачно претендовавшему на её руку: «Правда, был у ней ещё знакомый — Лёша. Светлана, кажется, знакомила тебя, Зина [дедушка обращается к маме], с ним, когда ты была в Кустанае, но ты дала ему характеристику «страшноватый» — и эта твоя характеристика оказалась для него роковой, — Светлана не приняла его сватов». А в оценке счастливого соискателя Светланиной благосклонности, Николая Москвитина, за которого она вышла замуж, звучат саркастические нотки: «Образование у Николая, конечно, низшее, по профессии — шофёр. Трезвенник — это, несомненно, качество положительное». Когда у Светланы и Николая родился сын Володя, дедушка одной фразой ёмко описал первый период его жизни так: «Вольдемар растёт — ему уже два месяца». Иные бытовые подробности тоже освещались добродушно-насмешливо: «Куры и утки стали совсем большие и вполне съедобные, но мать всё жалеет», «Просить вас писать не смеем, считая, что это для вас очень трудная обязанность». В письме от 28.09.58, написанном дедом менее чем за месяц до своего 70-летия, можно прочитать: «Вот никогда не думал столько отгрякать».

Эти его почерк, стиль, склонность к юмору с грустинкой выдавали человека старинной закалки, начитанного, интеллигентного по натуре, деликатного, но в то же время простого и прямого. Впрочем, закалка деда, в которой были совершенно явные «старорежимные» корни, сочеталась с тем, что он мог в письме к внуку употребить, как сказали бы нынешние скептики, пафосную формулу, звучащую, однако, совершенно искренне: «Очень хорошо, что ты доволен своими весенними каникулами, а ещё лучше, что ты принимал участие в сборе металлолома, чем помогал нашей дорогой Советской родине».

Бабушка, добрая, отзывчивая, открытая, светлая и говорливая, немного беспашанная, была ему противоположностью. Приехав к родителям в гости, она перезнакомилась со всеми соседями, обошла всё вокруг, побывала на базаре, где восхитилась тем, что там продавали вино на разлив. «Выпей, Зина, легче станет», — советовала бабулька маме в качестве лекарства для преодоления жизненных невзгод. «Что ты, мама!» — ужасалась в ответ та. Видно, даже в страшном сне мама не могла себе представить эту картину — учительница, заместитель директора центральной школы у бочки с разливным вином на базаре... Впрочем, когда прошли годы, я заметил, что на склоне лет мама очень даже оценила свою собственную продукцию — наливочку, к которой нет-нет, да и прикладывалась. Как бы то ни было, а жизнь старших Фёдоровых, увы, катилась, к своему концу. В 1961 г. ушла из жизни бабушка. Ей было 69 лет. По-своему, по-стариковски, она предчувствовала свой уход и как-то буднично ожидала его. Года за два до смерти бабушки Шуры дед писал родителям, легонько подтрунивая над своей спутницей жизни: «Около нашего дома носят на кладбище покойников. Она [т.е. бабушка] выбегает за каждым и всё время ноет, что вот и её

скоро понесут». Но тон сообщений становился всё серьезнее, и вот в письме от 2 августа 1961 г., которое пришло, как я теперь понимаю, уже после смерти бабушки, дед скупно, но с едва скрываемой болью, описывает свалившиеся на них беды: болезнь зятя, который должен был потерять почку, а потом случившийся у бабушки приступ острой кишечной боли, приведший её на больничную койку. В заключение повествования о болезни жены дедушка коротко и печально внезапно констатировал, как обрубал: «Вообще за благополучный исход 10%». И добавил, предчувствуя близкую развязку: «О последующем письменно или телеграфно». Телеграмма опередила самоё письмо...

Похороны бабушки — А. Г. Краснобаевой — в 1961 г. В центре снимка (слева направо) — тётя М. С. Фёдорова, дед С. С. Фёдоров, двоюродная сестра С. Москвитина. Четвертая справа — мама З. С. Фёдорова.

После случившегося дед не прожил и года, хотя формальной причиной был цирроз печени — болезнь любителей выпить, в чем дед не был замечен никогда (сыграла свою роль малярия, перенесенная в гражданскую?). Старики привязаны друг к другу, и смерть одного супруга часто влечёт за собой смерть другого. Дедушке и бабушке было не суждено упокоиться рядом. Их могилки расположены друг против друга — через дорогу.

Не в пример этому правилу мама пережила отца на 7 лет. Его смерть нанесла урон здоровью мамы, которое начало слабеть ещё с конца 1970-х годов. Но она со своим сильным характером пыталась сопротивляться обстоятельствам и ещё полных два года после кончины папы занималась тем же, что и прежде, — репетиторствовала с учениками. Ознакомившись с сохранившимся у меня дневником её учетных записей, я убедился в том, что похороны всего на 10 дней отвлекли её от обычного хода занятий. Нужно было продолжать жить. Да и деньги ни в какие времена не были лишними пенсионеру. Впрочем, мама не копила и не собирала их. Она по-прежнему помогала дочери, которая к этому времени уже давно одна воспитывала двоих детей. Но что наиболее примечательно, мама, несмотря на перенесенное несчастье, продолжала оставаться женщиной. Какое-то время после смерти отца она ещё продолжала шить себе платья (!), в которых уже почти никуда не выходила, да и не могла выходить. Это, как мне думается, согревало маме душу, подавало какую-то надежду или было некоей игрой, которая поддерживала интерес к жизни. На новых внуков уже не было сил. Мама с теплой улыбкой, сидя на кровати, смотрела на то, как теперь уже я несу в спальню после купания завернутую в простынку свою дочку Леночку, и говорила ласковые слова, а то и кормила внучку приготовленной картошкой с мясом.

Но в 1987 г. случилась беда — мама сломала ногу, упав во дворе. Её удалось поднять на ноги, и мама ещё изредка, эпизодически в течение трех лет поддерживала себя привычной и любимой ею работой. В том, насколько это важно для человека, привыкшего быть в строю, даже в пожилом возрасте, я ещё раз убедился, живя уже в Армавире. Покойный ныне профессор В.Т. Сиротенко, которому было уже под 90 лет, все ещё стремился работать на кафедре всеобщей истории, быть среди людей, не желая замыкаться дома в четырех стенах. «Иначе с ума можно сойти», — говаривал он.

Тётя — Мария Сергеевна Фёдорова — в наши дни.

Болезнь свалила маму в августе 1991-го. И произошло это по роковому совпадению 24.08, в тот день, когда на главной площади Грозного — площади им. В.И. Ленина — был свергнут памятник вождю пролетариата, сорванный с постамента подъемным краном членами ВДП — Вайнахской

С. Л. Дударев

Это было
недавно,
это было
давно...

демократической партии. Это глубоко символическое совпадение фактически подвело черту под всей предшествовавшей жизнью семьи Дударевых (как и тысяч других семей) в городе Грозном. Всё то, что произошло чуть позже, было не более чем агонией. Но поговорим о последних днях и месяцах в Грозном позже.

Двоюродная сестра —
Светлана
Петровна
Москвитина —
в последние
годы жизни.

...Мама не стало 9 декабря 1991 г. около 18 часов. Я взял её уже неживые, но бесконечно родные и любимые руки с твердыми, крепкими, натруженными за долгие годы ладонями, которые умели быть такими ласковыми и нежными, такими бесконечно добрыми. Гулкая пустота в сердце. Всё кончено. Прощай, мама. Я тебя никогда не забуду, я тебя никогда не увижу...

Со смертью мамы душа нашего дома отлетела, и он стал лишь пустой оболочкой, в которой временно хранились вещи да судорожно мелькали воспоминания. Я смотрел на знакомые стены и понимал, что всё это вот-вот закончится навсегда.

Впрочем, история семьи Фёдоровых, частью которой до последних своих дней была мама, на этом, конечно же, не завершилась. Моя тётя Маруся в 92 года является патриархом семей своих внуков, которые подарили ей и нескольких правнуков. В своей глубокой старости она поистине счастливый человек. За плечами Марии Сергеевны Фёдоровой — долгая и трудная жизнь, которая, как и история моих родителей, как в капле воды, отразила многое из того, что было со всей страной. После гибели мужа на фронте нужно было продолжать жить. Тётя Маруся, закончив курсы, стала работать товароведом. Поставила на ноги дочь Светлану, закончившую два техникума и пошедшую по стопам матери. Советская власть не забыла о жене погибшего на войне танкиста. В 1970 г. вышедшей на пенсию тёте выделили 4-комнатную квартиру, в которую она, после землянок и прочих трупоб, с радостью вселилась с дочерью, зятем и двумя внуками — Володей и Людой. Впереди у бабушки Маруси — кавалера нескольких медалей — была, как будто, спокойная и обеспеченная старость в кругу родных. Но провидению было суждено распорядиться иначе. Сбитая на улице машиной, тётя Маруся еле выжила в реанимации и превратилась на всю

Глава 4.

Мать и семья
Фёдоровых

С. Л. Дударев

Это было
недавно,
это было
давно...

оставшуюся жизнь в инвалида. В 1996 г. от рака умирает дочь Светлана. Сколько же ударов судьбы обрушилось на Марию Сергеевну! Но она и по сей день среди своего потомства, которое является истинным смыслом ей жизни. Годы летят, внуки Денис и Валентина уже закончили университет, Алёна — студентка университета, внук Серёжа — в 10-м классе. И всё это время с ними была их бабушка Маруся, согревавшая их своим теплом, лаской и заботой, сколько могла. Она — символ всей семьи Фёдоровых, которым никогда не было свойственно сгибаться под тяжестью испытаний. Спокойно, терпеливо, размеренно, пожитейски мудро идёт бабушка Маруся навстречу времени. Дай Бог ей — хранительнице фёдоровских традиций — увидеть ещё и праправнуков, а её близким — счастья и удачи.

Глава 5.

Прошло уже достаточно лет, чтобы события из моей жизни или жизни моей сестры стали уже тем прошлым, на которое можно посмотреть другими глазами и, в самом деле, заметить там то, что трудно было увидеть, понять, осознать в молодости. То, что было написано мною о родителях, далось непросто. Как и на каких весах взвесить их жизненный путь? Писать теперь о себе ещё сложнее. Что важно и что не столь важно? Где черта между этим? И ещё труднее писать о сестре. Почему? Путь родителей, прошедших через серьезные испытания вместе со страной, был наполнен некоей самоочевидностью, правдой жизни, её противоречиями, борьбой и верой в будущее. Жизнь сестры была более интимной, связанной с личными переживаниями, мечтами и надеждами, успехами и неудачами. Выносить их на суд потомства я не вправе. Поэтому те наброски, которые предстанут перед читателем

ИРИНА И СЕРГЕЙ ДУДАРЕВЫ

*Как молоды мы были,
Как искренно любили,
Как искренно любили,
Как верили в себя.*

Из песни.

*История — это то, что одно время
замечает в другом.*

Якоб Буркхардт.

*Люди, пережившие Революцию
и Империю, узнали, что цивилизация
может умереть, и узнали они это
не из книг.*

Люсьен Февр.

С. Л. Дударев

Это было
недавно,
это было
давно...

ниже, дадут лишь самое общее представление об этом близком мне человеке.

Моя сестра — Ирина Леонидовна Дударева — появилась на свет 9 сентября 1939 г. в г. Клинцах Брянской области, на маминой родине. Её раннее детство прошло во время Великой Отечественной войны в Казахстане, в г. Кустанае, где она жила с матерью у дедушки и бабушки. Когда отец, демобилизовавшись из армии, позвал жену и дочь в Грозный, они приехали туда в 1946 г. Отрочество и юность Иры прошли на Ивановском переулке, улице Татарской, а затем — на улице Коммунистической. Как и всех старших сестёр, её не миновала участь няни при младшем брате. Недаром в народе говорят: «Сначала нянька, потом лялька». Появление сестры на улице с младшим братом в коляске не осталось незамеченным соседями. Её стали называть «маленькая мама». Особо пристальное внимание к «маленькой маме» стали проявлять подростки с нашей улицы, которые хороводом крутились вокруг весёлой, непосредственной, кокетливой девчонки с игривой щелочкой в верхнем ряду зубов. Желая заслужить благосклонность Иры, мальчишки вихрем катили коляску с её братишкой по улице. Как эта крохотная, деревянная, с перильцами и маленькими колесиками тележка выдерживала их стремительный, юный напор, непонятно. Но сестренка не жаловала никого из уличных рыцарей особым вниманием, хотя этот ажиотаж ей, похоже, нравился. Она была погружена в мир своих девических мечтаний, чтение книг, любила напевать тогдашние шлягеры. В память врезался образ героини одной такой песенки: *«Она ошибки делает в письме, / И у неё проказы на уме... / Ай-яй-яй-яй, ну что за девчонка, / Всегда сейчас же сыщёт ответ, / Всегда смеется звонко»*. Эта проказница была в чем-то близка характеру сестры. А ещё Иру на улице парни одно время звали Сильвой. Пожалуй, кличка подходила сестре, своей жи-

востью и блеском карих глаз напоминавшей персонаж популярного фильма-оперетты.

В 1958 г. Ирина поступила на инъяз местного педагогического института. Годы учебы сестры в институте были близки студенческой поре многих из тех, кто прошёл через аудитории вузов. Я не столь много запомнил из этих лет — у брата и сестры с

И. Дударева (первая справа в верхнем ряду) на практике в пионерском лагере «Ручеёк» в сел. Сержень-Юрт (ЧИАССР). 1-й справа в первом ряду — её будущий супруг Н. Бельмас.

Глава 5.

Ирина
и Сергей
Дударевы

С. Л. Дударев

Это было
недавно,
это было
давно...

12-летней разницей в возрасте не скоро возникают общие интересы и темы для разговоров. До меня, мальчишки, долетали обрывки фраз, мелькали лица подруг и кавалеров. Со студентами случались веселые истории, рассказы о которых иногда западали мне в память. Строгостью по отношению к своим подопечным отличался латинист Петренко, преподаватель, которого ещё я застал как сотрудник того же вуза лет этак через 15. Накануне экзаменов он желчно советовал студентам: «Ищите на Сунже место поглубже!» — надеяться на благополучный исход испытания было-де незачем. Но студенческая смелость берёт не то, что города, но и взыскательных экзаменаторов. Одна из подруг Иры на экзамене по литературе, видя, что дела её совсем плохи, начала отчаянно и громко декламировать вовсе не относящиеся к делу стихи великого

Ирина
Дударева
в начале
1960-х гг.

казахского акына (поэта) Абая Кунанбаева. Преподаватель, принимавший экзамен, буквально взмолился: «Идите! Идите! Четыре! Четыре!». Не могу назвать сестру «зубрилой», особенно если дело касалось таких предметов, как история КПСС. Доцент В. В. Варлашкин¹, бывало, бросал ей на заня-

тиях: «Дударева, Дударева, смешочками отделяетесь!». Забавные случаи бывали и на педагогической практике. В средней школе № 2 известная учительница использовала методику, именуемую словосочетанием «Английский в песнях». Во время урока она, напевая, поочередно обращалась к ученикам со словами: «What is your name?». Те в ответ по-английски напевали свои имена: «My name is... (Петя, Коля, Наташа и т. д.). Наконец, когда дело доходило до самой учительницы, то она гордо вопрошала: «What is my name?». Дети хором громко пищали: «Your name is Vera Vasil'evna Zhvakina!».

Конечно же, студенческий быт сестры и её подруг не ограничивался учебной аудиторией и читальным залом. Они любили ходить вместе на танцы и концерты в местную филармонию, на которых шутки ради (о чем я уже упоминал) стремились познакомиться с приезжими артистами. В орбите сестры вращались и молодые люди. Знакомству с ними Ирина не придавала особого значения, хотя ей не было безразлично «внутреннее содержание» парня, с которым сестра проводила время. Если ухажёр при посещении концерта или серьезного фильма начинал зевать и оглядываться по сторонам, то его ждала скорая «отставка». Обсудить же что-то интересное из области, скажем, изобразительного искусства Ира могла с кем-то из своих воздыхателей у нас дома с альбомом репродукций в руках. У неё была небольшая, но интересная подборка альбомов американского искусства, в том числе, Рокуэлла Кента, художников эпохи Возрождения, репродукции русских художников

¹ Мир удивительно тесен. Когда-то в молодости именно Владимир Васильевич познакомил моих будущих тестя и тещу — В. И. Синельникова и Н. Н. Яблонскую, что впоследствии привело к их браку и рождению девочки Иры, ставшей много лет спустя моей женой.

Глава 5.

Ирина
и Сергей
Дударевы

С. Л. Дударев

Это было
недавно,
это было
давно...

(Врубель) и ряда других всемирно известных мастеров. В библиотеке сестры были произведения Л. Н. Толстого, Горького, Чехова, Стендаля, Мери-ме и многих других писателей. Впрочем, в «фаворитах» у сестры не удавалось долго удержаться и интеллектуалам. Моя сестрёнка ждала. Теперь мне не трудно сказать, кого. Конечно же, принца. И вот этот «принц» появился на её горизонте и сразу перевернул всю Ирину жизнь. Это был некто Борис Воробьёв, приехавший из Подмосковья в гости к друзьям. Высокий, плечистый, с прекрасной фигурой (у парня было несколько спортивных разрядов), немногословный, знающий себе цену, он скромно ходил в черной рубаше и брюках. За плечами Бориса была служба на флоте. Молодой че-

И. Л. Дударева
в 1970-е гг.

овек работал инструктором по спорту на турбазе в своем посёлке ТОС (аббревиатура от «торфяная опытная станция») в Калининской (теперь Тверской) области. Он жил с матерью (отец погиб в ГУ-ЛАГе) и был очень беден. Зато Борис был полон творческих планов — его манила карьера писате-

ля. Держался парень независимо и любил называть Ленинград Питером.

В одну минуту он затмил собой Ирине всё на свете. Борис уехал, после чего последовала бурная переписка. Родители, думая (и не напрасно), что этот роман не будет иметь счастливого продолжения, стремились ей помешать. Но всё было зря. Вспыхнувшее чувство находилось в самом разгаре, и изменить что-либо оказалось невозможно. Избранник приехал за сестрой и увез её. Не знаю, испытывал ли Борис к Ирине те же чувства, что и она. Скорее всего, его подкупала восторженность девушки, в первый раз влюбившейся столь безоглядно.

Маленький поселок, в котором теперь жила сестра (мне удалось побывать в нём в 1966 г.) был типичным населённым пунктом российской глубинки, даром, что и Москва, и Калинин (ныне Тверь) были достаточно близко. Рядом с ТОСом находилась Городня, деревня, описанная А. Н. Радищевым в «Путешествии из Петербурга в Москву». Словом, места, вошедшие в отечественную литературу, были под боком. Но вот в деревне на противоположном от ТОСа берегу Волги ещё не было электричества. Многие местные жители, прежде всего женщины, работали на разработке торфа (откуда их колоритное здешнее производственное прозвище — «торфúшки»). Народ, как водится на Руси, был склонен к выпивке. Один местный Ромео (как рассказывала однажды Ира), хорошо подгуляв, бегал за предметом своих чувств, выкрикивая: «Маша, я тебя люблю... твою мать!». Этакое признание в любви по-русски. Все друг друга знали как облупленные и, конечно же, обсуждали все подробности жизни соседей и знакомых. Но с милым, как известно, рай и в шалаше. Впрочем, года через два (может меньше) он закончился. Сестра ушла от Бориса на квартиру при местной школе, где она преподавала английский язык. Как-то по прошествии времени, мама так резюмировала произошедшее: «Не нуж-

Глава 5.

Ирина
и Сергей
Дударевы

на она была ему». Мать Бориса, простая и хорошая женщина, переживала расставание сына и невестки. Разрушение семьи сына по какому-то роковому стечению обстоятельств совпало и с её собственной гибелью — свекровь Иры попала на улице под машину и перед смертью всё причитала о своём сыне...

Вскоре Ирина, приехав погостить в Грозный, встретила с Николаем, парнем, с которым была знакома до встречи с Борисом. После её отъезда Николай пришел к родителям и признался в том, что любит Иру и хочет ехать к ней....

Так началась история новой семьи, в которой уже появились дети — Наташа, а потом и Зоя. Перебравшись в Грозный, сестра с мужем зажили в доме его матери. Но ещё какое-то время Ира следила за жизнью Бориса, который, женившись на женщине с ребёнком, переехал в Москву. В конце 1960-х годов в столице вышел маленький сборник рассказов о животных, в котором был напечатан и рассказ, написанный бывшим мужем сестры. Она где-то раздобыла эту книжечку, с любопытством перечитывала её и показывала мне.

Но оставлю пока Ирину в типичном грозненском дворике на одной из улиц в районе железнодорожного вокзала и перейду к некоторым событиям из моей школьной, а затем и взрослой жизни.

Школьные годы — это, пожалуй, особая тема, к которой я возможно ещё когда-нибудь и обращусь. Сейчас же для меня наиболее интересны те их эпизоды, в которых имели отзвук события, происходившие в стране и мире. Они, так или иначе, повлияли на мое тогдашнее мировосприятие, воспитанное в «октябратстве», пионерии и комсомоле. Позволю себе свою краткую хронику конца 1950–1960-х годов.

1959–1960 гг. На Кубе происходит народная революция. К власти приходят Фидель Кастро и его сподвижники. Они в газетах, кинохронике, в телепередачах. «Барбудос» [бородачи — исп.], с

одной стороны, служат темой школьных и уличных песенок и анекдотов, а позже и иронических разговоров (Фидель и его «кастраты» — от фамилии Кастро, но с намеком, который, впрочем, вряд ли можно считать справедливым). С другой — в подсознание запало неподдельное восхищение этими молодыми, задорными, боевыми ребятами. То, насколько хорошо образы команданте Фиделя, Эрнесто Гевары по прозвищу Че² и других кубинских революционеров запали в душу нам, детям, показал мне следующий факт. Когда один мой друг побывал на Кубе в начале 2000-х годов привез с собой оттуда фотографии и открытки, я без труда узнал на одной из них человека, которого сейчас вспомнит далеко не каждый мой современник — Камило Сьенфуэгоса, сподвижника Фиделя и Че, погибшего в авиакатастрофе. В памяти и сердце остались и огненные слова тех лет: «Viva Cuba!» («Да здравствует Куба!»), «Patria o muerte!» («Родина или смерть!»), «Venseremos!» («Мы победим!»), песня «Куба, любовь моя!».

1961 год. — 12 апреля в космос полетел советский человек. Весть о подвиге простого парня из Гжатска мгновенно облетела страну. Запомнилась атмосфера всеобщего подъема. Утром этого дня я пришел в школу. Идя по коридору, как и другие ученики, задрал голову вверх, к высокому потолку, на котором прилепился большой шарик из пластилина, заброшенный туда кем-то из детей. В толпе мальчишек закричали: «Вон, Гагарин летит!».

1961 год. Мне 9 лет. Идет XXII съезд КПСС. Я знаю об этом из газет, попадающихся на гла-

² В Аргентине, откуда родом был великий революционер XX в., это популярное словечко означает «ну». Я бы сравнил его по степени употребляемости с грузинским «ара», т.е. «нет», которое сами грузины произносят по делу и без дела, сами не осознавая этого.

С. Л. Дударев

Это было
недавно,
это было
давно...

за при самых обыденных обстоятельствах. В них, в частности, пишут о разоблачении культа личности И. В. Сталина. Меня завораживает доклад Н. С. Хрущёва, где речь идет об убийстве С. М. Кирова. Именно тогда я впервые почувствовал то негодование, которое все больше прорастало во мне с годами, по мере того как я все больше узнавал о преступлениях сталинизма. В одно утро я иду в школу и прохожу мимо места, где прежде стоял памятник «вождю и учителю всех народов», лицевой стороной обращенный к русскому драмтеатру им. М. Ю. Лермонтова (слева от памятника был Республиканский дворец пионеров и школьников, справа — средняя школа № 2), и вижу, что

Группа преподавателей и сотрудников ЧИГУ (слева направо): доценты А. М. Багдасарян, В. И. Синельников, М. П. Павлов (ректор), профессор В. Т. Чунтулов (гость вуза). 3-й справа — доцент С. О. Зоев.

памятника уже нет, а есть только клумба позади него, усеянная мелкими осколками гранитного постамента, снесенного, как и памятник, под покровом ночи. Несколько кусочков я приношу к себе во дворик и бросаю там под деревом. Зачем, и сам не могу сказать. Пройдут годы, и памятники в

Грозном будут свергать открыто, гласно, при свете дня. Но вот парадокс — это будет не символом свободы, а преддверием к бандитскому притеснению и угнетению.

1963 год. Вечером 22 октября приемник приносит сообщение об убийстве президента США Джона Кеннеди. Я наутро, глубокомысленно оценивая событие, говорю своей соседке по парте: «Одним гадом меньше». Оля мне в ответ: «Да нет, он, говорят, хорошим был». В кадрах кинохроники в кинотеатрах — рыдающие американцы. Это озадачивает. Через четыре года спустя я прочел в газетах о расследованиях прокурора Нового Орлеана Гаррисона. Своим мальчишеским умом я понемногу

Глава 5.

Ирина
и Сергей
Дударевы

Чечено-Ингушский государственный университет.

начал понимать, что в истории с гибелью Кеннеди, и в самом деле, всё было очень и очень непросто.

1964 год. С занимаемых им должностей снят Н. С. Хрущёв [на Октябрьском пленуме ЦК КПСС]. В народе ходят стихота: «Товарищ, верь, взойдет она, на водку прежняя цена, и на селедку бу-

дет скидка. Ушел на пенсию Никитка». Конечно, анекдоты о Хрущёве ходили и раньше. Экстравагантные выходки руководителя страны отразились и в такой песенке (я услышал её в знакомой компании Колесниковых) — перифразе популярной тогда песни «Огонек»: *«Я ходил среди скал и Хрущёва искал, а Хрущёв среди скал кукурузу искал. Припев: «Огонек, огонек...».* Но вот когда Никита Сергеевич был смещен, у нас в школе ходила целая поэма о его карьере. Приведу показательный отрывок из неё: [повествуется о победе Н. С. над конкурентами и далее] *«А Никита, словно птица, стал летать по заграницам. И куда б он не летал, всем подарки он давал. Там дворец, тому заводик, там пшеницы парходик. Так он грабил свой народ, чтоб чужой кормился сброд».* Как видим, для части нашей аудитории был вовсе не свойственен пролетарский интернационализм. Впрочем, по поводу героической Кубы тоже запомнились слова из уличной песенки: *«Куба, отдай наш хлеб, Куба, возьми свой сахар...».*

1966 год. В Китае началась «культурная революция». В этой стране, судя по нашим газетам, — антисоветская истерия. Даже на автомобилях советских марок навешаны надписи — «ревизионистская» [машина]. Среди людей ходит песня В. Высоцкого: *«Возле города Пекина ходят-бродят хунвэйбины, / И старинные картины ищут-рыщут хунвэйбины. / Хоть и знаю отлично я, как они произносятся, / Но что-то весьма неприличное на язык ко мне просится — хуунвэйбины...».* Мои товарищи в тон песне пишут на партах забавные надписи и стишки... Это ироническое отношение укрепляет у молодых людей и подборка цитат Мао Цзедунa, изданная позже у нас в стране. Среди них и такое высказывание «великого кормчего»: *«Говорят, что Китай миролюбив. Это неправда. На самом деле Китай любит подраться. Вот и я, один из китайцев, люблю подраться».*

1967 год. 50-летие Великой Октябрьской социалистической революции. По телевидению транслируют новый залп «Авроры» через полвека. Судя по моему юношескому дневнику, ведущемуся в те годы, в этот момент я охвачен огромной гордостью за свою Родину.

1967 год. Немало наших соотечественников еврейской национальности уехало в Израиль. В газетах публикуются покаянные письма тех из них, кто потерпел неудачу в «земле обетованной». Запоми-

С. Дударев (в центре, стоит) во время своей первой археологической экспедиции с товарищами по отряду. 1969 г. Сел. Харачой, Чечня.

наются слова одного переселенца, грузинского еврея, Иосифа Швили: «В Грузии мы жили как короли...». На события опять реагирует В. Высоцкий. Перепевы его песенки моими школьными приятелями на эту тему не решаюсь пересказывать из этических соображений.

1967–1968 годы. Гибнут космонавты В. Комаров и Ю. Гагарин. Мы в семье испытываем по этому поводу неподдельную печаль.

1968 год. Год начинается с мощного наступления вьетконговцев на американские войска во Вьетнаме, о чем, не скрывая, сообщают зарубежные «Голоса». Слежу за наступлением партизан с сочувствием. Здесь следует сделать небольшое отступление и сказать, что в Грозном очень хорошо ловились по транзисторным приемникам и «Голос Америки», и БиБиСи. Мне доводилось слышать и заглушаемые нашими государственными средствами передачи, посвященные произведениям Солженицына и других диссидентов. В то, о чем говорилось «из-за бугра», тогда не верилось либо верилось с трудом. Летом того же года — события в Чехословакии. Мое восприятие тех времён — предотвращен антисоветский переворот...

Поступление на истфак Чечено-Ингушского педагогического института³ в том же 1968 г. было поворотным моментом в моей юношеской жизни. Оно было данью интереса, прежде всего, к археологии, которой я «заболел» в 8-м классе. Но и только что описанное внимание к политическим событиям и атмосфере вокруг них, конечно же, мальчишеское, юношеское, смешанное с полудетскими шутками и шалостями, думаю, безусловно, сыграло свою роль. Всё же главным мотивом на момент поступления, несомненно, был внезапно, как пожар, вспыхнувший интерес к древности.

Ни одна популярная книга, в которой шла речь о раскопках и открытиях памятников давно

³ В 1972 г. Чечено-Ингушский государственный педагогический институт был преобразован в университет. К началу 1990-х годов он превратился в один из ведущих центров высшего образования на Северном Кавказе и всём Юге России, где трудился ряд профессоров и доцентов, имена которых хорошо были известны ученому миру страны и за её пределами.

ушедших цивилизаций, не проходила мимо меня. А, включая телевизор, я часто видел на экране молодого человека (казавшегося мне очень взрослым) с приятным голосом, который увлекательно рассказывал о захватывающих исследованиях, которые шли совсем рядом — на Алхан-Кале и во многих других местах республики. Фамилия человека была Виноградов. И можно себе представить мое волнение, когда он возник перед нами, студентами 1-го курса, в аудитории. Это были самые упоительные встречи для нас, «первачков». Лекции о каменном, бронзовом и железном веках переплетались с потрясающими стихами, веселыми анекдотами и бьющим через край жизнелюбием Виталия Борисовича. Нечего и говорить, что я видел себя только рядом с ним. Но не так просто было найти свое место в его команде рядом с веселыми, контактными, острыми на язык ребятами, уже имевшими за плечами экспедиционный опыт. Поэтому первый испытательный выезд на археологические раскопки состоялся в дочернем отряде, который возглавлял аспирант М. Х. Багаев.

Мне, домоседу по жизни, ещё предстояло освоить «азы» походного быта, научиться ладить с парнями, среди которых уже были отслужившие в армии, девушками, тоже имевшими свой нор. понадобилось несколько лет упорного труда, чтобы стать среди них своим, завоевать своё место в коллективе В. Б. Виноградова.

Город Грозный — крупный промышленный и интеллектуальный центр Северного Кавказа, город заводов и институтов всесоюзного значения, рабочих и учёных, врачей и учителей — вступил тогда в 1970-е годы. Это было удивительное время! Оно особенно запомнилось мне тем, что с приближением вечера на две главные центральные улицы города, шедшие параллельно друг другу, — проспект Революции и проспект Победы — выходило множество народа. По проспекту Револю-

С. Л. Дударев

Это было
недавно,
это было
давно...

ции ходили толпы нарядно одетых людей, которые прогуливались взад и вперед, обсуждая новости и друг друга, здесь завязывались знакомства, назначались свидания, и здесь же они и происходили. Тут царила атмосфера какой-то приподнятости, оживления, значительности. Впрочем, для, так сказать, более интимного времяпровождения служил проспект Победы, по центру которого проходила тенистая аллея с лавочками, где особенно любила встречаться грозненская молодежь. Оба

С.Л. Дударев (в центре) на раскопках в сел. Майртуп, Чечня. 1981 г. Рядом студенты исторического факультета ЧИГУ им. Л.Н. Толстого. Мирные чеченские виды. Ещё ничто не предвещает будущей беды...

проспекта в её среде, на западный манер, назывались Большой и Малый Брод (т.е. Бродвей). Время, однако, шло, наступили 1980-е, к концу которых все эти массы людей и их едва ли не праздничный настрой куда-то исчезли. Город менял облик. По вечерам люди предпочитали сидеть по домам,

улицы быстро пустели. В воздухе носилось что-то новое и тревожное.

И всё же в 1970-е годы в настроениях моих товарищей и моих собственных, безусловно, господствовал оптимизм⁴. Мы ездили в экспедиции, где кипела та же жизнь, без разделения на «ваших» и «наших». Чеченцы и ингуши, русские и украинцы, армяне и татары — все были вместе. Их объединяла наука археология и общий наставник, который пользовался нашим безграничным доверием. Мы поднимались высоко в горы, где исследовали загадочные склеповые могильники и дивные вайнахские башни, чья суровая и одновременно изысканная красота необычайно волновала юные сердца. Нас пьянил чистый горный воздух, внизу расстилалась долина стремительной реки Армхи, и жизнь впереди казалась удивительно многообещающей, внушающей искрящийся оптимизм.

⁴ Как ни парадоксально, но этот оптимизм (свойственный молодости) не смогли поколебать тогда даже события января 1973 г., когда в центре г. Грозного у Обкома КПСС имела место мощная демонстрация представителей ингушского населения, требовавших возвращения земель Пригородного района Северо-Осетинской АССР, разогнанная с применением войск. Это был острый и тревожный сигнал о назревании кризисной ситуации, чреватой опасными и далеко идущими последствиями. Впрочем, я был бы, конечно, не прав, если бы не сказал и о том, что иные процессы, шедшие в период так называемого застоя (рост коррупции, разбазаривание народного достояния, отрыв верхов от основной массы людей, дефицит и др.), проходили мимо моего внимания и внимания моих друзей. В конце 1970-х гг. я и мой друг Виктор Пинчук часто задавались вопросом: «Куда мы идем?» и всё чаще затруднялись ответить на него.

Не могу умолчать и об одном весьма показательном факте. То ли в конце 1970-х, то ли в самом начале 1980-х годов в моём присутствии заместитель секретаря парткома ЧИГУ им. Л.Н. Толстого В. И. Иванов предупредил преподавателей и сотрудников университета о готовящейся 20 апреля (день рождения Адольфа Гитлера) вылазке фашиствующих молодчиков (!), которые были намерены провести своё сборище в сквере позади памятника В. И. Ленину, т.е. совсем рядом с главной городской площадью и Обкомом КПСС.

Глава 5.

Ирина
и Сергей
Дударевы

Приходило время, и горы сменялись равниной, где высились курганы, которые давно манили нас своими тайнами, мощные громады средневековых городищ, чей изумрудный профиль, сотканный из ковра свежих трав, чем-то напоминал пирамиды. Но наивно было бы думать, что вся наша археологическая жизнь состояла только из романтики. Одновременно это был большой труд, нередко тяжелый и изнурительный, когда большая лопата и мозоли от неё, пёкло и дождь, сырая палатка, «змеиный супчик» и слипшиеся макароны были неотъемлемыми деталями повседневной жизни, к которым надлежало, однако, относиться с юмором. И мы так и поступали, подначивая друг друга, когда какие-то курьёзные неудачи кого-либо из нас были предметом всеобщего обсуждения, и важно было не принимать всё это всерьёз. Конечно, прежде всего, доставалось новичкам. Но так закаливался характер. А главное, что тяготы и неурядицы быта никогда не заслоняли собой главного — дела. Кто не вписывался в эти правила игры или не строил далеко идущих планов в археологии, тот, в какой-то момент, уходил из коллектива, но как показалось время, покинув его на всю жизнь, сохранял самые тёплые и светлые воспоминания о годах в экспедиции.

Одновременно мы не только познавали далекое прошлое родной республики, но и тесно знакомились с её людьми. Это были сельские жители, пастухи, проводники, загорелые дочерна мальчишки. Они толпами и в одиночку приходили к нам на раскопки в лагерь, к палаткам или к местной школе, где часто доводилось останавливаться приезжим археологам. И начиналась долгая беседа о древних памятниках, о прошлом, о том, какое отношение имеют находки, которые обязательно нужно было продемонстрировать, к современным чеченцам и или ингушам. Это был и искренний интерес, и праздное любопытство, свя-

занное с извечной темой: «Золото нашли?». Помню, как в селении Ялхой-Мохк седебородый старик, придя на раскоп, который пришлось сделать прямо на улице, бродил между найденных могил, бормоча и тыча в них палкой: «Жим-жим кеш-неш [старые-старые могилы — чеч.], остоперла!» [арабск. — Астагфируллах! — «Прошу Аллаха простить меня»⁵, но в местной огласовке]. Мне и моим товарищам довелось изведать и настоящего горского гостеприимства, и навязчивого внимания со стороны, главным образом, детворы и юношества. Случались, порой, темпераментные наскоки представителей местной молодежи на лагерь, где находились девочки с целью завладеть их драгоценным вниманием или непременно побрататься с парнями. А бывало, что некоторым традиционным и заскорузылым горцам не нравилось, что раскапываются древние могилы, что могло вызвать, как они думали (вот они, «языческие» корни менталитета людей, которые истово считали себя мусульманами!), дождь в период покоса и уборки урожая, а значит, неприятности для сельчан. И они тоже приходили «разбираться». Но дело очень редко кончалось «биомеханикой», как говорил «дедушка» Ленин.

Дело в том, что в селах выходки против приезжих не имели массового характера и не поощрялись на уровне общественного мнения, хотя, нет-нет, да и доставалось не только археологам, которые своими необычными действиями эпатировали неизбалованных внешними впечатлениями людей разных возрастов, но и учителям, прибывшим из города. К ним могли вломиться и избить. И всё же горцы, по большому счету, почитали за-

⁵ По-видимому, соответствует христианскому «Прости, Господи!». Является формулой истигфара — одного из видов зикра [арабск. «упоминание»], т. е. поминания имён Аллаха.

коны гостеприимства. А главное в том, что подобные эпизоды (которые периодически случались и в повседневной городской жизни и оставляли горький осадок), всё-таки, существенно не мешали ни жизни, ни работе⁶. Запала в память фраза тех лет одной русской женщины, сказанная с добродушной иронией: «Ох уж эти *наши* нохчи!»⁷. Для нас своими были наигрыши чеченской лезгинки, знакомой и привычной — речь вайнахов. Помнится, как в 1972 г. мне и моим товарищам — Р. Даутовой и Х. Мамаеву пришлось вести раскопки в высокогорном селении Кенхи, населенном аварцами. Несколько дней нам приходилось слышать клекочущую, быструю, непривычную аварскую речь. Отъезд из Кенхи и прибытие в соседнее чеченское селение Кири, и наше обычное «лингвистическое поле», где функционировал нохчийн мотг⁸, был воспринят с явным облегчением. А сколько настоящих кунаков было у нас среди чеченцев! С самыми добрыми чувствами вспоминаю Заурбека Сагаипова, Бухади Ахмадова, Хасана Алатаева, Саид-Эми Эбиева и многих других. В их лице я и мои товарищи-археологи находили искренних и добрых друзей. А разве забыть о том, что ещё в детстве и ранней юности, возвращаясь с родителями из поездок за пределы республики, мы с самыми приподнятыми чувствами слушали, когда по поезду объявлялось: «Мы подъезжаем к столице Чечено-Ингушетии городу Грозному». Звучала известная тогда песня «Чечено-Ингушетия моя»⁹, на душе было радостно и торжественно. Папа в такой ситуации как-то однажды, прослезившись, сказал: «Вот она наша родненькая...».

Иногда нам доводилось забираться в глухие горные районы, где, как будто, советская власть существовала только в надписях на досках сельсоветов, и жить там где-нибудь в палатке в лесу у обрыва. И ни один человек не приходил к нам с недобрыми намерениями. А однажды вообще был потря-

сающий случай, который до сих пор вспоминается мне, как яркое свидетельство того, что до 19 августа 1991 г. мы жили, по существу, на другой планете. Компания наших девчонок-студенток из числа «археологинь» отправилась в горы без всякого мужского сопровождения, бродила там, где хотела, их угощали медом на пасеках, оказывали гостеприимство... Как всё это не похоже на современную Чечню! Так что же случилось с ней и её народом? Впрочем, поговорим об этом попозже.

У меня и моих друзей — Владимира Петренко, Резеды Даутовой, Хаида Мамаева и тех, кто при-

⁶ Справедливости ради, нужно сказать, что в этом вопросе немало зависело и от везения. Несколько лет назад П. С. Федосов, являвшийся в 1990-е годы атаманом Ставропольского отдела Терского казачества, бывший грозненец, рассказал о причинах своего отъезда из нашего города ещё в 1970 г. Он вступился за честь своей жены и дал достойный отпор лицам чеченской национальности. После этого Павел Стефанович стал подвергаться систематическим избиениям со стороны «потерпевших». Пришлось продать квартиру и уехать в Ставрополь. Массовый характер этот метод избавления от досадивших, неприятных либо ненавистных людей приобрел с начала 1990-х годов.

⁷ Корни этой самой «нашести» возникали полторы сотни лет назад при самых, казалось бы, невероятных обстоятельствах. Однажды, во времена так называемой Кавказской войны, в одном из селений Чечни в базарный день произошла ссора между местными жителями и ротой Апшеронского полка. В неё вмешались солдаты одной из рот Куринского полка. Но на чьей стороне? Кому-то в это трудно поверить теперь, но курицы заступились за чеченцев. При этом глубоко примечательно то, что они говорили при этом: «Как нам не защищать чеченцев, они наши братья, вот уже 20 лет как мы с ними дерёмся!». Приводящий этот эпизод со ссылкой на мемуары К. К. Бенкендорфа, датируемые 1845 г., Ю. Ю. Карпов пронизательно приводит рядом рисунок известного художника Т. Горшелъта, рядового Куринского полка. Внешний облик куринаца скорее горский, чем русский (Карпов, Ю. Ю. Взгляд на горцев. Взгляд с гор: мировоззренческие аспекты культуры и социальный опыт горцев Дагестана. — СПб.: Петербургское востоковедение, 2007. — С. 407–408).

⁸ Чеченский язык.

⁹ Автор музыки композитор А. М. Халевский.

С. Л. Дударев

Это было
недавно,
это было
давно...

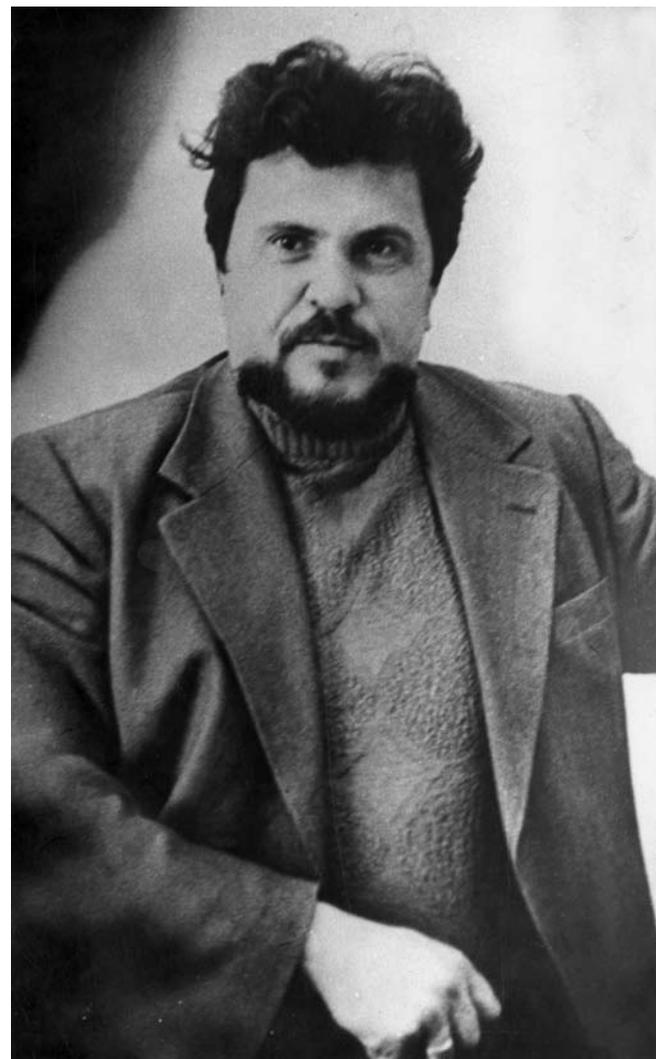
шел позже, — Наташи Бараниченко (будущей Великой), Яши Березина, Светы Головановой, Сергея Савенко, Тани Власовой (Нераденко), Джабраила Чахкиева, Кемси Ерзункаевой (Махмудовой), Евгения Нарожного, Берлант Абдулхабобовой и других — постепенно складывались серьезные научные интересы, которые со временем воплотились в самостоятельные раскопки, статьи и выступления на конференциях, а затем и диссертации. Но как нелегко всё это было! Начиналась самостоятельная жизнь, познание её разнообразных реалий, и мы, отчаянные романтики, вынуждены были все чаще спускаться с «небес» на «грешную землю». Нас не жаловали столичные научные мэтры, которые очень ревниво относились к тому, что В. Б. Виноградов в свои тридцать с небольшим создает научную школу. Володя Петренко, человек, наделенный большим чувством юмора, писал в посвященных мне шуточных стихах: *«В Институте археологии дяди и тети строгие. / Пишут резенции по выданным лицензиям. / Мы отвечаем — значит, мужаем»*. В 1970-е годы мои друзья и я нередко оказывались под огнем критики на «Крупновских чтениях», но всегда стремились «дать сдачи». А какая бурная полемика и переписка велась с некоторыми коллегами, очень не хотевшими появления молодых конкурентов! И когда сейчас выступаешь оппонентом по докторской диссертации в том самом Институте археологии (ныне РАН, а не АН СССР), то думается — годы, миновавшие с тех давних пор, прошли не зря.

Но не проще было «самоутверждаться» и у себя дома. Мне и моим друзьям никто не обещал «золотых гор». Помнится, когда я перешел на последний курс института, ко мне пришла открытка от Виталия Борисовича, который находился на отдыхе в санатории (это было в октябре 1971 г.), где были такие строки: «Помни друг, ты — не вай-

нах, трудоустроить по археологии я тебя не смогу». Таковы были реалии национальной республики в то советское «русификаторское» (как однозначно пытается кое-кто убедить сейчас россиян) время, и не сказать о них нельзя. Приходи-

Глава 5.

Ирина
и Сергей
Дударевы

Профессор
В. Б. Виноградов
в конце
1970-х гг.

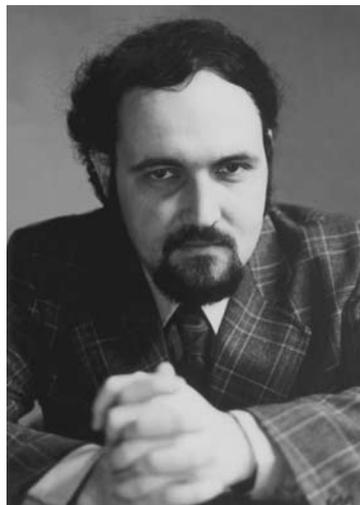
С. Л. Дударев

Это было
недавно,
это было
давно...

лось долгие годы ждать своего часа. Недаром в той же открытке Шеф вопрошал: «Готов ли к работе не ради мгновенного успеха, а ради подлинного интереса?..».

Впрочем, я бы покривил душой, если бы сказал, что мне вовсе не давали шансов к продвижению. В 1976 г. мне позвонила заведующая кафедрой всеобщей истории доцент Н. В. Потокова, которая предложила поступить в очную аспирантуру по истории древнего мира в Ростове-на-Дону. Я отказался — верность археологии требовала жертв. Через год последовало поступление в заочную аспирантуру к В. Б. Виноградову по специальности, к которой были обращены все мои помыслы.

С.Л. Дударев в 1982 г.

Группа участников

Первой региональной научно-практической коференции «Археология и краеведение — вузу и школе» у здания 2-го учебного корпуса ЧИГУ им. Л. Н. Толстого. 1981 г.

Слева направо:

А. М. Ждановский, В. Ю. Мурзин,
В. А. Петренко, С. Л. Дударев, Б. А. Ахмадов.

Защита кандидатской диссертации в 1983 г. в Институте археологии АН Украины в г. Киеве (как по этому поводу ликовал мой отец!), казалось бы, открывала все дороги. Но в конкурсе на вакантную должность ассистента всё той же кафедры всеобщей истории автору этих строк проти-

востояли два конкурента — чеченской и ингушской национальностей без степеней и диссертаций. И победа в этом соперничестве далась с небольшим трудом...

Переход в новое качество был сопряжен с освоением новых дисциплин и приобщением к трудному преподавательскому хлебу. Чтение курса «История средних веков» открыло передо мной глубины средневековья, которые предстояло осваивать долгие годы. Но вскоре в жизни произошел поворот, который, как оказалось, был прологом к крутым и необратимым переменам...

Но вернемся к моей сестре, жизнь которой, казалось, вошла в желаемые берега и должна была протекать в них долгие годы. Дом, работа, муж и ребе-

нок, привычный круг обязанностей, размеренная обыденная жизнь со всеми её радостями и огорчениями.

И до отъезда в ТОС Ира имела опыт работы в школе, в том числе и в сельских районах Чечено-Ингушетии. В городе Аргуне она приобрела опыт

Глава 5.

Ирина
и Сергей
Дударевы

общения с чеченскими детьми, для чего стремилась освоить наиболее характерные речевые обороты и выражения чеченского языка. Делала это сестра упорно, настойчиво и стремилась к выразительности и экспрессии, учитывая очень живой и непоседливый нрав своих подопечных. Она стремилась к взаимопониманию с учениками, и дети очень чутко воспринимали желание своей учительницы к непосредственному общению, хотя, разумеется, и в установленных рамках. Ира вникала в их ученические проблемы, волнения, страхи (особенно у девочек), старалась быть для детей другом. Её душевный подход к детям, неизбалованным вниманием взрослых в семье, вызывал ответное чувство. Я особенно хорошо помню это по простым и трогательным надписям, которые делали ученики в поздравительных открытках с 8 марта. По возвращении из Калининской области сестра нашла работу в средней школе №3 г. Грозного, где директором была наша старая знакомая — З.Г. Филенкова, переведенная сюда после конфликта с завучем Ковальской¹⁰. Здесь Ирине предстояло проработать много лет.

Семейная жизнь сестры поначалу не вызывала никаких особых волнений. Но с годами всё больше выяснялось, что те привязанность, любовь, страсть, которые испытывали друг к другу Ирина и Николай, постепенно рассеялись как дым. Я не хочу комментировать их личные отношения. Скажу только одно. Мужчина в семье обязательно должен быть успешным, достигнуть чего-то значительного, по-хорошему — стать лидером в семье. Если этого не удастся сделать, то отношения с близким человеком нередко начинают приобретать скандально-уничижительный оттенок, о чём мне известно по ряду иных жизненных примеров. Так случилось и с Николаем. Для этого были давние бытовые причины. В семье Николая, росшего без отца, бросившего жену, дочь и сына, «пер-

вым номером» среди детей была старшая сестра Лидия, чья учеба и карьера считались главными. Что ж, с ними всё было в порядке. Лида, в конце концов, стала ответственным работником в одном из московских главков, человеком с обеспеченным будущим. Увы, Николай, человек неглупый, общительный, мастер на все руки, не смог стать действительным главой семьи и авторитетом для своей супруги, что привело к более частому знакомству с «лекарством» всех неудачников — водкой. Впрочем, сестра ещё пыталась спасти семью и в 1977 г. родила ещё одного ребенка — Зою, названную в честь вновь обретенной за год до этого тети Зои. Но и это не дало положительных результатов. Ира стремилась заполнить возникшую неудовлетворенность и душевную пустоту, уйдя с головой в хлопоты, связанные с воспитанием дочерей. Отдушиной сестре служили общение с подругами и написание стихов, склонность к которому проявилась гораздо раньше. Ею было создано немало произведений на разные случаи жизни и просто под настроение. Большинство из них, к сожалению, не сохранилось, но то, что фрагментарно представлено в этой книге, отмечено печатью искреннего чувства, эмоциональным подъемом. Помню, как, прочитав о судьбе Мэрилин Монро, Ирина написала одни из лучших своих стихов, в которых были такие строки: *«Оголена у мира напоказ, / Смеется заразительно, призывно, / И оптом продана, и в розницу не раз, / А сердце стонет больно и надрывно»*. В эти годы сестра становится для меня душевно близким человеком, мы поверяем с ней свои

¹⁰ Много лет спустя от своей жены — выпускницы этой же школы, я узнал, что директору дали здесь кличку Зингер (сокращенно от Зинаида Георгиевна), созвучную с названием известной нашим бабушкам швейной машинки.

самые интимные секреты и понимаем друг друга, как никогда ранее — пришло такое время. Я часто бываю у сестры, мы вместе посещаем одни и те же компании, особенно общество её подруги Раисы Дудниковой, или просто Раечки, удивительно гостеприимной, изысканно-хлебосольной женщины. За столом часто звучат стихи, музыка, песни, а «парадом» командует Эдуард Багдасаров¹¹, мастер перевоплощений. То, как он изображал разговор, манеры и повадки разных людей, особенно, своих чеченских знакомых, вызывало почти что потрясение — за столом вдруг появлялся человек другой национальности (Эдуард свободно владел чеченским языком) и менталитета...

Тем временем в стране наступили перемены. В 1987 г. мне, как и многим, показалось (впрочем, ненадолго), что, наконец-то, пришло время для людей инициативных, любящих и умеющих работать не по команде, а по зову души, искренне преданных науке. В тот год В. Б. Виноградову удалось создать кафедру истории народов Северного Кавказа. С облегчением мы с ним ушли с исторического факультета, где заправляла группа людей под предводительством человека с известной сейчас на всю страну фамилией. Это было реализацией нашей мечты тех лет — создания кафедры, в работе которой сольются и археология, и история родного края. Идейно же работа кафедры опиралась на выработанную Виталием Борисовичем и другими историками концепцию добровольного вхождения чеченцев и ингушей в состав России.

Сколько же копий сломано вокруг неё! Здесь нет места обсуждать этот вопрос, которому я посвятил специальную статью¹², но, по моему убеждению, это была необходимая попытка воззвать ко всему позитивному, что было между Россией, чеченцами и ингушами в историческом прошлом, и поставить имевшийся положительный

опыт во главу угла. Разумеется, концепция должна была вписываться в рамки тогдашней отечественной исторической науки, направляемой сверху (без этого в советский период было невозможно претворить в жизнь никакие разработки). Никто тогда до конца все же не мог понять, что это научное творчество и его организационно-политическое воплощение происходили, образно говоря, на склонах дремлющего вулкана. Причиной его столь бурного и страшного извержения была перестройка. Неумное желание некоторых академических ученых возложить на концепцию добровольного вхождения вину за известные события в Чечне имеет своей целью увести в сторону от освещения различных сторон чеченского конфликта, от поиска истинных причин и главных виновников происшедшего. Попробуем кратко проследить основную хронологию событий, развернувшихся в Чечне в 1989–1991 гг.¹³

1989 год. Первым секретарем Чечено-Ингушского Обкома КПСС становится Доку Гапурович Завгаев. В национальной среде ликование — наконец-то, свой стал первым лицом в республике. Историческая справедливость свершилась. Но что это? Сводки республиканского статуправления, которые стали доступны автору этих строк,

¹¹ В конце 1980-х годов он был помощником ректора ЧИГУ по воспитательной работе. Э. Багдасаров в то время был известен своей нашумевшей статьей в газете «Правда» на темы, связанные с советским интернационализмом и патриотизмом.

¹² См.: Дударев, С. Л. В. Б. Виноградов и судьба концепции добровольного вхождения Чечено-Ингушетии в состав России (рассуждения ученика и современника) // Вопросы южнороссийской истории. — Вып. 13. — М. ; Армавир, 2007.

¹³ Не буду делать этого подробно и всесторонне. Тщательная и правдивая хронология событий того периода, вплоть до 2-й «чеченской войны» включительно, дана в недавней книге коренного грозненца А. А. Головлева «Очерки о Чечне» (Ульяновск, 2007).

безжалостно свидетельствуют о том, что начался отток «русскоязычных». Общественная атмосфера изменяется все больше. В песнях уличных звукозаписей все чаще звучит одна из них, где поется про «бусулба вежари», т. е. братьях-мусульманах. А как быть с не мусульманами? С начала сентября на В. Б. Виноградова и его учеников объявлена «охота»¹⁴. Возле Чечено-Ингушского университета появились пикеты так называемого «Народного фронта» с требованием лишить Виталия Борисовича всех званий и должностей. Студенты чеченской национальности по чьей-то указке начали демонстрации и хулиганские выходы против самого Виноградова и его учеников. В октябре колонна Народного фронта, руководимого А. Бисултановым, маршем прошла по проспекту Победы, скандируя: «Долой Виноградова!».

Но вернусь ещё к самому началу 1989 г. Именно оно является для меня подлинной точкой отсчета в событиях в Чечне. В январе по решению властей (сначала обкома, а затем и горисполкома)¹⁵ был демонтирован памятник основателю крепости Грозной генералу А. П. Ермолову. У этого памятника, как и многих других в нашей стране с её «непредсказуемой историей», была трудная судьба.

Памятник был давним символом «деспотизма» и «колониализма», ненавидимым чеченским народом¹⁶. Его свергали в 1921 г., восстанавливали после ссылки вайнахов в Казахстан, неоднократно взрывали ещё в так называемые «застойные годы»¹⁷. На памятнике были помещены бронзовые доски с надписями, содержание которых я помню и по сей день. Слева от зрителя было написано: «Патриот, высокая душа, замыслы и способности точно государственные, истинно русская мудрая голова (Грибоедов о Ермолове)». Справа содержание надписи было таким: «Никогда не разлучно со мною чувство, что я россиянин (Ермолов)»¹⁸. После демонтажа памятника на его месте появилась

надпись, сделанная краской мужественным человеком, безвестным грозненцем: «Вы с нами, Алексей Петрович!». Свержение бюста Ермолова, как и в первый раз, знаменовало собой, как ни парадоксально, вовсе не торжество свободы для вайнахских народов, а две кровавые войны и многие страдания как для русских, так и для самих чеченцев. История с памятником А. П. Ермолову — яркий пример того, как опасно и губительно воевать с прошлым, с историей. Воистину: Абу-Талиб сказал: «В того, кто выстрелит в прошлое из пистолета, оно выстрелит из пушки» (Р. Гамзатов). Так оно и случилось. В самом конце 1980-х годов в чеченских кругах ходили разговоры о том, что, по данным астрологии-де, чеченцам грозит новое выселение. «Да кто же нас может выселить?» — с удивлением вопрошали сами представители чеченско-

¹⁴ Вот когда среди учеников В. Б. Виноградова становится популярной песня В. Высоцкого об охоте на волков. Она — про нас.

¹⁵ Подробнее см.: *Головлёв, А. А.* Очерки о Чечне. — Ульяновск, 2007. — С. 81.

¹⁶ Хорошо помню, как на одном из комсомольских собраний в ЧИГПИ в мои студенческие годы староста нашей группы Салам Магомадов гневно вопрошал: «Почему стоит памятник врагу моего народа Ермолову?».

¹⁷ Одна из таких акций произошла в феврале-марте 1970 г. Запомнил это потому, что учился тогда на 2-м курсе истфака ЧИГПИ. Наш преподаватель истории средних веков, доцент Т. Т. Мальсагова шуточно спросила у меня: «Не ты ли взорвал памятник Ермолову?» (сложно сказать, что послужило основанием для такой «шутки»). У меня вырвалось: «Я бы взрывать не стал, я Алексея Петровича уважаю». Наступила пауза. Тамара Тонтовна продолжила свой расспрос уже более заинтересованно: «А за что же ты его уважаешь?» И, тут же, опасаясь какого-либо неосторожного ответа 18-летнего парня, сама и подсказала «вариант ответа»: «Ты его уважаешь как полководца?» (подразумевая то, что А. П. Ермолов был одним из героев войны 1812 г.). Я подтвердил. Полководцем Ермолов и в самом деле был отменным.

¹⁸ Эти надписи присутствуют на фотографиях, присланных мне таким же, как и я, бывшим грозненцем, потомственным казаком.

С. Л. Дударев

Это было
недавно,
это было
давно...

го народа. Но грянули две войны, и сотни тысяч чеченцев оказались разбросанными по всей России и попали в дальнее зарубежье (в странах ЕС их сейчас проживает до 250 тыс.), где ознакомили привыкших к законопослушанию европейцев со своим неукротимым нравом¹⁹.

1990 год. Объявлена декларация о государственном суверенитете ЧИР. В этом очень изощренном документе даны такие формулировки, которые допускают любое толкование вопроса о том, находится или нет республика в составе Российской Федерации. Невайнахское население возмущено, следуют письма в Верховный Совет РСФСР. Миграция за пределы ЧИР растет. В то

Уникальный снимок бюста А. П. Ермолова. Январь 1989 г. Это последнее фото памятника генералу. Высокое чело и грудь Ермолова запорошены снегом, как предсказание той долгой «зимы», которая скоро наступит в Чечне.

¹⁹ См.: Алексеев, Андрей. Чеченцы уже громят Европу. — Режим доступа : <http://news.mail.ru/politics/1150645>.

же время наиболее активная часть русского, «русскоязычного» населения пытается объединиться. 8 декабря 1990 г. в гарнизонном Доме офицеров проходит заседание учредительного Круга Грозненского отдела Терского казачества. 400 торжествующих криков сливаются в один: «Слава атаману!». Сладостен миг запоздалой эйфории русских... Увы, это был вопль их последней надежды. Ни атаман Галкин, ни его казаки, никто другой, как вскоре показали события, не могут уже остановить раскрученный маховик развала страны. К тому же в ряды казачьего движения проникают авантюристы и корыстолюбцы, которые не прочь погреть руки на этом неформальном объединении. Это от-

Глава 5.

Ирина
и Сергей
Дударевы

Бронзовая доска с надписью, располагавшаяся слева от бюста.

лично понимают рядовые члены отдела, и с каждым месяцем растет их разочарование.

Впрочем, главное разочарование приходится переживать в связи с действиями столичных ренегатов. На 1990-й год приходится пик организованной чеченскими «неформалами» травли В. Б. Ви-

С. Л. Дударев

Это было
недавно,
это было
давно...

ноградова. Я обращаюсь за помощью в ЦК КПСС, к своему знакомому, сотруднику аппарата ЦК М. О. Шишкину, школьному ученику моего покойного отца. Ответ, передающий реакцию партийных верхов страны, обескураживающий: «Это чисто местный вопрос». Преследует неотступное горькое чувство: «Нас предали».

Впрочем, когда я со своими товарищами попытался обратиться за поддержкой в том же вопросе к местным «русскоязычным», то встретил равнодушие и даже злорадство²⁰. Отчего так? Русская и «русскоязычная» община Грозного была весьма разнолика. Часть её была безразлична ко всему вайнахскому и однозначно негативно настроена по отношению к чеченцам и ингушам. От них можно

было услышать: «Памятники, культура... Да откуда у них это?». Другие проявляли бóльший интерес к языку и культуре вайнахов, общаясь с чеченцами и ингушами, заимствовали элементы речи, отдельные выражения, стремились что-то узнать об обычаях. Третьи (их было совсем немного, единицы), интересуясь историей и бытом вайнахов на почти профессиональном уровне, использовали свои немалые знания для того, чтобы пролить свет на те или иные стороны деятельности чеченцев и ингушей, стремившихся, опираясь на свои тейповые связи и тесную сплоченность²¹, скажем, завладеть теми или иными должностями, приобрести положение в обществе, проникнуть в другие регионы страны. Были и такие, которые стремились полностью под-

Глава 5.

Ирина
и Сергей
Дударевы

Бронзовая доска с другой надписью, располагавшаяся справа от бюста (блж слева).

Центральная плита памятника А.П. Ермолову.

²⁰ Иначе, к их чести, себя повели представители научной общности страны, которые в своих письмах, пришедших к В. Б. Виноградову и ко мне, выразили свою полную поддержку и возмущение действиями экстремистско-националистических кругов (См.: Проверка на прочность: г. Грозный — 1990 год (письма ученых СССР в защиту Школы профессора В. Б. Виноградова). — Армавир, 2002).

²¹ Выяснение тейповой принадлежности ряда видных чеченских деятелей помогает лучше понять те или иные стороны общественно-политической обстановки и событий, совершавшихся в Чечне в XIX — начале XXI вв. (см.: Головлев, А. А. Очерки о Чечне. — Ульяновск, 2007. — С. 272–287).

С. Л. Дударев

Это было
недавно,
это было
давно...

строиться под «местный фон», во всём вставая на сторону вайнахов, и именовали себя «интернационалистами». Наконец, были те, кого прозвали «виноградовцами», то есть такие, как я. В чём была (и есть) наша суть во взаимодействии с представителями горских народов? Мы всегда стремились к тому, чтобы как можно лучше и разностороннее познакомиться с историей, культурой и бытом горцев, в том числе, русско-чечено-ингушскими связями, особенно с их добровольным аспектом, но без умалчивания имевшегося негатива. Исследо-

Февраль 1989 г. Надпись краской на остатках демонтированного памятника: «Вы с нами, Алексей Петрович».

вание истории вайнахов шло (и продолжается) не с позиций *претендизма* (т.е. подарочности), без идеализации и романтизации прошлого чеченцев и ингушей, и замалчивания тех или иных особенностей исторического быта горцев (набегов, захвата и продажи пленных, кровной мести, политиче-

ского и обычного бандитизма 1920–1940-х годов, и т.п.). Мы стремились сохранять объективность, говоря как о достижениях историко-культурного развития северокавказских народов, так и его проблемных сторонах, а если потребуется, то и давали отпор вылазкам как ревнителей старины, так и тех, кто видел в России только «империю зла». Цель изучения истории Чечни и Ингушетии, как и всего северокавказского региона, школой В. Б. Виноградова была и есть в том, чтобы через это познание наладить диалог с вайнахами и горцами вообще, особенно с теми, которые способны мыслить конструктивно, нацелены на укрепление дружественных связей с Россией, ценят всё то лучшее и прогрессивное, что эти связи давали в прошлом и ещё принесут (хочется верить!) в будущем, и понимают, что вне этих связей подлинных перспектив, плодотворного и мирного развития у народов Северного Кавказа не будет²². Я прекрасно понимаю, что

²² Меня могут спросить: «Раз вы такие интернационалисты, так что же вы не осудите действия Ермолова?». Отвечу так. В газете «Завтра» (№ 35 (352)) напечатана статья «Ермолов, которого мы обрели». Тем, кто хочет получить ответ на свой вопрос, рекомендую прочитать её, а также мою работу: «Проблемы идентичности: Россия, Северный Кавказ, Кубань» // Историческое регионоведение — вузу и школе». — М. ; Армавир, 2007. — С. 19–24. К написанному мною добавлю следующее. Да, мы действительно обретаем сегодня нового Ермолова, как один из символов веры России в свои силы, как олицетворение силового решения северокавказских проблем и, конечно же, чеченской проблемы. Но кавказцы всегда уважали сильного соседа, партнера, визави. Почему в сказках богатыри, которые не могут победить друг друга, начинают дружить? Потому, что хорошо осознают силу друг друга. Вот и память о Ермолове даст понять иным не в меру воинственным, напористым и дерзким джигитам, что те, кто отстаивает единство нашей страны, сильны духом, что они не собираются сдаваться. Как было бы хорошо, чтобы вокруг этой памяти сплотилось как можно больше тех, кто хочет вновь обрести сильную Россию, которая не продается и не покупается, которая верна друзьям и неприимима к недругам.

Глава 5.

Ирина
и Сергей
Дударевы

это стремление в конкретно-исторической ситуации граничит с идеализмом. Сколько раз обжигался и наш Учитель, и мы сами, стремясь реализовать эту цель! Но мы не можем отступить от нашего подхода, хотя после перенесенных потерь и обид вполне могли бы себе это позволить. Увы, многие грозненцы (теперь уже бывшие) как тогда, так и сейчас до сих пор не могут понять мотивов нашей позиции, порицая за «добровольное вхождение», пропаганду памятников истории и культуры чеченцев, ингушей и других горских народов, стремление налаживать диалог и сотрудничество с их представителями и т. п.

Март 1991 года. На встрече Б.Н. Ельцина и Д.К. Завгаева с представителями терского казачества 24.03.91 в Совмине ЧИР²³ эти политические деятели вынуждены были подтвердить, что республика находится в составе РСФСР. В то же время Д.Г. Завгаев высказался за то, что ЧИР будет стремиться иметь статус, подобный, например, Казахстану. Он назвал Чечено-Ингушскую Республику «оазисом» в межнациональных отношениях. Сопровождавшие Б.Н. Ельцина депутаты, в частности покойная ныне Г.В. Старовойтова, подмечают нечеткость и противоречивость в суждениях Д.Г. Завгаева по поводу суверенитета ЧИР.

Апрель 1991 года. Вспыхивают межнациональные столкновения. Убит атаман Сунженского отдела Подколзин. Разгромлена станица Троицкая, убито пятеро казаков... Д.Г. Завгаев на сходе в станице Троицкой, высказывая свои сожаления по поводу случившегося, говорит: «Мы плохо воспитали нашу молодежь». То, насколько плохо, ещё ярче и страшнее покажут надвигающиеся собы-

²³ Автор лично присутствовал на этой встрече, как представитель Грозненского отдела Терского казачества.

тия. Воспитание ненависти к России, расцветшее в плюралистические горбачевские времена, через разгром «добровольного вхождения» напрямую вело к будущему кровопролитию.

Хочу прервать этот перечень событий маленьким личным эпизодом.

Май 1991 г. Мы с женой (она в положении, мы ждем пополнение) идем по скверу в центре города. На нас широко раскрыв глаза смотрят несколько русских женщин с детьми. Немая сцена. Подтекст: «Тут такая обстановка, а они рожать надумали...».

На месте «чеченской Бастилии». Теперь здесь едят шашлык. 1997 год.

Август 1991 г. Утро 19 августа. Услышав сообщение о введении режима ГКЧП, говорю: «Поздно». В самом деле, всё зашло слишком далеко. Диктатура приведёт к многочисленным ненужным жертвам и всё равно потерпит провал. Тем же утром иду в магазин за молоком через сосед-

ний двор. По пути мне встречается Майрбек Вачагаев, мой бывший студент, который уже несколько лет не здороваются со мной, исполненный злобы к сторонникам В. Б. Виноградова. «Здравствуй-те», — угодливо изгибая шею, подобострастно говорит он. Я сухо отвечаю на приветствие и иду мимо. Сам же думаю: «Да, знает кошка, чье мясо съела»²⁴. Тогда такие чеченцы, как Вачагаев, испытали смятение и страх перед возможной победой «путчистов». Провал «путча». Возле Совета министров ЧИР многотысячные толпы, которые автобусами и машинами организовано подвозятся из сел, требуют отставки Д. Завгаева. 24 августа члены Вайнахской демократической партии сбрасывают с пьедестала памятник В. И. Ленину. Бронзовый Ильич с пробитой головой сброшен в р. Сунжу. Обезглавленный постамент высится на площади, где ещё недавно шла совсем другая жизнь. Сюда по-прежнему приезжают свадебные пары, но теперь это только вайнахи, торжества которых теперь уже публично сопровождаются пистолетной пальбой.

Сентябрь 1991 г. Демонстранты, днями стоявшие у Совмина ЧИР, узнают о том, что Д. Завгаев отказывается сложить с себя полномочия. Они бросаются к Дому политического просвещения ЧИР (вскоре превращенному в Исламский институт), где шла сессия Верховного Совета республики²⁵. Д. Завгаев под давлением толпы отрекается от власти. При этом находившийся на заседании бывший мэр Грозного В. А. Куценко вытолкнут злоумышленниками из окна и гибнет. Это первая жертва «чеченской революции». При этом русские, «русскоязычные» спокойно разгуливают по улицам, как в прежние времена, делая покупки в магазинах, ходят в кино, гости... Опомнитесь, люди, вершится ваша судьба! Но уже никто, как в 58-м, не бросается защищать свои честь и достоинство, пусть и неумело, эмоционально, с грубы-

ми перехлёстами, но горячо, искренне, массово. Где-то в штабе Грозненского отдела Терского казачества рождается идея всеобщей забастовки всех предприятий. Но, увы. Идея умирает, не получив воплощения. Воля «русскоязычных», ждущих в своей массе помощи сверху, парализована. В «лучшем» случае они покидают свою малую родину и бегут, куда глаза глядят. Что ж, правы оказались западные авторы Хелен Краг и Ларс Функ Хансен: «Когда начинаются этнические беспорядки, русские готовы первыми покинуть регион»²⁶. Но давайте поговорим об этом в эпилоге.

Неотвратимо надвигается большая-большая беда. На улицах то и дело появляются люди с оружием. Не только по ночам, но и днём в городе раздаются автоматные очереди. В университете прекращены занятия. Дело, которому посвящены годы жизни, на краю гибели. Почва уходит из-под ног... И всё же, не поддаваясь панике, изо всех сил, используя любые возможности, издаю свои пер-

²⁴ М. Вачагаев впоследствии защитил кандидатскую диссертацию по истории «Кавказской войны» в Москве и стал полномочным представителем режима А. Масхадова в столице нашей Родины. Был взят под стражу и оказался в Бутырской тюрьме. Отпущен оттуда по чьему-то наущению. Сейчас разъезжает по миру (однажды его лицо мелькнуло на какой-то пресс-конференции в Нью-Йорке) и льёт грязь на Российскую Федерацию. С Березовскими, Закаевыми и прочими врагами России можно будет покончить только тогда, когда будет побеждено предательство в наших верхах.

²⁵ Мы с пятилетней дочкой Леной видели этот «пробег». Ребенок, которого я выводил из детского сада, спросил у меня: «Папа, куда это чечены бегут?». Я растерянно ответил: «Не знаю», а сам подсознательно зафиксировал, что это первый случай стихийной национальной самоидентификации у моего старшего чада, причем в улично-детсадовской огласовке («чечены»), которая никогда не звучала в семье (всегда произносили «чеченцы», сестра Ирина любила говорить — «нохчи»; это слово является историческим самоназванием чеченцев).

²⁶ Краг, Х., Хансен, Л. Ф. Северный Кавказ: народы на перепутье. — Санкт-Петербург, 1996. — С. 65.

вые в жизни две книги, в скромных переплетах, с подслеповатым текстом — неизвестно, что ждет и где (?) впереди, а так — останется след. Немедленно, пока никто не мешает («революционеры», горячо увлеченные «прихватизацией» и борьбой за власть, в обстановке всеобщего хаоса на какое-то время забыли о «врагах народа»), рассылаю их коллегам в другие города и страны...

Вспоминая сегодня эти события, на ум приходят шуточные стишки антисоветского содержания, ходившие, пожалуй, в году 1967. Они стали поистине пророческими. В стишках перефразируется известное стихотворение советских времён об Октябрьской революции 1917 г. Те, кто постарше, помнят: «Мы видим город Петроград в 17-м году, бежит матрос, бежит солдат, стреляет на ходу, рабочий тащит пулемёт, сейчас он вступит в бой...». Так вот, в тех стишках было следующее: «Мы видим город Дуба-Юрт²⁷ в 17-м году. Бежит Ахмед, бежит Махмуд, стреляет на ходу. Ширвани тащит пулемёт, сейчас он вступит в бой. Долой Обком, долой Горком, Апряткина долой!».

Кстати, о пулемётах. В. Жириновский, как-то узнав, что у чеченцев есть такая поговорка «С нами Аллах и два пулемёта», удивляется в одной из своих книг, почему два, а не три или больше? Он не смог понять, что эта формула как нельзя более точно отражает психологию мелкого бандформирования. Именно им вскоре предстояло показать себя «во всей красе» в двух чеченских войнах.

Ноябрь 1991 г. Президентом Чечни избран Джохар Дудаев. «Салют пустыни», то бишь треск сотен автоматов, возвестил о победе «чеченской революции». Даже братья-ингуши превратились теперь в «русскоязычных». Миф об «оазисе» рухнул... Стремительно растёт настоящая криминальная волна, которая достигнет своего апогея в 1992–1996 годах²⁸. Похищения и убийства мирных граждан следуют одно за другим. Начинается

повальное бегство русских и «русскоязычных»²⁹. Их нигде и никто не ждет, несмотря на заявление с телеэкрана тогдашнего мэра Москвы Г. Попова, адресованное русским, проживающим на «национальных окраинах»: «Россия вас не оставит». Они растекаются по городам и весям бывшего Союза на свой страх и риск. Уезжает в г. Кизляр, ещё не зная, что уже никогда не вернётся, В.Б. Виноградов. Похищен, а затем убит ректор ЧИГУ В.А. Кан-Калик³⁰. Покидают родину многие чеченцы и ингуши — те, которые не могут смириться с разгулом «криминальной свободы».

Декабрь 1991 г. На фоне общего хаоса вершится крушение родных пенатов. Умирает мама, не встававшая уже с постели.

²⁷ Дуба-Юрт — чеченское село у въезда в Аргунское ущелье.

²⁸ О ней ярко рассказывается на страницах книги А. Кольева «Чеченский капкан» (М. : Препринт, 1997). Укажем только на красноречивое название одного из разделов — «Живодерня для русских» (С. 27–32). Благодарю за возможность ознакомиться с этой книгой бывшего грозненца Фариды Фахрутдиновича Резепова, пережившего вместе со своей супругой, как и сотни тысяч других «русскоязычных» жителей бывшей Чечено-Ингушетии, трагедию утраты своей малой Родины.

²⁹ О масштабах их подлинной трагедии в Чечне в 1990-е годы говорят такие данные. По подсчетам аналитиков Министерства по делам национальностей РФ, всего за период с 1991 г. по 1999 г. на территории Чечни «было убито (не считая погибших во время боевых действий) более 21 тыс. русских, захвачено более 100 тыс. квартир и домов, принадлежащих «некоренным» жителям Чечни, более 46 тыс. человек было обращено в рабство, либо использовано на принудительных работах» (Независимая газета. — 1999. — 6 июля. — С. 5).

³⁰ Некоторые авторы стремятся доказать, что В. А. Кан-Калик был, таким образом, наказан за свою поддержку концепции добровольного вхождения (*Шнирельман, В. А.* Быть аланами: интеллектуалы и политика на Северном Кавказе в XX веке. — М. : Новое литературное обозрение, 2006. — С. 287), и превратить бандитов в «идейных борцов». А как же быть тогда с национальной интеллектуальной элитой Чечни, которая, по словам того же Шнирельмана, покинула Чечню уже к 1994 г., спасаясь от «революционных разборок»? За что же наказали их?

Конец 1991 — начало 1992 гг. Чеченцы словно обезумели от обладания оружием. Оно у них в руках, заткнуто за пояс, оттягивает ремни, перекинутые через плечо. Иногда замечаешь, что оно направлено прямо на тебя, но, слава Богу, не стреляет. То тут, то там люди в форме различных отрядов — «гвардий» новоявленных лидеров Чечни. Студенты появляются в университете с привешенными к поясу кинжалами. Положение всех небооруженных двусмысленно и опасно. Оружие покупают прямо в центре города, рядом с площадью, на которой ещё стоит обезглавленный постамент памятника Ленину, и здесь же пристреливают приобретенный товар. Буднично звучат одиночные pistolетные выстрелы и короткие автоматные очереди. В газете «Голос Чечено-Ингушетии» от 21 января 1992 г. ветеран труда Р. Ф. Шипулина по этому поводу задавалась вопросом: «От кого обороняются и кто нападает? В большинстве случаев — это просто демонстрация силы и желание держать людей в страхе».

Доступность оружия рождает немыслимые ранее сценки. По проспекту Победы демонстративно флагируют молодые вайнахи — парень и девушка. Он в длинном до пят кожаном пальто с автоматом Калашникова в левой руке, правой приобнял за плечи её, идущую без косынки. Прежде такие свидания происходили на удаленных улицах и «пионерском расстоянии» друг от друга. Всем своим видом оба демонстрируют независимость и пренебрежение общественным мнением. Прежние авторитеты и нормы поведения не стоят ни гроша. По словам нынешнего профессора АГПУ Н. Н. Великой, её поразило вид пьяной вайнахской девушки в поселке Калинина. Так приходила долгожданная «свобода»...

Уже в Армавире приехавшие сюда русские из Чечни рассказывали мне о диком, невероятном прежде случае. В Грозном группа чеченских подростков *выбила глаз старику-чеченцу (!!!)*. По-

добное посягательство — едва ли не святотатство. Чеченские старики всегда пользовались особым почтением у соплеменников. Горделиво-монументальные, неторопливые, в неизменных папахах, полувоенных кителях и галифе, они шествовали со своими палочками, которыми могли с царственной бесцеремонностью ткнуть в плечо любого молодого человека и обратиться с каким угодно вопросом.

...Несчастный старик бежал по улице с воплем боли и стыда, выкрикивая слова, которые чеченец в другом случае не сказал бы и под пыткой: «СТАЛИНА НАДО!». При всей, казалось бы, аномальности такого заявления для вайнаха, оно не вызывает у меня удивления. Ещё в советский период некоторые из них возили портреты Сталина на лобовых стеклах своих автомобилей. Не могу не вспомнить и те аплодисменты, что раздались однажды в зрительном зале кинотеатра «Космос» при демонстрации фильма «Освобождение» ещё в 1970-е годы при сталинской реплике: «Я солдата на фельдмаршала не меняю». «Отцу народов» хлопали не только русские³¹. Могучая фигура

³¹ Понять этот феномен среди вайнахов помогает следующий факт. Широко известна популярность имама Шамиля у вайнахов (и у других горских народов). Между тем, сам Шамиль говорил следующее: «Правду сказать, для смягчения характера горцев я употреблял жестокие меры: много людей убито по моему приказанию, но без этого невозможно было обойтись; другого средства с этим народом нет; ...и я не боюсь дать за них [убитых] ответ Богу» (Цит. по: *Дегоев, В. В.* Имам Шамиль: пророк, властитель, воин. — М.: Русская панорама, 2001. — С. 155). В то же время вряд ли корректно прямолинейно сравнивать имама Шамиля со Сталиным. Они действовали в разные исторические эпохи и в разных условиях. Впрочем, некоторые национальные авторы ставят эти исторические фигуры рядом: «Кавказцы дали двух героев: Шамиля и позже Сталина...Это были исключительные герои, хотя принципы их были различны. Можно сказать, что Шамиль не уступал Сталину, хотя последний правил огромной империей» (*Хавжоко Шаукат Муфти*. Герои и императоры в черкесской истории. — Нальчик: Эль-Фа, 1994. — С. 166).

диктатора, страшная, таинственная, отталкивающая и одновременно притягательная, до сих пор неодолимо влечет к себе многих наших сограждан. Эта тяга к жёсткому порядку или тоска по тому, кто его наводил (или наведёт), живут не только среди части националов или старшего поколения нашей страны вообще. Помню полупьяного мужичка средних лет в каком-то русском городе на экране ТВ в период первых выборов В. В. Путина, выкрикивавшего в телекамеру как бы напутствие для нового вождя: «Жестоким надо быть, жестоким!»³².

Мы будем звать этих жестоких спасителей нас от необузданной ярости, хамства, невежества, национализма и шовинизма нас самих до тех пор, пока не научимся быть гражданами, а не обывателями.

А что же те историки, которые способствовали ликвидации «директивной истории» и, как следствие, наращиванию деструктивных процессов в Чечне, приходу к власти дудаевского, а затем и масхадовского режимов? По злой иронии судьбы они, выпустившие на волю страшного джинна³³,

³² См.: *Костиков, В.* О чём кудахчет элита. «Любовь» к Сталину — это народная пощёчина политикам // АИФ. — № 30. — 2008. — С. 6.

³³ П. Валери писал: «История — самый опасный из всех продуктов, вырабатываемых в химических лабораториях нашего ума, она побуждает к мечтаниям, она опьяняет народы, она порождает у людей ложные воспоминания, преувеличивает их рефлексы, растревляет их старые раны, лишает их покоя и ввергает их в манию величия или преследования» (Цит. по: *Висутаев, С. Б.* Воспитание историей — на классовую основу // Атеистическое и интернациональное воспитание в преподавании исторических дисциплин. — Грозный, 1988. — С. 16). И вот недавний образчик именно такого мышления: «Война бросила нас в самый эпицентр исторических вихрей, сотрясающих человечество. Мы выходим из тени великих держав, на нас обращает внимание весь мир. Настала пора изменений и переустройства. Мы должны взглянуть в зеркало своей истории, в зеркало своей судьбы» (Дени Баксан).

оказались в опале у новой власти. Боевиков с автоматами интересовало уже не то, что же было в далеком и не столь давнем прошлом, а то, как бы побольше наgrabить. Да разве только боевиков! Один английский журналист писал в начале 1990-х, что это в российском парламенте спорят о путях экономического развития, в чеченском просто крадут. Он был слишком высокого мнения о российских депутатах, которые «облагодетельствовали» свой народ приватизацией, которая оказалась ничем не лучше действий новых хозяев Чечни да и, пожалуй, проложила им дорогу. Искатели «исторической правды» на земле Чечни были уже не нужны. Пинком ботинка джигита в камуфляже они выброшены отсюда либо остались не у дел.

В феврале 1993 г., приехав, как оказалось, в последний раз навестить родительские могилы, я прочитал в газете «Импульс» от 29.01.93 горькую исповедь одного из ненавистников «добровольного вхождения». Меня особенно потрясли строки: «Ничего плохого о чеченском и ингушском народе в целом сказать не могу. Но в последнее время я стал верить тому, что высказывали Зубов, Полежаев и Ермолов о психологии чеченцев». Патриот своего народа, этот человек оказался морально раздавлен насилием и воровством в своей же стране, которую теперь нужно было бы теперь холить и лелеять. А случилось совсем наоборот. «Я безумно любил свой народ и гордился тем, что я чеченец... и притом добивался, чтобы на основных должностях были чеченцы и ингуши, хотя за это меня травили тогдашние власти... А с приходом «своих» я убедился, что многие чеченцы неспособны ставить народные и государственные интересы выше своих корыстных». Этому автору в отчаянии вторил преподаватель ЧИГУ Абузар Сумбулатов (родственник Д. Дудаева!): «Да, «человек массы» считает, что мораль, нравственность и политика несовместимы. Так, считающие пришли к власти, и имен-

но поэтому наша республика стонет от террора, насилия, беззакония и морального угнетения»³⁴.

И мне вспомнились строки В. Маяковского, когда рабочий-путиловец во время захвата Зимнего говорит пареньку, укравшему часы из дворцового интерьера: «Ты, парнишка, отдай ворованные часы. / Часы теперича наши» (курсив мой. — С.Д.). В отсутствии этого чувства у масс людей, во взрыве вседозволенности и торжестве разрушительных тенденций, отсутствии подлинной гражданственности и цивилизованного, а не родоплеменного, патриотизма³⁵, кроется одна из основных причин чеченской трагедии.

4 июня 1993 г. Артиллерийским и пулемётным огнём дудаевцами в крови было потоплено выступление чеченской оппозиции³⁶. Братоубийственный чеченский «термидор» навсегда похоронил любые попытки представить «чеченскую революцию» как «демократическую» и «освободительную». Вооруженный сепаратизм и национализм сбросил маску, окончательно обнажив свое истинное лицо.

³⁴ Сумбулатов, А. Что делать? Не по Ленину... Размышления по поводу чеченской революции и её движущих сил // Голос Чечено-Ингушетии. — 21.01.1992. — С. 3.

³⁵ Еще в конце XIX в. осетинский революционер-народник Алихан Ардасенов писал: «Горцы привыкли жить, мыслить и работать только во имя интересов рода, защищая и прославляя его; теперь же эти узкородовые интересы отходят на второй план и на их место становятся интересы всеобщей общины...и вот тут-то и обнаруживается вся неспособность горца поступиться своими родовыми интересами во имя блага всех» (Цит. по: Айларова, С. А. Особенности социально-экономического развития горских народов в конце XIX в. и работа Ардасенова, А. Г. Переходное состояние горцев Северного Кавказа // Россия и Северный Кавказ. — Грозный, 1990. — С. 106.). Как это расхождение актуально для Чечни даже сто лет спустя!

³⁶ См.: Головлёв, А. А. Очерки о Чечне. — С. 142–143.

ЭПИЛОГ

...Родительский дом был продан за гроши чеченцу Вахе, жившему с недавних пор на соседней его половине. Вахина деятельность по восстановлению «исторической справедливости» в рамках одного, отдельно взятого двора началась с того, что забор, все ещё отделявший наш с семьёй П. участок двора от двора, прежде принадлежавшего семье Р., был снесен. Достойный родственник Д. Дудаева сначала заявил мне о том, что дом был построен чеченцами (?), а затем не преминул напомнить о том, что я «запятнал себя связями с Виноградовым»². Затем прямо на наших с сестрой глазах и без нашего на то разрешения были снесены клумбы с цветами (как хорошо, что этого не увидели родители). Уже после моего отъезда из Грозного были спилены и вишни, росшие перед домом. Так, через вырубку нашего «виш-

*Россия там — где русские.
Уходят русские — уходит Россия.*

В. П. Громов.

Чечня того времени была наполнена удивительными образами. Вспоминается, например, наш первый поход с мамой к остову нашего сожжённого дома на пр. Победы, через утопающие в грязи, но ещё горячие руины. Тогда поразила возможность видеть от стадиона «Динамо» высотки где-то в районе площади Минутка (исчезли экранирующие их кварталы!) и ... лежащая на бывшем тротуаре около центрального входа на стадион чистенькая книжка Герберта Уэллса «Россия во мгле.

*Из письма грозненца,
пережившего войну
1994–1996 гг.*

Это была моя земля. Мои степи, леса, мои горы. Моя история, поэзия и проза. Что с того, если я так и не поехал в горный аул Ведено? Не увидел воочию Валерик? Эти незнакомые мне места тоже были мои родные, вошли в мою судьбу навсегда. Может быть, гребенские казачьи станции теперь станции только по названию. Может быть, в далеком горном ауле проклинают сегодня русское имя, русскую речь. Все впереди. Будет Россия, о которой годами не ведали, только едва догадывались, русский ли, горец, и мы ещё посмотрим. Что бы ни происходило с нами в нашу смутную пору, мы и сегодня узнаем эту былую, эту грядущую Родину в лицах своих солдат, воюющих в Чечне¹.

А. Гуллин.

невого сада» расчищалось место для дороги, по которой сосед собирался мчаться к счастью, благополучию и достатку в новой жизни. Без нас и таких как мы... Расстался со своим домом и сосед Александр, приехавший с Севера, чтобы продать жилье. Когда он вёл переговоры с Вахой о продаже дома, на него было тяжело смотреть. Куда делись уверенность и бравада этого некогда уличного заправилы, игравшего загоревшими бицепсами. Глухой голос, почерневшее лицо, вместо неторопливой, размеренной речи бормотание: «У него два пистолета, автомат, пулемёт (о соседе Вахе)...». Саня выглядел раздавленным, униженным, словно из него выпустили воздух, как из автомобильного баллона. Вряд ли стоит говорить о том, что и мой вид был не лучше.

С дорогим сердцу «причалом» пришлось расстаться. Пришли новые хозяева. Их охватила безудержная эйфория. На улице гремела чеченская свадьба, раздавались бившие пока что вверх автоматные и пулеметные очереди, торжество лилось через край. Только нам было не до веселья. Вскоре мы с сестрой разъехались в разные стороны. Я — в Армавир, где нас — «виноградовцев», как могли, радушно приняли ректор В. Т. Сосновский и другие коллеги. Сестра Ирина с младшей дочерью отправилась к старшей, Наташе, в Казахстан, город Актау, где им долго пришлось бедствовать, пока не наладилась жизнь. Наташа ныне работает в нефтяной промышленности, Зоя, закончив вуз в Питере, занимается гостиничным менеджментом.

Хорошо ли было соседу в моём доме? Очевидцы говорят, что дом ещё недавно был в развалинах. Как же верно сказал мне ещё в 1992 г. один из честнейших и порядочнейших сынов чеченского народа, заведующий кафедрой политэкономии ЧИГУ, покойный ныне профессор Супьян Османович Зоев, видя страдания и бегство русских и других «некоренных» жителей Грозного: «Один на-

род не может строить свое счастье на несчастье другого» (разве сами чеченцы не познали этого через свои трагические утраты 1944-го?!). Восстановление справедливости для одних неминуемо влечет за собой несправедливость и горе для других.

Великий эксперимент, или, как называет его моя землячка и сотоварищ по школе В. Б. Виноградова Виктория Шаульская (Авдиенко), «процесс формирования или рождения «новых» людей, был прерван в Чечне искусственно, так же как в других республиках бывшего СССР. Это была непоправимая ошибка, аборт, исправлять её придется тысячелетия, а результаты пожинать многим поколениям людей». «Больные русским и нерусским шовинизмом никогда не поймут всей прелести взаимопроникновения разных культур, когда притягиваются лучшие черты наций и на этой основе формируется несколько иной человек, причем совсем не обязательно брачное смешение крови»³.

Прекрасный город на Сунже теперь часто называют чеченской столицей, забывая о том, что он был возведен усилиями представителей различных народов России и СССР. Не вспоминают теперь и о том, что ещё совсем недавно большинство его населения составляли люди других национальностей. И в этом, как в капле воды, отразилась глубоко драматическая ситуация, сложившаяся на просторах бывшего СССР. Представители русского

¹ Гулин, А. Старогладковская, которую мы потеряли // Завтра. — № 35 (352).

² В среде русских и «русскоязычных» беженцев из Чечни бытовал такой рассказ. Однажды к Д. Дудаеву пришла русская женщина, чтобы пожаловаться на бесчинства своего соседа-вайнаха. Генерал слушал её молча. Исчерпав запас слов и эмоций, женщина использовала последний довод: «Так что же, мне уезжать, что ли?». Ответ президента республики был весьма показательным: «Уважающие себя люди уже давно уехали».

³ Шаульская, В. Грозненская черешня. — М., 2004. — С. 20–21.

С. Л. Дударев

Это было
недавно,
это было
давно...

и других народов, живших за пределами «своих» национальных образований — так называемые русскоязычные, которые, словно цемент, скрепляли огромное здание Советского Союза, после того, как это здание рухнуло, оказались повсеместно никому не нужными и брошенными на произвол судьбы. Но ещё хуже то, что русскоязычные, и особенно русские, за годы жизни в стране, где человек любой национальности привык чувствовать себя везде как дома, потеряли способность консолидироваться и отстаивать свои права в кризисной ситуации. Те из них, кто превратились в «унесенных ветром» гибельного августа 1991 г., оказались разбросанными по просторам бывшей великой державы часто в самом униженном положе-

Младшая дочь сестры — Зоя Бельмас — в грозненской квартире (фото слева).

Старшая дочь сестры — Наташа Бельмас — во время зарубежной поездки.

нии. Кое-где, например, в Средней Азии или той же Чечне, ими запросто торговали как рабами. И это мало кого волновало. Шум поднимался только тогда, когда похищали иностранного или НТВ-шного (что, в принципе, в те годы было одно и то же) журналиста. Сейчас много пишут и говорят о теперешних проблемах коренного населения Чечни. Слов нет, его положение нелегкое. Но разве проще была (и есть) ситуация у множества из тех русских и «русскоязычных», кто оказался выброшен со своей малой Родины в результате «чеченской революции» ещё в начале 1990-х годов⁴ и последующих двух страшных войн? Между тем о них редко вспоминают в российских средствах массовой информации. Мало обращаются к этой теме

Эпилог

⁴ В течение 1991–1994 г. Чечню покинуло не менее 220 тыс. русских (Великая, Н. Н., Дударев, С. Л. Из истории русского населения Чечни // Россия на рубеже тысячелетий: итоги и проблемы развития : материалы Всероссийской научно-практической кон-

ференции. — Армавир, 2000. — С. 84). Эти данные недалеки от сообщения о том, что общее число беженцев из республики к декабрю 1994 г. превысило 200 тыс. человек (Независимая газета. — 1999. — 6 июля. — С. 5).

и уважаемые ученые. Никто не обмолвился и словом об этих беженцах в таких авторитетных международных организациях, как ОБСЕ, ПАСЕ и т. п., словно это люди «второго сорта». А ведь Чечня — и их родина тоже.

Болью отдается то, что после трагических событий 1994–1995 и 1999–2000 гг. Грозный оказался почти полностью разрушен, как и ряд других городов и сел бывшей Чечено-Ингушетии.

Слишком высокой оказалась цена борьбы с вооруженным сепаратизмом. Только в войне 1994–1996 гг. республике, по некоторым данным, был нанесен ущерб в 140–150 млрд долл. США⁵ — это несколько государственных бюджетов России того времени. Но разве дело только в цифрах? Неизмеримы потери человеческие, моральные. Да, криминально-сепаратистский анклав, поправший все права человека, гнездо преступности и терроризма, подобный дудаевско-масхадовской Чечне, на своей территории не потерпит ни одно вменяемое государство, каким «демократическим» и «либеральным» оно бы ни было. Но ситуация в этой республике и вокруг неё накануне военных операций нуждалась во всестороннем политическом, экономическом, психологическом анализе.

На что надеялись те, кто отдал приказ бомбить? Что порядок будет наведен с помощью одного только оружия, что чеченцы разбегутся при первых же выстрелах, как уверяли даже некоторые из тех, кто, казалось бы, знал их психологию, язык, историю, фольклор. Несмотря на все обиды и потери, не могу не сказать о том, что чеченцы — мужественные люди. Один пятилетний ребенок запомнился мне тем, что сказал: «Я не должен плакать, я же чеченец!». Характер-ремень воспитывается у них всю жизнь. Помню и другой случай, когда некий отец ударил своего взрослого сына-мужчину за то, что тот в жару издал звук вроде «Уфф!». Лучше все-

го сказал об их типе характера герой войны 1812 г. Денис Давыдов, который о другом герое той же войны, Александре Чеченском, написал: «Или явный друг, или явный враг». Середины у них не бывает.

К тому же всякий, кто знаком с историей Чечни, знает, что чеченцы — это мастера партизанской войны, усвоившие и весь лучший опыт советской армии⁶. Напротив, навыки умелого противоборства в горных условиях были неизвестны не только многим военнослужащим российской армии, особенно новобранцам, брошенным в Чечню в середине 1990-х. Поразительно, но факт: особенности «горно-лесной войны» оказались не учтенными командованием Объединенной группировки войск⁷. Тогдашние руководители страны⁸ и генералы принимали решения, забыв и опыт Второй мировой. Это наглядно показывает неудачный штурм Грозного, предпринятый под Новый 1995 г.⁹ Как

⁵ См.: Вестник ЛАМ. — 2004. — № 22. — С. 17.

⁶ Как ни прискорбно это осознавать, но боевые действия в Чечне, а теперь и в Южной Осетии столкнули российскую армию с теми силами, которые наследовали советские боевые навыки, выучку, технику или получили их в порядке «союзнической» помощи от бывших республик СССР. Те военные конфликты, которые уже произошли на территории СНГ, — своеобразный «бой с тенью», который, по большому счёту, выиграть невозможно. Это трагическая расплата за гибель нашей великой Родины — Советского Союза.

⁷ Весь многолетний опыт «Кавказской войны», борьбы с бандитизмом в 1920–1940-х годах был предан забвению. Немалые потери федеральных войск в Чечне — это прямое следствие такой «потери памяти».

⁸ По более позднему (увы!) признанию А. Коржакова, бывшего начальника Службы безопасности, Президента РФ Б. Ельцина «операция... в ноябре была фатальной ошибкой» (Московский комсомолец. — 2004. — 26 февраля).

⁹ Разумеется, эта критическая оценка относится далеко не ко всем нашим военным руководителям. Россия никогда не забудет своего верного сына генерала Л. Рохлина и других военных, чьи подразделения продемонстрировали тактическую грамот-

ни парадоксально, но не был даже в необходимой мере учтён опыт войны в Афганистане. Б. Ельцин и его окружение хотели продемонстрировать силу на волне «шапкозакидательских» настроений, не считаясь с реальностью.

Но возникает и вопрос, противоположный поставленному выше. Было ли применение силы абсолютно неоправданно и бессмысленно? Как отмечает компетентный специалист-кавказовед, «канонизируемое в русской культуре миролюбие не вписывается в уклад горской культуры. Представителям последней в миролюбии не усматривается агрессивности, готовности к борьбе, а видится нежелание борьбы, бегство от неё и, следовательно, слабость носителя таких психологических черт (следует ссылка на работу: *Цуциев, А.А. Русские и кавказцы : очерк привычных восприятий // Научная мысль Кавказа. — 2001. — № 3. — С. 51*)¹⁰. Однако с открыто заявленной кем-либо и главное продемонстрированной и «доказанной» им силой горцы вынужденно смиряются и принимают её над собой, что в достаточной мере проиллюстрировали настроения масс в Дагестане по окончании Кавказской войны»¹¹.

В этом суждении проявляется действительная черта кавказского менталитета, которая уже, кстати, была освещена нами выше. Она не является выдумкой неких кабинетных «спецов»¹². И всё же, несмотря на то зло, которое принесла людям разных национальностей (и самим чеченцам тоже) «криминальная революция» в Чечне, следовало бы «семь раз отмерить», прежде чем вступать в вооруженное противоборство с отрядами боевиков, на стороне которых выступили и те их соплеменники, которые первоначально не собирались брать в руки оружие. Но необычайная солидарность чеченцев вновь проявила себя в минуту опасности, когда у порога Чечни оказалась война. Никто не стал разбирать правых и виноватых

среди своих в конце 1994 г., хотя прогнанный дудаевский режим полностью дискредитировал себя к тому времени. Российское общество тогда не могло понять (да и вряд ли оно хорошо осознало это до конца теперь), что боевики, члены действующих в лесах банд в массе своей являются чьими-то отцами, братьями, сыновьями и т. д., членами тейповой организации, которая сохраняет все свои права среди вайнахов, наконец, единоверцами-мусульманами, что для чеченцев — фактор огромной силы¹³. Они — часть современного чеченского общества и отрезать их от себя может только оно само, если захочет¹⁴.

ность, боевую выучку, волю и боевое мастерство. Патриот России, Лев Рохлин не собирался в мирной жизни склонять голову перед теми, кто загнал страну в гибельный тупик. Изошренное, иезуитское убийство оборвало в 1998 г. жизнь генерала. А через четыре года по такому же «сценарию» был устранил и его друг генерал Моисеев.

¹⁰ Еще одну работу А. А. Цуциева, где прослеживаются эти и иные психологические особенности горской и русской культуры см.: *Цуциев, Артур. Русские и кавказцы: по ту сторону дружбы народов. — Режим доступа : <http://lib.sportedu.ru/BiblCard.idc?DocId=126265&DocQuerID=Null&DocTypID=NULL7QF...>*

¹¹ *Карпов, Ю.Ю. Взгляд на горцев. Взгляд с гор : мировоззренческие аспекты культуры и социальный опыт горцев Дагестана. — СПб.: Петербургское востоковедение, 2007. — С. 202.*

¹² В дудаевско-масхадовской Чечне были весьма показательные проявления борьбы как с криминальными элементами, так и неугодными: практиковались публичные казни, демонстрировавшиеся по ТВ, на площадях (например, на «Минутке») выставлялись отрубленные головы людей.

¹³ *Дударев, С.Л. Россия и Чечня в конце XX в.: что дальше? // Россия в конце XX века: пути выхода из кризиса. — Армавир, 1999. — С. 21–23.*

¹⁴ Чеченскому общественному сознанию ещё предстоит сделать для себя нелегкий, но судьбоносный выбор исторического значения — кого считать истинными джигитами, мужчинами, чеченцами, образцом для подражания подрастающих поколений чеченской молодёжи: «лесных братьев», воюющих за газават, или воинов-мусульман, отстаивающих государственное единство Российской Федерации. До тех пор пока такое самоопределение не свершится окончательно, на многое испытавшей земле Чечни ещё долго будут раздаваться выстрелы.

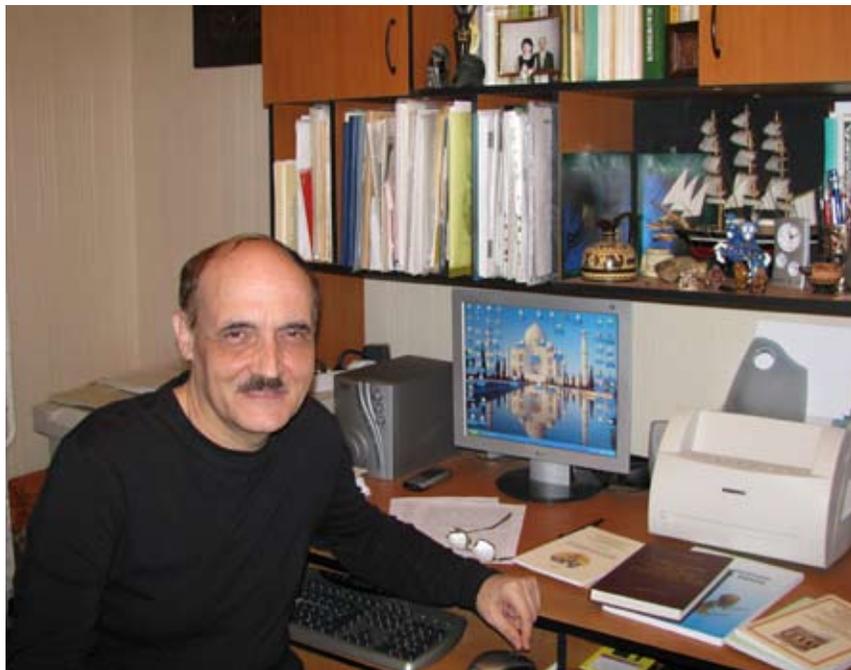
С. Л. Дударев

Это было
недавно,
это было
давно...

Нельзя забывать и о том, что чеченская диаспора — многочисленное, влиятельное образование — рассеяна по всей стране¹⁵. Судьбы чеченского народа, хочет этого кто-то или нет, тесно переплетены с судьбами других народов России.

И если уж государство, несмотря на всё это, собиралось разрубить «гордиев узел» чеченской проблемы вооруженным путём, то должно было сделать это хирургически точно, эффективно, профессионально. Но получилось то, что известно всем. Понадобилась вторая операция в Чечне, которую вызвало не только циничное нападение боевиков на Дагестан, но и теракты в Москве, напрямую угрожавшие стабильности тогдашней власти¹⁶.

С. Л. Дударев в домашнем кабинете. 2008 г.

Кровоточащие проблемы Чечни не спрячешь теперь за один международный терроризм, который с удовольствием воспользовался чеченским очагом конфликта на Кавказе и бросает в бой не только мужчин, но и женщин, презрев чеченские и вообще исламские традиции, которые отвергают суицид. Зазвучали выстрелы в Нальчике и Махачкале, гремят взрывы в Москве и других российских городах. Зараза терроризма поползла по российской земле... Он опирается не только на внешние, зарубежные источники, но и растущее социальное недовольство населения северокавказских республик. Одно из центральных мест в идейной платформе сторонников ваххабизма занимает концепция непризнания любой власти, отходящей от предписаний шариата. В условиях обострения ситуации в северокавказском регионе эта концепция может показаться привлекательной тем, кто возмущен действиями коррумпированной власти, кто недоволен падением морали и нравственности, особенно среди молодежи (и

Эпилог

¹⁵ Федеральные власти до сих пор не осознали, что для нормализации ситуации в Чечне необходимы целенаправленные, постоянные контакты и диалог с обширной и богатой чеченской диаспорой, поиск рычагов энергичного воздействия на неё, особенно ту часть, которая проживает в г. Москве. Диаспора имеет тесные и глубокие связи со своей малой Родиной и, по нашему мнению, немало каналов для оказания конструктивного (так и деструктивного) влияния как на конкретных людей, так и их группы в Чечне (и за её пределами). Кроме того, капиталы диаспоры могут сыграть существенную роль в восстановлении экономики Чечни.

¹⁶ Примечательно саркастическое замечание В. В. Дегоева по этому поводу: «Теперь гибнут не абстрактные «граждане России», а конкретные «граждане Москвы». Но и до них политикам не было бы никакого дела, если бы не одно историческое обстоятельство: от недовольства в столице ничего хорошего для власть и деньги имущих ждать не приходится. Москву нужно содержать в сытости и безопасности. Это — аксиома, вынесенная из богатого опыта русских революций» (Дегоев, В. В. Большая игра на Кавказе: история и современность. — М.: Русская панорама, 2003. — С. 399).

не только среди той, которая выросла в условиях войны). Необходимо искоренять основы для ваххабизма внутри северокавказского общества, для чего нужны подлинная демократизация, борьба с клановостью и коррупцией, нити которой уходят на самый верх¹⁷.

А ведь всё это можно было остановить гораздо раньше. Но в самом начале эпохи ельцинизма шла безудержная борьба за власть, бушевал разнузданный дележ советского наследства, а в угоду новой «демократии» были принесены в жертву все моральные принципы и национальная безопасность. Именно тогда из Чечни сделали «бермудский треугольник», где могли скрыться любые преступники¹⁸ и украденные деньги¹⁹, а по большому счету — плацдарм для обкатки модели дальнейшего разрушения России²⁰. Сведущие аналитики утверждают: «В конечном счете, чеченский сепаратизм с его мощной криминальной и идеологической составляющей был выращен, вооружен²¹ и поощрен на

радикальные действия Москвой»²². И теперь понадобятся усилия целого ряда поколений для того, чтобы воцарился мир и в России, и в той её части, которая называется Чечней. В то же время кощунственно попрекать руинами и жертвами Грозного русского, российского солдата, который мужественно и, как всегда, терпеливо, упорно, героически выполнял свой долг, а иные политические интриганы и коррупционеры похищали, порой, плоды его тяжких боевых усилий²³.

...Для меня, моей жены и детей уже нет возврата к прежней жизни, которая растоптана дельцами от политики, бандитами и просто равнодушными людьми. Город детства, родительские могилы — всё это потеряно навсегда. Сейчас русских зовут в Чечню. Но рядом, в Ингушетии, убивают русских учителей, в том числе беременных женщин. Нет пути туда, где нет гарантий для безопасности и мирной жизни, где всё ещё прячутся под покровом ночи безжалостные бандиты, ме-

¹⁷ *Тхагалсоев, Х. А.* Мифогенез в новейшей истории российских этносов // Политическая мифология и историческая наука на Северном Кавказе. Южнороссийское обозрение. — 2004. — №24; *Курбанов, Р.* Расползание джихада. Первичные факторы и масштабы радикализации северокавказского ислама // Политическая мифология и историческая наука на Северном Кавказе. Южнороссийское обозрение. — 2004. — №24; *Дегоев, В., Ибрагимов, Р.* Северный Кавказ: постсоветские итоги как руководство к действию или Повестка дня на вчера : доклад-эссе. — М. : Издательский дом «Империум XXI век», 2006; Этнокрации на Юге России в экспертном измерении / Южнороссийское обозрение. — Вып. 47. — Ростов н/Д : из-во СКНЦВШ ЮФО, 2007.

¹⁸ В Чечне нашли пристанище более 1200 опасных рецидивистов. Накануне 1-й чеченской кампании в Грозном ежедневно погибало около 10 чел. (Красная звезда. — 1994. — 30 декабря).

¹⁹ Только с мая 1992 г., когда были впервые раскрыты фальшивые авизо, и до конца 1994 г. этим способом государству был

нанесен ущерб на сумму более 4 триллионов рублей (Красная звезда. — 1994. — 30 декабря) (В ценах того времени. — С. Д.).

²⁰ Д. Дудаев заявил: «Россия должна быть разрушена всем миром. Именно молодым людям — кавказцам, где бы они ни были, в любом конце земного шара предписано наносить России и нынешнему российскому режиму максимальный урон» (Чечня в пламени сепаратизма. — Саратов, 1998. — С. 281).

²¹ Только одного стрелкового оружия, оставленного в Чечне при отводе российских войск, хватило бы для вооружения четырех мотострелковых дивизий! (Документальный фильм «Чеченский капкан». RenTV. 27.09.2004).

²² *Дегоев, В., Ибрагимов, Р.* Северный Кавказ: постсоветские итоги как руководство к действию или Повестка дня на вчера : доклад-эссе. — М. : Издательский дом «Империум XXI век», 2006. — С. 23.

²³ По свидетельству американской газеты «Вашингтон пост», «в Чечне российские солдаты и офицеры воюют и работают в таких условиях, в каких ни одна другая армия мира не смогла бы действовать» (Красная звезда. — 1996. — 22 августа).

тодично добивая последние остатки русских²⁴. Святое место для каждого — место, где покоится прах самых близких людей, а Грозненское кладбище превращено нелюдьми в свалку. Горько и то, что судьба разлучила с сестрой, скончавшейся в 2004 г. Место её упокоения в совсем другой теперь стране. Домом стал Армавир, где уже воплотились (и Бог даст, ещё осуществятся) многие мечты, не сбывшиеся в Грозном. Переезд на Кубань стал поистине спасением и обретением второй малой Родины, особенно для моих детей — Лены и Димы. Но это — уже совсем другая история. И пусть прологом к ней станут эти посвященные автору стихи.

*Господи, милый Боже,
Если, конечно, Ты есть.
Дай ему счастья тоже,
И по заслугам честь.*

*Мужества дай и воли,
Творческого огня.
Самой счастливой доли,
И не забудь про меня.*

Ирина Бельмас

²⁴ Один офицер-федерал, бывавший в Чечне в последние годы, рассказывал мне, что на его приветствие «Ас салам алейкум!», традиционное для мусульман и означающее «Мир вам!», местные жители сдержанно отвечали ему по-русски «Здравствуйте!». Между тем, в 1843 г., в разгар «Кавказской войны», пленный солдат С. Беляев, обращаясь к чеченцам, которые перед этим вышли из выигранного ими боя, но с потерей уважаемых сородичей, произносил все те же «Салам алейкум» и слышал в ответ: «Ва алейкум ас салам!» («И тебе мир!») (Беляев, С. Десять месяцев в плену у чеченцев. — Грозный, 1991. — С. 6). Какой печальный и показательный контраст! Кто же поедет в места, где русским не желают мира?

*Ах, эти чертики
в глазах —*

*Залог успеха!
Не удалось лишь навсегда
В Париж (?) уехать...*

*Наверное, Азия нагая
Собой манила
И как распутная
подружка
Любовь дарила...*

*Пусть повторится
Ваша жизнь
В российской ночи,
Чтоб в добрый мир
Дверь отворить,
Как в дом Твой отчий...*

В. Шаульская

И всё же не могу завершить книгу на самом себе. Я хочу верить в то, что те люди, которые будут жить в Грозном лет через 50, окажутся счастливее нас. Я желаю этим чеченцам, русским, ингушам, армянам, осетинам, татарам, украинцам, евреям и многим другим представителям народов, когда-то населявших наш город, вновь обрести его, снова наполнить улицы Грозного своей разноязыковой речью, жить в нём не боясь никого и ничего, вдыхать весной запах садов, а не смрад войны, осенью же — разлитый в чарующем воздухе бабьего лета легкий дымок от костров, а не пожара. *Чечне не стать процветающей, пока населявшие её прежде народы — в изгнании.* Пусть это только мечта. Она не осуществится до тех пор, по-

С. Л. Дударев

Это было
недавно,
это было
давно...

ка россияне не поймут, что проблемы Чечни — не только в самой Чечне. Недаром В. В. Путин как-то сказал: «У нас, куда ни суйся, везде Чечня». Страну пронизали гниль и предательство²⁵, идет ужасающий раскол между богатыми и бедными, чреватый новыми потрясениями²⁶. Только покончив с этим, можно будет навести порядок на просторах России, которая вновь сможет стать Великой. И тогда придет желанный мир для всех на берега Терека и Сунжи.

²⁵ По словам известного крупного предпринимателя Аркадия Вольского, Д. Дудаев говорил, что он получает секретные бумаги из Москвы раньше, чем они ложатся на стол Б. Ельцину (Документальный фильм «Чеченский капкан». RenTV. 29.09.2004).

²⁶ Разница в доходах у 10 % богатейших и 10 % беднейших — 25 раз. ООН предупреждает — переход 10-кратного барьера грозит взрывом. Вот почему на Западе этот порог не превышает 6–8 раз. В свете этих цифр вряд ли неправы те, кто отмечает: «Главным источником потенциальной дестабилизации России оказывается правящий класс. Постоянно индуцируя волны нестабильности, он управляет страной в режиме «управляемого хаоса», от которого к хаосу неуправляемому — лишь один шаг. И шансы, что сей роковой шаг будет сделан, растут» (Есть ли у нас будущее? // Литературная газета. — 11–17 июня 2008 г. — № 24 [6176]).

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Вот и закончена книга, которая, как доброе вино, годами вызревала в душе, но появилась на свет довольно быстро. Стоило мне летом 2006 г. только на один день зарыться в семейные фотографии, как лики прошлого увлекли меня в свой головокружительный водоворот, выбраться из которого уже не было никакой возможности. Впрочем, к написанию этой книги я, нужно признать, пришел не вдруг. Ей предшествовали пробы пера в виде очерка об отце (2001 г.) и общей зарисовки о годах, прожитых в Грозном, впервые написанной в 2005 г.

Какой удалась моя книга — судить тем, для кого она была написана. Могу сказать одно — теперь моё потомство будет иметь представление о том, как жили его предки в конце XIX–XX вв. «Семейная история», как жанр микроистории, становится сейчас всё более популярной. Нынче нет ни-

каких ограничений для воссоздания прошлого той или иной семьи, ушла боязнь за то, что её представителей могут уличить в принадлежности к «классово чуждым элементам» и тому подобном. Прошлое перестает быть тем «проклятым прошлым», о котором следовало забыть, стереть его из памяти, сжечь фотографии и документы, расстаться с дорогими сердцу вещами, напоминавшими о дедушках и бабушках, в конечном счете, приметях «старого режима». Да и хранить семейные реликвии было уделом относительно обеспеченных людей. А разве могли похвастаться своим благосостоянием многие наши соотечественники, особенно в первой половине и середине XX в.¹? Так или иначе, но всё больше восстанавливается тонких нитей, цепочек, которые тянутся через года от наших современников в прошлые столетия.

Мои усилия на поприще семейного бытописания были вдохновлены добрыми примерами. Это книги Павла Борисовича Виноградова «Два чувства дивно близки нам», Риммы Викторовны Божедомовой «Воспоминания», брошюра Виктории Шаульской «Грозненская черешня» — моих земляков, живущих в г. Твери и Москве². К тому же на историческом факультете Армавирского государственного педагогического университета, где я работаю 16 лет, всё больше появляется выпускных квалификационных студенческих работ, в кото-

рых предпринимаются попытки написания истории семей наших питомцев и даже их родных сел и станиц. В них оживает история страны, огромной и в то же время состоящей из множества мелких и мельчайших клеточек — семей и отдельных людей, которые незаметно, упорным повседневным трудом творили и творят её. История повседневности — это ещё одна грань, которая манила меня в желании реконструировать хотя бы общий набросок нашего семейного быта. Обыденные эпизоды давно или недавно ушедшего вдруг с особой силой захватили мое воображение. Они составили ту ткань, которую Господь отмерил на скромное, но дорогое сердцу полотно, что находится перед читателем в ожидании его вердикта.

Повторявшаяся изо дня в день рутина бытового уклада, привычные дела, обстановка, казалось бы, неизменные отношения в обществе, внешне устойчивые представления о мире и человеке и многое другое делали ощущение жизни таким, что казалось — всё это будет вечно. Так в сознании формировалась причастность к тому, что некоторыми историками называется «большая длительность» (термин великого француза Фернана Броделя), как своеобразный эквивалент самой истории. Многое из того, что составляло эту «длительность» советской эпохи, ныне уже отринуту, что-то по-прежнему существует. Жизнь не

¹ Отголоски той исторической ситуации вижу у А. И. Тереножкина, который пишет о своей встрече в августе 1945 г. с супругами Ганчар в Вене (Франц Ганчар — выдающийся австрийский и европейский археолог середины XX в.): «Они были голодны, но жили какими-то традициями (часы моей бабушки, стол отца). У меня же нечем упомянуть прошлое, кроме приобретенного мною. Оно только моя голова и более ничего» (Из жизни Алексея Тереножкина. — Киев, 2006. — С. 46).

² П. Б. Виноградов — кандидат медицинских наук, доцент, заведующий кафедрой гигиены Тверской медицинской академии, старший брат В. Б. Виноградова; Р. В. Божедомова — пенсионер, вдова видного ученого экономиста, много лет проработавшего в Грозненском нефтяном институте; А. И. Божедомова — доктора экономических наук, профессора; В. Шаульская. — предприниматель.

С. Л. Дударев

Это было
недавно,
это было
давно...

стоит на месте. Так почему же всё то, что было в истории семьи, её повседневно-размеренном и обманчиво-прочном бытии, влечёт меня теперь? Это вера моих родителей и сородичей в лучшее будущее, это их упорный и беззаветный труд во имя близких и страны, это тепло и уют домашнего очага, это свет и доброта сердец самых близких на свете людей, согревшие меня на долгие годы вперед и посеявшие в душе неистребимое желание быть достойным их памяти.

ВСЕМУ НА СВЕТЕ ЕСТЬ ПРЕДЕЛ:
ЛЮБВИ И СЧАСТЬЮ, И СТРАДАНИЮ.
НО ВЕЧНЫМ БЫТЬ САМ БОГ ВЕЛЕЛ
ЛИШЬ ОДНОМУ ВОСПОМИНАНИЮ.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	5
Глава 1. Дом, улица, соседи, город.....	8
Глава 2. Детские игры и развлечения. Друзья семьи, быт, общая атмосфера	54
Глава 3. Отец и старшие Дударевы	120
Глава 4. Мать и семья Фёдоровых	154
Глава 5. Ирина и Сергей Дударевы	203
Эпилог	251
Послесловие	267

Дударев Сергей Леонидович

ЭТО БЫЛО НЕДАВНО, ЭТО БЫЛО ДАВНО

Очерки истории и повседневного быта
одной семьи в интерьере эпохи

Издание осуществлено
за счёт авторских средств

Издательство «Сервисшкола»

Сдано в набор 20.04.2008. Подписано в печать 27.11.2008.
Формат 60 x 90 1/16. Гарнитура Georgia. Бумага 80 г.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 17. Тираж 350 экз. Заказ.

Отпечатано в «Агрус».
г. Ставрополь, ул. Мира, 225.

С.Л.
ДУДАРЕВ

ЭТО БЫЛО
НЕДАВНО,
ЭТО БЫЛО
ДАВНО...

С.Л. ДУДАРЕВ

В книге, написанной известным историком и археологом кавказоведом, доктором исторических наук, профессором С.Л. Дударевым, освещается история его семьи. Особое внимание автор уделяет жизненному пути своих родителей, рассматривая его, как и быт семьи в Грозном, в контексте прошлого страны. Действие разворачивается на фоне тех реалий этого южно-российского города с трудной, трагической судьбой, многие из которых уже навсегда ушли в прошлое. Автор пристально вглядывается в повседневную жизнь своей семьи как микрочастицу общества, проходящую на фоне и во взаимосвязях с ближайшим окружением — соседями, друзьями, товарищами по работе, родственниками. В книге много личных впечатлений и наблюдений, воспоминаний родителей, сестры, других близких родственников. В то же время они соединены с доступным автору жизненным, публицистическим, научным материалом по советской эпохе и истории Кавказа. Цель автора заключается в том, чтобы через призму обыденного существования своей семьи и его перипетий отразить некоторые характерные черты бытия и атмосферы той социальной среды, к которой принадлежит он сам, и продемонстрировать отдельные важные приметы времени, определенного, в основном, рамками второй половины XX в.

ЭТО БЫЛО
НЕДАВНО,
ЭТО БЫЛО
ДАВНО...

Очерки истории и повседневного быта
одной семьи в интерьере эпохи